

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ

Язык был предметом анализа философии с самого начала ее возникновения — от Платона и Аристотеля до наших дней. С этим общим мнением можно согласиться, и это мнение вполне справедливо. Однако это общее мнение слишком бедно и не характеризует особенностей трактовки языка в философских концепциях того или иного периода и не задает ту систему отсчета, которая была ведущей при исследовании проблем сознания и познания. Поэтому необходимо выявить *differentiae specificae* того подхода к языку, который стал доминирующим в конце XIX и в начале XX века и который пронизывает наиболее значимые философские построения всего XX века. О лингвистическом повороте в философии заговорил впервые, очевидно, Р. Рорти в 1967 году.¹

Язык стал центральной темой современной философии — от аналитической философии до фундаментальной онтологии, от философии естественного языка до семантики в логике. Можно вместе с Д. Л. Остиным предположить, что превращение языка в средоточие философского анализа приведет к возникновению лингвистической феноменоло-

---

¹ Rorty R. *The Linguistic Turn*. Chicago, 1967.

гии — дескриптивной научной дисциплины, которая изучает концептуальные свойства лингвистических актов. Это предположение скорее всего не сбудется, однако то почетное место, которое ныне занимает язык в философском анализе проблем логики, гносеологии, онтологии и аксиологии, не только формирует специфическую картину философского сознания XX века, но и задает определенный вектор интеграции дифференцирующегося философского знания. Этот вектор — философия языка, который по-разному трактуется в различных философских концепциях, но вместе с тем не трудно выявить и общие линии в его понимании.

Прежде всего подчеркнем, что трансформировалось понимание роли языка. На рубеже XIX и XX веков в философии произошел поворот, который существенным образом изменил постановку и решение проблемы универсалий. Этот поворот обычно называют поворотом философии к языку, осознанием ею принципиальной, активно-творческой функции языка в жизни сознания, познания и всех способностей человека. Язык оказался той силой, которая формирует категориальные структуры человеческого познания и сознания, задает перспективу видения мира. Не только гносеология, но и онтология формируется языком как творческой силой, строение мира задано структурой языка, правда, сама структура языка трактовалась по-разному — в этом и заключался тот важнейший сдвиг, который произошел в философии на рубеже веков. Язык — не просто пластический материал выражения мысли и ее форм — понятий и идей, а та деятельность (*energeia*, как сказал бы В. Гумбольдт), которая создает сам способ мысли и ее категориальные формы.

Кроме того, трансформировалось и понимание знания, его природы и форм. Средоточием нового понимания знания стала трактовка его как совокупности или системы предложений. Знание выражается в предложениях. Теория, которая еще совсем недавно понималась как созерцание в противовес дискурсивно-рассудочному знанию или как спекулятив-

ное знание в противовес эмпирически-опытному знанию, стала пониматься как система предложений. Пропозициональный подход к теоретическому знанию абстрагируется не только от вопросов, ответами на которые являются утверждения или предложения, но и от методов получения знания.

Эта трактовка знания вообще и теоретического знания в частности существенно изменила и трактовку проблемы значения: отныне речь идет не о значении слов или идей, а о значении предложений, о том, каким образом значения формируются структурой предложений. Тем самым теория значения не ограничивается грамматикой языка, а приобретает более широкий — синтаксический, а затем и семантический контекст.

Г. Х. фон Вригт назвал 1930-е годы концом «героической эпохи» в логике. Открытие К. Геделем неполноты формализованных исчислений и семантическая теория истины А. Тарского задали совершенно иную перспективу исследованиям в области логики и теории познания: «Теорема Геделя о неполноте имела серьезные последствия для формалистской программы аксиоматизации, доказательства непротиворечивости и разрешимости. Она ограничила самую идею, в конечном счете восходящую к Лейбницу, о формализации всей рациональной мысли в виде синтаксических структур и мышлении как игре символов безотносительно к их значению. Соответствующее достижение Тарского означало выход за пределы синтаксической точки зрения и ее дополнение семантической. Отсюда отношение языковой структуры и языкового значения стало доступным для точного анализа. Чрезвычайно плодотворная область теории моделей выросла из этого открытия семантического измерения в логике»². Движение лингвистической философии от значений к анализу предложений и их взаимосвязей привело

² Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 85.

вначале к тому, что философия абстрагировалась от проблематики значения предложений, вынесла значение за скобку лингвистического анализа и не тематизировала его, считая значение выдумкой или украшением. Такого рода негативная оценка значения характерна, например, для У. в. О. Куайна, П. Фейерабенда и др. Затем началось движение к включению проблематики значения в анализ предложений либо в качестве условий их истинности (М. Даммит, Д. Дэвидсон и др.), либо в качестве интенций и диспозиций индивидуального субъекта действий (П. Грайс и др.), либо как объективный результат познания без познающего субъекта (К. Поппер, М. Фуко и др.).

В современной философии языка прослеживается альтернативность двух позиций: с одной стороны, анонимного дискурса (дискурсивных формаций, «третьего мира» объективного знания), а с другой, концепции речевых актов, обращающихся к субъекту лингвистических актов, к их намерениям, интенциям, диспозициям. Хотя эти позиции альтернативны, они все же объединены общим пропозициональным подходом к знанию. Как заметил И. Хаккинг, «предложение имеет даже большее значение, если мы начнем обходиться без вымышленной фигуры познающего субъекта и будем рассматривать дискурс как автономный»³.

³ Хаккинг И. Почему язык важен для философии // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 288.

СТАРЫЙ СПОР РЕАЛИСТОВ И НОМИНАЛИСТОВ?

Отношение философов различных направлений к спору номинализма, реализма и концептуализма далеко не однозначно. Некоторые полагают, что этот спор затрагивает фундаментальные проблемы онтологии и отнюдь не преодолен и в современной философии. Другие же считают, что он, перейдя в плоскость формальной логики, утратил свое фундаментальное значение, стал частным и производным, характеризуя онтологические основания современной формальной логики, и ничего более. И в отечественной историко-философской литературе также нет однозначного ответа на вопрос о характере современных споров номинализма и реализма, о его фундаментальности или производности. Так, А. С. Богомолов, характеризуя онтологическую проблему в работах У. Куайна и Н. Гудмена, подчеркивал: «Детальная разработка онтологии развертывается скорее в другом плане — в плане «спора об универсалиях». Восходящий исторически к спору средневековых номиналистов и реалистов, он получает в наше время другой смысл. «Спор об универсалиях» ведется ныне в рамках формальной логики и — именно и только в рамках этой частной дисциплины — не имеет уже философского характера. Это спор о том, можно ли ограничиться при построении логической (лин-

гвистической) системы индивидуальными переменными, связанными с пространственно-временными конкретными объектами, или же необходимы также и переменные, имеющие значения абстрактных предметов (классы, свойства, отношения, числа и т. д.). Номиналист принимает первое решение, «платонист» — второе»¹. Е. Е. Ледников утверждал, что «номиналистические и платонистические тенденции в логике нельзя ассоциировать со средневековыми схоластическими тенденциями. Сходство между ними скорее терминологическое»². Г. Д. Левин, продолжая эту линию, подчеркивает: «Я разделяю убеждение, что современная проблема универсалий качественно, принципиально отличается от традиционной»³.

Однако необходимо заметить, что этот спор касается философских проблем логики, взаимоотношений современной формальной логики с онтологией и гносеологией и от интерпретации этой проблемы во многом зависят и те символические средства, которые предлагаются и разрабатываются в ней. Вопрос об универсалиях, при всей его модификации, остается, по нашему мнению, одним из наиболее фундаментальных для логики и определяющим ее возможности и границы.

Никто не спорит с тем, что проблема универсалий приобрела в XX веке принципиально иной характер, чем в средние века. Но это не означает, что между средневековыми спорами номиналистов, реалистов и концептуалистов и современными спорами нет вообще никаких взаимосвязей. Нельзя их, конечно, отождествлять, но проводить между ними

¹ Богомолов А. С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 288—289.

² Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев, 1973. С. 8.

³ Левин Г. Д. Проблема универсалий в средние века и сегодня // Философские исследования. 1999. № 3. С. 40.

определенные ассоциации можно и нужно, коль скоро одни и те же проблемы возникают (пусть на иной почве — на почве отношения знаков и их референтов, а не на почве определения отношения слова к реальным вещам). Более того, в собственной рефлексии этой проблематики различные интерпретации существования знаков и их значения получают ту же квалификацию, что и в средние века — номинализма и реализма. Гораздо более корректна и справедлива оценка этого спора в XX веке со стороны У. Куайна. По его словам, «в настоящее время обсуждают ту же старую проблему универсалий в заново проясненной форме». Подчеркивая, что критерием онтологии является критерий: «существовать — значит быть значением переменной», он проводит мысль о том, что «проблема сейчас яснее, чем в старину, поскольку у нас есть сейчас более эксплицитный критерий, позволяющий решать, что допустимо в онтологии данной теории»⁴. Эта интерпретация, данная им еще в 1939 году⁵, более обоснованна, поскольку подчеркивает, что проблема универсалий, пусть и в модифицированной форме, относится к фундаментальным проблемам онтологии, которые возникают при обсуждении философских проблем логики.

Но рассмотрим еще раз, чем же была проблема универсалий в средневековой логике? И она характеризовала онтологические проблемы логики. И споры номиналистов, реалистов и концептуалистов в средние века привели к глубочайшей разработке логических средств прояснения онтологических аспектов логики, позволили найти новые подходы в анализе логических структур и выработать новый концептуальный аппарат (например, понятие интенции у Петра Абеляра и других схоластов, различение Петром Испанским формаль-

⁴ Quine W. v. O. From a Logical Point of View. Cambridge, 1953. P. 28.

⁵ Quine W. v. O. Designation and Existence // The Journal of Philosophy. 1939. N 36. P. 701—709.

ной и материальной суппозиции, которое можно трактовать как первое различение объектного языка и метаязыка и пр.).

Логический анализ языка неизбежным образом ведет к обсуждению проблем онтологии, к построению различных вариантов онтологии, потому что в самой современной символической логике в скрытом или явном виде (преимущественно в скрытом) существует и выбор определенной онтологии, и онтологические предпочтения, и альтернативы, обусловленные выбором онтологии и тем самым решением проблемы универсалий. Само собой разумеется, что по сравнению со средневековой логикой в современной логике изменилась сама постановка проблемы — во-первых, речь идет о значении, во-вторых, о значении пропозиций и, в-третьих, существование рассматривается с использованием концептуальных средств, развитых в современной математике и логике, а именно как значение переменных. Однако вектор анализа при всей его модификации сохранился — анализ был направлен на выяснение онтологических предпосылок логики и логико-символических систем. Акцент, правда, делается уже не на понятие или идею, а на значение пропозициональных структур и даже на сами пропозиции, если они отвлекаются от семантического контекста и укореняются лишь в синтаксическом контексте.

Критика вычленения универсалий как рудимента прежнего способа мысли раздается и с другой стороны — со стороны философов, исследующих проблему языка философов и не принимающих поиска лингвистических универсалий. Так, В. В. Библихин считает «бесплодным» «вычисление языковых универсалий, которым интенсивно занята позитивистская и структуралистская лингвистика последних десятилетий. Попытки сформулировать хотя бы простейшие универсалии увязают в спорах о том, называть ли, например, сочетание подлежащего и сказуемого универсалией для всех языков или же все же факт вбирания сказуемого в подлежащее в одних языках и подлежащего в сказуемое — в других

оставляет схеме «подлежащее-сказуемое» роль отвлеченного мыслительного конструкта, который, конечно, годится на роль универсалии только при условии препарирования соответствующих лингвистических реалий. Эта опасность — оказаться продуктами нашего представления — нависает над всеми универсалиями. Они и без того обескураживающе скудны»⁶. Как мы видим, проблему универсалий Библихин сводит лишь к одному из уровней — к универсалиям, которые были бы характерны для всех языков. Из всех концепций, которые обращаются к проблеме универсалий, он выделяет и подвергает критике структуралистскую лингвистику. Между тем проблема универсалий ставилась и ставится не только структуралистской и позитивистской лингвистикой. И она не сводится к поиску универсалий, присущих всем языкам. Поиск семантических универсалий, которые присущи всем языкам, в последние десятилетия благодаря работам Арутюновой, Вежбицкой и других привел к формулировке программы семантики культуры. Эта программа ориентирует на анализ многообразия языков, с тем чтобы выделить не продукты наших представлений, а реальные языковые универсалии, присущие если не всем языкам, то определенным семействам языков. Кроме того, проблема универсалий является и при анализе отдельных языков как важнейший компонент функционирования языка, без которого невозможно ни его использование в речи, ни его перевод на другие языки. Иными словами, тот уровень, о котором говорит Библихин, далеко не единственный, а структуралистская лингвистика (судя по всему, речь идет о концепции Н. Хомского) внесла наименьший вклад в этот круг проблем.

⁶ Библихин В. В. Язык философии. М., 1993. С. 42–43.

ИДЕЙНАЯ ТРАЕКТОРИЯ РАССЕЛА И ТРАКТОВКА УНИВЕРСАЛИЙ

В начале своего философского развития Бертран Рассел отстаивал позиции, близкие реализму А. Мейнонга. Он сам писал об этом периоде: «Я вообразил себе, что все числа сидят рядом на Платоновых небесах... Я думал, что точки пространства и времени действительно существуют и моменты времени действительно существуют и что материя вполне может состоять из элементов, находимых физикой. Я поверил в мир универсалий, состоящих по большей части из того, что обозначается глаголами и предлогами. Кроме того, я теперь не обязан был считать математику чем-то не вполне истинным... С течением времени моя Вселенная стала не такой комфортабельной»¹. Иными словами, Рассел связывал с универсалиями предикаты и отношения, выражаемые предлогами. Его позицию можно назвать *реализмом отношений*.

В 1903 году выходит книга Рассела «Основания математики». В главе 10 он проводит различие между классом и элементами класса и приходит к выводу, что «различение

¹ Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия. М., 1993. С. 18.

логических типов — это и есть ключ к разгадке»². В Приложении Б излагается теория типов: «Каждая пропозициональная функция $\Phi(x)$ ... кроме ее области истинности имеет дополнительно и некоторую область значимости, то есть некоторую область, в пределах которой должен лежать x , чтобы $\Phi(x)$ было вообще высказыванием, независимо от того, истинно оно или ложно. Это первая исходная позиция в теории типов; вторая же позиция состоит в том, что области значимости образуют *типы*, то есть, если x принадлежит к области значимости $\Phi(x)$, тогда существует класс объектов — *тип* x , — все объекты которого должны также принадлежать к области значимости $\Phi(x)$, независимо от того, как Φ может меняться»³. В 1908 г. Рассел дает подробное изложение теории типов в работе «Математическая логика, основанная на теории типов»⁴. Через два года это изложение войдет в работу «Principia mathematica». Понятие типа определяется как область значимости пропозициональной функции $\Phi(x)$. « Φ значима» означает, что «функция Φ имеет значение для аргумента x ». Область значимости функции состоит из всех аргументов, для которых функция Φ — истинна, вместе со всеми аргументами, для которых Φ — ложна. В пределах области значимости функция Φ либо истинна, либо ложна; за этими пределами она не имеет смысла»⁵.

Здесь встает проблема самоотнесения, которая была поставлена еще Платоном в «Пармениде» и обсуждалась Аристотелем как проблема «третьего человека». Ее решение ищется Расселом с помощью понятия значимости пропозициональной функции: «Таким образом, знак " $\Phi(\Phi x)$ " не может выражать высказывание в том смысле, в котором

² Russell B. The Principles of mathematics. London, 1903. P. 105.

³ Op. cit. P. 523.

⁴ Russell B. Mathematical Logic as based on the Theory of Types // American Journal of Mathematics. 1908. Vol. 30. P. 222–262.

⁵ Op. cit. P. 234.

“ $\Phi(\alpha)$ ” его выражает, если $\Phi\alpha$ является значением для $\Phi\hat{x}$. На самом деле “ $\Phi(\Phi\hat{x})$ ” должно быть знаком, который ничего не выражает: следовательно, мы можем сказать, что он незначим. Итак, когда задана некоторая функция $\Phi\hat{x}$, существуют аргументы, для которых функция не имеет значения, так же как аргументы, для которых имеет»⁶. Эту идею Рассел анализировал на материале парадокса третьего человека в интерпретации не Платона, а Аристотеля. Кроме того, расселовская теория типов основывается на определенной онтологии значения переменных — онтологии платонистской, включающей в себя помимо индивидов также классы, классы классов и т. д. На этом этапе Рассел развертывает позицию *реализма классов*.

В труде, написанном совместно с А. Н. Уайтхедом, «Principia mathematica» (1910—1913), Б. Рассел исходил из того, что математика может быть выведена из логических предпосылок и использует понятия, которые определены в логических терминах. Основную цель этого труда сам Рассел рассматривал как выведение математики из чисто логических посылок и как построение математики с помощью таких понятий, которые были бы определены в логических терминах. Вопрос о том, в какой мере удалось ему осуществить эту программу, с какими трудностями он столкнулся при ее осуществлении, выходит за рамки данной темы, хотя мы и коснемся тех или иных его аспектов. Надо подчеркнуть, что в отечественной литературе, к сожалению, отсутствует обстоятельный анализ этого круга проблем и всей программы обоснования математики, выдвинутой Расселом.

Столкнувшись с парадоксами теории множеств, Рассел выдвинул понятие «класса», причем он подчеркивал, что «классы не являются “вещами”»⁷, что класс есть лишь выражение:

⁶ Whitehead A. N., Russel B. Principia Mathematica. Cambridge, 1910. Vol. 1. P. 40.

⁷ Там же. P. 24.

«это удобный способ говорить о значениях переменной, при которых функция истинна»⁸. Итак, проблема универсалий смещается в иную плоскость — в плоскость определения пропозициональной функции и ее области значения, для которых эта функция «значима», то есть либо истинна, либо ложна. Сама по себе пропозициональная функция ничего не утверждает и не отрицает, это лишь выражение, значение которого определяется с помощью понятия «класс». При характеристике тотальности возможных значений x можно провести различие между суждениями, которые относятся к этой тотальности, и суждениями, которые не относятся к ней. Классы трактуются им как логические фикции⁹. Он выделяет пять функций: отрицание, дизъюнкция, несовместимость, конъюнкция и импликация, которые характеризуются тем, что их истинностное значение зависит только от истинностных значений предложений, являющихся аргументами функций. «Пропозициональная функция сама по себе может считаться схемой, просто оболочкой, пустым вместилищем для значения, а не как нечто самостоятельно значащее... Единственный способ выражения общего свойства состоит в отождествлении общего свойства некоторого числа объектов с пропозициональной функцией, которая становится истинной, когда любой из этих объектов берется в качестве значения ее переменной»¹⁰.

Для исследования условий значимости функций при данных аргументах Рассел выдвинул теорию типов. Для этого он провел различие между логическими функциями по их аргументам: функции с аргументами индивидуального порядка составляют тип 0; функции с аргументами, обозначающими свойства индивидов, — тип 1; свойства свойств —

⁸ Там же. P. 25.

⁹ См.: Рассел Б. Введение в математическую философию. М., 1996. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 145—146.

тип 2 и т. д. Аргументами функций типа 2 могут быть свойства и индивиды, аргументами функций типа 1 — индивиды. Это так называемая простая теория типов, согласно которой объекты мысли разделены на типы, а именно индивиды, свойства индивидов, отношения между индивидами, свойства таких отношений и т. д., причем смешанные, в том числе и трансфинитные (такие, как классы всех классов), типы исключаются. Различные типы образуют иерархию — от индивидов через одноместные функции от индивидов к функциям от функций индивидов и т. д.

Позднее Расселом была предложена разветвленная теория типов, которая была отрицательно встречена математиками и логиками. Между тем теория типов Рассела была основана на определенных аксиомах, которые были выявлены в ходе полемики и далеко выходили за рамки собственно логики: аксиома существования и аксиома бесконечности предметной области логики. Обсуждение этих аксиом теории типов Рассела поставило под сомнение возможность сведения математики к логике.

Теорию типов Рассел иллюстрирует на примере парадокса «третьего человека», который развертывает Аристотель в своей критике платоновского учения об идеях. «Так, например, если $\Phi\hat{x}$ является « $\hat{x}$ есть человек», то Φ (Сократа) будет «Сократ есть человек», а не значением для функции « x есть человек», с аргументом Сократ, является истинно». Согласно принципу, в силу которого " $\Phi(\Phi\hat{z})$ " незначимо, мы не можем обоснованно отвергнуть то, что «функция " x есть человек" есть человек», в силу того, что это бессмыслица, но мы можем обоснованно отвергнуть то, что «значение для функции " $\hat{x}$ есть человек" с аргументом " $\hat{x}$ есть человек" является истинно», не на основе того, что рассматриваемое значение ложно, а на основе того, что не существует такого значения для этой функции»¹¹.

¹¹ Whitehead A. N., Russel B. Principia Mathematica. Vol. 1. P. 41.

В противовес Платону, у которого речь идет об онтологии, у Рассела речь идет о логической конструкции, которая основывается на понятии «значимости». Хотя онтология, на которой базируется расселовская теория типов, явно платонистская, поскольку включает не только индивиды, но и классы, классы классов и т. д., но все же в этот период Рассел и Уайтхед (в первом издании «Principia mathematica») заняли номиналистическую позицию в трактовке понятия класс, отказавшись и от платонистской трактовки общих понятий, в том числе и понятия класс как объективно-реального, и от интерпретации класса как совокупности реальных объектов. Этот отказ они обосновывали с помощью так называемого «принципа порочного круга», согласно которому нельзя определить единичное через всеобщее и, наоборот, всеобщее через единичное. Это означает, что элемент множества существует независимо от множества. Согласно Расселу, «если мы не собираемся нарушать вышеуказанный негативный принцип, то следует конструировать нашу логику, не упоминая таких вещей, как «все предложения» и «все свойства», не упоминая даже, что мы их исключаем. Это исключение всеобщности (выделено нами. — Авт.) должно естественно и необходимо вытекать из наших позитивных доктрин, которые должны сделать ясным, что «все предложения» и «все свойства» суть бессмысленные фразы»¹². Универсалии уже трактуются им как свидетельство бессмысленности языковых выражений. Символы для классов являются, согласно Расселу, конвенциями, не репрезентирующими объекты, называемыми «классами», а классы — логическими фикциями или, как говорит сам Рассел, «неполными символами». Если вначале Рассел все слова отождествлял с именами, то позднее он допустил существование «неполных символов», то есть знаков, которые ничего не обозначают. Правда, в работе «Введение в математическую философию», в которой резю-

¹² Russel B. Logic and knowledge. London, 1959. P. 163.

мируются логико-математические и логико-философские идеи «Principia mathematica», Рассел более осторожен и считает, что нельзя говорить о существовании классов и нельзя догматически отрицать их объективное существование — «мы просто должны быть агностиками»¹³. Главный критерий определения класса — пропозициональная функция. Проблема универсалий становится тем самым проблемой всеобщности значения этой функции, при решении которой мы сталкиваемся с порочным кругом, согласно которому определены могут быть только предикативные свойства и который указывает на то, что универсалии являются логическими фикциями. «Всякий раз, когда мы делаем утверждения о “всех” или “некоторых” значениях, которые может значимо принимать переменная, мы порождаем новый объект, и этот новый объект не должен быть среди значений, которые наша предыдущая переменная должна была принять. Если бы это было так, то всеобщность значений, над которыми пробегает переменная, была бы определима только в терминах самой себя, что включало бы порочный круг»¹⁴.

Гедель в статье «Расселовская математическая логика», выявляя особенности концепции Рассела, заметил: «Трудность состоит только в том, что мы не воспринимаем понятия “понятие” и “класс” с достаточной отчетливостью, как это ясно показали парадоксы. Имея в виду эту ситуацию, Рассел взял курс на рассмотрение и классов, и понятий (за исключением логически неинтересных примитивных предикатов) как несуществующих и на замену их собственными конструкциями. Нельзя отрицать, что эта процедура ведет к интересным результатам, которые важны и для тех, кто придерживается противоположной точки зрения. В целом, однако, результат состоит в том, что остаются только фрагменты математической логики, если не ввести снова запрещаемые

¹³ Рассел Б. Введение в математическую философию. С. 167.

¹⁴ Там же. С. 172.

объекты... Это, как мне кажется, есть указание на то, что нужно взять более консервативный курс, такой, который бы состоял в том, чтобы сделать значение терминов “класс” и “понятие” более ясным и построить непротиворечивую теорию классов и понятий как объективно существующих сущностей»¹⁵. Итак, позиция Геделя, нанесшего удар по всем попыткам сведения математики к логике, открытием неполноты формализованной арифметики, принципиально иная — он исходит из трактовки классов как объективно существующих сущностей, а понятий как свойств и отношений вещей. «Классы и понятия все-таки могут быть воспринятыми так же, как реальные объекты, именно классы как «множества вещей» или как структуры, состоящие из множества вещей, а понятия — как свойства и отношения вещей, существующих независимо от наших определений и построений. Мне кажется, что допущение таких объектов представляется столь же правомерным, сколько и допущение физических тел, и у нас есть достаточно оснований верить в их существование»¹⁶.

Итак, спор между Геделем и Расселом — это не просто спор о том, можно ли включать в значения переменных не только индивидуальные, но и абстрактные термины, но это спор между представителями реализма за последовательность в осуществлении философско-онтологической позиции. И Гедель оказался прав, что позднее признал сам Рассел. Он признал, что определял типы с помощью категорий сущности, а не с помощью синтаксических свойств выражений: «Мое определение было ошибочным, поскольку я разграничивал раз-

¹⁵ Гедель К. Расселовская математическая логика // Рассел Б. Введение в математическую логику. М., 1996. С. 231. Перевод исправлен.

¹⁶ Gödel K. Russels mathematical logic // Philosophy of Mathematics / Eds. P. Benacerraf and H. Putnam. Cambridge. 1983, P. 456 (русский перевод см. стр. 217 исправлен).

ные типы *сущностей*, а не *символов*»¹⁷. Именно потому, что типы не были связаны им с синтаксическими свойствами выражений — с синтаксическими категориями, он вынужден был определять их через категории сущности или свойства.

Итак, проблема универсалий рассматривалась Расселом как проблема значения переменных и вопрос заключался в том, включать ли в нее значение абстрактных терминов. Проблема значения была поставлена им в более широком, чем просто синтаксический аспект, что характерно для Р. Карнапа, а именно — в семантическом аспекте. Это поворот к осмыслению значений очевиден в теории дескрипций Рассела.

В чем ее суть? Определяя универсалии через всеобщность пропозициональных функций, а класс как логическую фикцию, Рассел сталкивается с проблемой обозначения, то есть соотносительности значений с реальностью. Для решения этой проблемы Рассел выдвигает учение о дескрипции. Именно отсутствие аппарата пропозициональных функций приводило логиков и философов к утверждению существования нереальных объектов. Так, Мейнонг говорит о «золотых горах», «круглых квадратах», «единорогах» и пр. Уже в 1905 г. в статье «Об обозначении»¹⁸ Рассел представил первый вариант теории дескрипций. В предложениях о нереальных объектах ошибочно предполагается существование этих нереальных объектов. По словам же Рассела, «в анализе суждений нельзя допускать ничего “нереального”... имея дело с суждениями, мы имеем дело в первую очередь с символами, и если мы приписываем значение группе символов, которые не имеют значения, то мы впадаем в ошибку, связанную с допущением нереальностей»¹⁹. Необходимо

¹⁷ The Philosophy of Bertrand Russell / Ed. Schilpp P. A. Evanston, 1944. P. 691.

¹⁸ Russell B. On denotation // Mind, 1905. N 14. P. 479–493.

¹⁹ Рассел Б. Введение в математическую философию. С. 156.

осуществить переформулировку всех подобных предложений, вводящих в заблуждение, разложение сложных терминов до тех пор, пока не появятся предложения об известных или могущих стать известными объектах. В результате процедуры дескрипции «у нас есть две вещи, которые требуют сравнения: 1) имя, которое есть простой символ, прямо обозначающий индивид, являющийся его значением. Имя имеет значение само по себе, независимо от значения других слов. 2) Дескрипция, которая состоит из нескольких слов, значение которых уже зафиксировано и из которых берется “значение” дескрипции»²⁰.

С теорией дескрипций Рассела связан новый этап в развитии его философско-логических идей, который можно назвать развертыванием программы — *реализма отношений, классов и, наконец, сходства*. Он проводит различие между именами собственными и предложениями, которые характеризуют предмет по его свойствам. Эти предложения и есть описание (дескрипции). Смешение этих способов выражения присуще естественному языку, в формализованных языках оно ведет к логическим ошибкам и неоправданным отождествлениям. Описание, в отличие от собственного имени, которое предполагает существование своего объекта, может относиться к пустым классам, к индивидуальному объекту или же к неопределенному по своему объему классу. Любое описание является неполным символом, поскольку обозначает свойства предметов в отрыве от самих предметов. Индивиды и вещи (*particular*) — те объекты, которые именуется собственными именами. Наряду с ними он допускает существование *универсалий*. В языке «Principia mathematica» партикулярии обозначаются строчными латинскими буквами, греческими буквами и заглавными латинскими буквами обозначаются свойства и отношения (универсалии). Предикатные знаки относятся к универсалиям. Поскольку без предик-

²⁰ Там же. С. 160.

катных знаков невозможно представить себе языковые выражения и описание реальности, постольку предикатные знаки необходимы. Вещи рассматриваются им как пучки качеств, причем качество является не универсалией, а индивидом. Качества и индивиды включаются в роды и взаимосоотношены. Поэтому род и отношение оказываются универсалиями.

Этот подход к индивидам и универсалиям выражен в статье Рассела 1912 года «Об отношении универсалий и партикулярий»²¹. Различение собственных имен и описаний привело к гносеологическому различению двух типов знания — знания на основе чувственных данных («знания-знакомства») и знания по описанию. Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно, — без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений (истины). «Знание вещей по описанию всегда предполагает в качестве своего источника некоторое знание истинных суждений». Тем самым «все наше знание — как знание вещей, так и знание истинных суждений, — строится на знании-знакомстве, как на своем фундаменте»²². Но в этот период он начинает движение от номиналистической установки к реализму, который допускает существование универсалий и связывает их с существованием свойств и отношений. В состав знания на основе чувственных данных он включил и то, что иногда называется абстрактными идеями, но что мы будем называть «универсалиями». Осознание универсалий Рассел называет пониманием, а универсалия, нами осознанная, называется им понятием (*concept*).

Иными словами, мир универсалий, согласно Расселу, существует идеально, вне и независимо от физического и психического бытия и включает в себя не только свойства, но и отношения. Однако знание о них может быть дано лишь

²¹ *Russel B. On the relation of universals and particulars // Logic and Knowledge. London, 1956.*

²² *Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 188.*

благодаря описанию: несмотря на то что мы можем знать лишь истины, составленные исключительно из элементов, известных нам по непосредственному опыту, мы можем по описанию получить знание о вещах, с которыми мы никогда не встречались в опыте. Знание по описанию может быть и должно быть сведено к знанию на основе чувственных данных. В этом и заключается цель учения о дескрипции: каждое предложение должно состоять лишь из составных частей, нам непосредственно знакомых. «Основной принцип в анализе положений, содержащих описание, гласит: каждое предложение, которое мы можем понять, должно состоять лишь из составных частей, нам непосредственно знакомых»²³. Рассел посвящает специальную главу проблеме универсалий — «Мир универсалий». Концепцию, которую он здесь развивает, он сам сближает с учением Платона об идеях. Она, по его словам, является «в общих чертах повторением теории Платона»²⁴. Собственные имена обозначают партикулярности, а имена существительные, прилагательные, предлоги и глаголы обозначают универсалии. Местоимения и такие слова, как «теперь», характеризуют неопределенные партикулярности. Рассел подчеркивает, что «не может быть высказано ни одного предложения, в котором не содержалось бы, по крайней мере, слово, обозначающее универсалию»²⁵. «Любая истина содержит универсалии, и всякое знание истин предполагает знакомство с универсалиями»²⁶. Классическая философия ограничивалась в своем анализе универсалий прилагательными и существительными, оставляя без внимания другие формы универсалий, связанные с глаголами и предлогами, («забыв», что это делал Августин). Это, согласно Расселу, объясняется тем, что классическая философия делала акцент

²³ Там же. С. 196.

²⁴ Там же. С. 222.

²⁵ Там же. С. 224.

²⁶ Там же.

на качествах или свойствах отдельных вещей, которые выражаются прилагательными и существительными, оставляя без внимания отношения между вещами, которые выражаются предложениями и глаголами. Тем самым и предложение трактовалось в классической философии как приписывание свойства отдельной вещи, а не как выражение отношений между двумя или более вещами. В этой связи Рассел вспоминает отрицание Беркли и Юмом существования абстрактных идей, прежде всего идеи качества. Существование универсалий Рассел объясняет сходством между отдельными, партикулярными вещами: «Отношение сходства, таким образом, должно быть истинной универсалией»²⁷.

Способ существования универсалий весьма специфичен: они существуют не в обычном смысле слова «существование» (existence), а обладают вневременным бытием (subsistence). Так, анализируя универсалию «отношение», Рассел подчеркивает, что «как само отношение, так и термины, между которыми это отношение устанавливается, не зависят от мышления, но относятся к независимому миру, который мышлением воспринимается, но не создается»²⁸. Отношение как универсалия не во времени и не в пространстве, оно не материально и не духовно; и все же оно есть нечто. Если о мыслях, чувствах, актах сознания и физических объектах можно говорить как о существующем бытии (exist being), то универсалии в этом смысле не существуют, «они обладают бытием, где это вневременное бытие противопоставляется «существованию» — они субсистентны (subsist)²⁹. Здесь Рассел употребляет терминологию, выдвинутую еще схоластами, которые при анализе способов существования партикулярных и универсалий использовали два различных термина — existence и subsistence.

²⁷ Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 226.

²⁸ Там же. С. 227.

²⁹ Там же. С. 228.

Мир бытия универсалий Рассел понимает как математик. Для него это мир «неизменный, строгий, точный, увлекательный для математика, логика, творца метафизических систем и для всех, кто любит совершенство больше жизни. Мир существования изменчив, неопределен, без точных границ, без всякого ясного плана и организации, но он содержит все чувства и мысли, все чувственные данные, все физические объекты, все, что может вызывать или добро или зло, все, что изменяет ценности жизни и мира»³⁰. Оба мира реальны и важны для метафизика. Казалось бы, Рассел здесь возвращается к традиционному кругу проблем и к традиционным приемам их анализа, проводя размежевание двух способов бытия — существования партикулярных и бытия универсалий. Но следует подчеркнуть, что, в отличие от прежней философии, Рассел исходит в своем анализе из лингвистических способов выражения универсалий и партикулярных. Логический анализ строится им на основе анализа лингвистических форм выражения. Да и онтология, которая здесь им фиксируется в двух способах бытия — экзистенции и субсистенции, строится на базе логико-лингвистического анализа форм выражения в предложении. Кроме того, мир универсалий и мир партикулярных сущностей постигается в знании-знакомстве, в знании по описанию и в сочетании этих двух типов знания. Знание-знакомство относится и к «чувственным качествам», и к пространственным и временным отношениям различного рода, и к отношению сходства и различия, и к некоторым абстрактным логическим универсалиям. Однако Рассел отмечает, что «мы, по-видимому, не имеем принципа, пользуясь которым могли бы решить, какие из них могут быть познаны посредством знакомства», а какие посредством знания по описанию. По его словам, «всякое априорное познание имеет дело исключительно с отношениями универсалий»³¹. Утверждения логики и ариф-

³⁰ Там же. С. 228–229.

³¹ Там же. С. 232.

метики являются априорными. Рассел подчеркивал аналитичность положений логики и математики, отвергая идеи Канта об априорном, интуитивном и синтетическом знании в математике. Знание о физических объектах является выводным, предполагающим знание-знакомство и интуитивное постижение общих истин.

В неопубликованной при жизни рукописи 1913 г. «Теория познания» («Theory of Knowledge») Рассел выделяет несколько типов знания-знакомства: «Первая классификация согласуется с логическим характером объекта, а именно: является ли он а) индивидом, б) универсалией или с) формальным, то есть чисто логическим, объектом»³². Формальным объектом является логическая форма, которая существенна для построения знания-знакомства, то есть для суждения, имеющего истинностный, объективный характер. Всякий ментальный синтез, согласно Расселу, связан со знакомством с логической формой.

Под влиянием критики со стороны Л. Витгенштейна, который подчеркивал, что логика имеет дело с различными способами записи в языке, а не с самой действительностью, не с вещами и не с отношениями, он строит концепцию логического атомизма и изменяет свое отношение к проблеме универсалий. Любое описание неявно включает в себя утверждение несуществования или отрицание существования. Рассел отрицает предсказуемость существования, хотя на первом этапе он и принимал точку зрения идеального существования таких объектов. Для него существование и бытие есть гипостазирование некоторых значений слова «есть». Единственной формой существования должна служить данность объекта сознанию.

В 1914 г. Рассел публикует работу «Наше познание внешнего мира» («Our Knowledge of the External World»), в которой он начинает более жестко проводить эту позицию,

³² Russel B. The Collected Papers. L., 1984. P. 100.

подчеркивая, что необходимо избавиться от понятия материальных объектов и так переформулировать высказывания о них, чтобы они были сведены к утверждению чувственных данных. В работе «Чувственные данные и физика» (1917) Рассел вводит понятие «сенсibiliи», которое шире, чем чувственные данные и представляют собой явления, сохраняющиеся даже если нет наблюдателей. Сенсibiliи имеют тот же статус, что и чувственные данные, но не являются непосредственно данным для какого-то сознания. Тем самым произошло существенное расширение теоретико-познавательных оснований концепции Рассела, который сделал предметом своего анализа не только проверяемые чувственные данные, но и то, что вообще не является данным для наблюдателей и непроверяемо. Вместе с тем такого рода гносеологическая позиция означала, что субъект оказывается логической фикцией. Как говорит сам Рассел в своей философской автобиографии, «нам следует расстаться с субъектом как одним из действительных ингредиентов мира»³³. И внешний мир, и дух, и субъект представляют собой логические конструкции, которые существенно не различаются, а иногда действительно тождественны (даже по содержанию).

Середина 1920-х годов — время построения Расселом «логического атомизма», философско-логической концепции, которая, исходя из логической структуры языка, стремится осмыслить структуру мира. Логические атомы построены на основе чувственных данных. К ним Рассел относил сами чувственные данные и универсалии (предикаты и отношения). Логические факты могут быть частными и общими, положительными и отрицательными, но к ним не относятся критерий истинности или ложности. Этот критерий относится только к предложениям, выражающим факты.

Требование сводимости любого сложного предложения к простым, из которых первые могут быть дедуцированы, яв-

³³ Russel B. My Philosophical Development. L., 1959. P. 136.

ляется требованием экстенциональной логики, для которой истинность сложного предложения — функция истинности составляющих его простых предложений.

В 1918 году Рассел читает курс лекций, который был издан под названием «Философия логического атомизма». «Причина, по которой я называю свою доктрину логическим атомизмом, состоит в том, что атомы, которые я хочу получить как конечный результат анализа, являются логическими, а не физическими. Некоторые из них будут представлять собой то, что я называю «индивидами» (particulars), — преходящие предметы, такие как небольшие пятна цвета или звуки, — а некоторые будут предикатами или отношениями и т. д.»³⁴. Определяя факт как то, что выражено целостным предложением, а не отдельным именем, Рассел проводит различие между единичными фактами, которые связаны с индивидуальными предметами, индивидуальными качествами и отношениями, и общими фактами. Пропозиции являются утвердительными предложениями и не являются именами фактов. Под влиянием Витгенштейна Рассел подчеркивает символический характер любых фактов, поскольку, не осознавая их символического характера, вы «приписываете предмету те свойства, которые принадлежат только символу»³⁵. В этих лекциях Рассел дает психологическую трактовку значения: «понятие значения более или менее психологично»³⁶. Значение символов делает пропозицию истинной или ложной. Он сам критически замечает, что язык «Principia mathematica» имеет только синтаксис и не имеет какого бы то ни было словаря. Построение такого рода искусственного, логически совершенного языка означало бы, что слова в пропозиции однозначно соответствуют компонентам факта и в нем отсутствуют такие слова, как «или», «не», «если», «тогда», выполняющие

³⁴ Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 5.

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ Там же. С. 12.

логическую функцию. Иерархия фактов основывается на том, что он называет атомарным фактом, а пропозиция, которая их выражает, называется им атомарной пропозицией. Членами атомарного факта являются индивиды. Каждый индивид обособлен, самодостаточен, существует в течение короткого времени, не зависит от других индивидов. «Атомарная пропозиция — это пропозиция, которая упоминает действительные индивиды»³⁷ и содержит единственный глагол. От атомарной пропозиции Рассел отличает молекулярную пропозицию, которая содержит такие слова, как «или», «если», «и» и т. д. Истинность или ложность молекулярной пропозиции зависит только от истинности или ложности атомарных пропозиций. Это Рассел и называет истинностными функциями пропозиций.

Стремясь описать все многообразие фактов, Рассел подчеркивал: «Согласно той разновидности реалистического пристрастия, которым я приправил бы все исследования метафизики, я всегда желал бы заниматься изучением некоторого действительного факта или множества фактов, и мне кажется, что логике это свойственно в той же степени, что и зоологии. В логике вас интересуют формы фактов, обнаружение различных видов фактов, различных логических видов фактов, существующих в мире»³⁸. Общие пропозиции, согласно Расселу, не затрагивают существования и утверждают истинность всех значений пропозициональной функции, которая содержит только переменные. Раскрывая содержание теории дескрипции и типов, Рассел характеризует классы как логические фикции, а саму теорию типов как теорию символов, но не вещей. «На самом деле в физическом мире классов не существует. Есть индивиды, а не классы»³⁹. Тем самым универсалии трактуются им как пропозициональные

³⁷ Там же. С. 25.

³⁸ Там же. С. 42.

³⁹ Там же. С. 95.

функции, которые могут быть истинными и во всяком случае возможными, то есть как логические фикции, как неполные символы, которые обладают значением только при использовании, но не сами по себе⁴⁰.

В статье «Логический атомизм», впервые опубликованной в 1924 г. в первом томе «Современная британская философия», Рассел подчеркивает, что он не рассматривает спор между реалистами и их оппонентами как фундаментальный, и называет свою философию разновидностью реализма⁴¹. Изменение позиции Рассела, его переход от номинализма к реализму связан с подчеркиванием реальности классов, отношений и т. д. Как мы видели, в ходе развития своих философских взглядов Рассел с помощью методов дескрипции и сведения сложного к простому избавлялся от гипотезирования абстракций — сначала от предположения о существовании классов и, в конце концов, от различения идеального и реального существования. Но все же он не смог, хотя и пытался, избавиться язык от универсалий: «Когда язык становится более абстрактным, в философию входит новое множество объектов, а именно таких, которые представляются абстрактными словами — универсалиями. Я не хочу утверждать, что не существует никаких универсалий, но имеется, конечно, много абстрактных слов, которые обозначают единичную универсалию, — например, треугольность или рациональность»⁴². Влияние языка на философию связано прежде всего с тем, что «когда однажды в использовании зафиксированы объекты, к которым применимо слово, на здравый смысл оказывает влияние существование, и можно предположить, что одно слово должно обозначать один объект, который будет универсальным в случае прилагательного или

⁴⁰ См.: там же. С. 79.

⁴¹ Рассел Б. Логический атомизм // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 17.

⁴² Там же. С. 25 (исправлено авт.).

абстрактного слова»⁴³. С этим влиянием языка на философию и связано возникновение платонистского реализма и сама проблема универсалий. В этом источник ошибок и заблуждений в философии. «Когда я говорю о «простом», я обязан объяснить, что речь идет о чем-то невоспринимаемом как таковом, но известном только в результате вывода как предела анализа... Логический язык не приведет к ошибке, если его простые символы (то есть те, которые не имеют частей, являющихся символами или любыми значимыми структурами) все будут обозначать объекты некоторого одного типа, даже если эти объекты не являются простыми»⁴⁴. Тем самым атомарный факт — это простой символ, выявленный в результате логического анализа. «Мир состоит из некоторого числа, возможно конечного, возможно бесконечного, сущностей, которые имеют различные отношения друг к другу, и, быть может, из различных качеств. Каждая из этих сущностей может быть названа «событием»... Каждое событие имеет отношение к определенному числу других, которые могут быть названы «сжатыми»»⁴⁵. Множество «сжатых» событий составляет минимальную область пространственно-временного континуума, в котором существует материя. Теперь онтология Рассела — это онтология событий.

Структура истинных предложений соответствует структуре логических атомов. Логический атомизм Рассела окончательно утвердился в качестве логико-философской позиции благодаря «Логико-философскому трактату» Витгенштейна, хотя тот и не согласился с интерпретацией Расселом его концепции. Но основная посылка философии языка Витгенштейна — тезис о том, что различные слова языка имеют различное применение и что именно применение задает значения слов, всегда составляла основание логического атомизма Рассела.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 31.

⁴⁵ Там же. С. 35.

В статье «Логика и онтология» (1957), отвечая на вопрос: «Существуют ли универсалии?» — Рассел отмечает два возможных ответа на него: 1) как указание на необходимость квантора существования. В таком случае мы можем сказать: «Существуют предложения, содержащие два имени и слово, обозначающее отношение, и без таких предложений многие утверждения о фактах, в которых мы уверены, знать было бы невозможно»; 2) как фиксацию того, что имена в таких предложениях указывают на объекты, а слова, обозначающие отношения, должны указывать также на нечто экстралингвистическое. Обращаясь к языковым выражениям, свидетельствующим о предшествовании (например, Александра Македонского относительно Цезаря), Рассел подчеркивал: «но я не думаю, что из этого в каком-либо смысле вытекает существование "предмета", называемого "предшествованием"»⁴⁶. Согласно Расселу, онтология и гносеология задают совокупность первичных значений, или логических атомов, и тем самым границы логики, а знаковые, или символические, структуры определяют систему описания. Принципиально иная трактовка взаимоотношения онтологии, гносеологии и логики дана Витгенштейном, для которого логика является исследованием возможностей осмысленных утверждений и установлением критерия осмысленности, онтология же зависит от логики высказываний и является прояснением возможностей структур описания.

Итак, уясняя проблему универсалий, Рассел столкнулся с рядом вопросов, которые требовали обсуждения. Что такое значение? Как трактовать квантор существования? Возможно ли приписать статус существования свойствам, отношениям, отношениям отношений и т. д.?

В 1940 году в работе «Исследование значения и истины» (*An Inquiry into Meaning and Truth*. N. Y., 1940) Рассел развивает концепцию логического анализа языка. Не при-

⁴⁶ Рассел Б. *Философия логического атомизма*. С. 173.

емля логического позитивизма, он отмечает, что представители Венского кружка, прежде всего О. Нейрат и К. Гемпель, попытались превратить «лингвистический мир в самодостаточный»⁴⁷, рассматривая «язык как совершенно обособленную область, которую можно изучать, не обращаясь к внеязыковым явлениям»⁴⁸. Если представители логического позитивизма отстаивали понимание истины как синтаксического, а не семантического понятия, то Рассел настаивает на том, что «базисные суждения» обусловлены перцептивным опытом, что они причинно обусловлены чувственно доступным событием. Это принципиальное отличие от логических позитивистов в трактовке Расселом первичных суждений. «Протокольные суждения» столь же первичны, как и «базисные суждения» Рассела. Однако, в отличие от протокольных суждений, которые сопоставляются с другими утверждениями, а не с опытом, «базисные суждения» у Рассела имеют дело с реальностью, отличной от слов, отсылают к перцептивному, а не просто к вербальному опыту. Поэтому Рассел упрекает представителей логического позитивизма в том, что они полагают, будто «не существует такого процесса, как выведение истины суждений из каких-то внеязыковых явлений; мир слов является замкнутым самодостаточным миром, и философ не нуждается в чем-либо за его пределами»⁴⁹. Поэтому Рассел, в противовес нео-неоплатонистическому мистицизму⁵⁰ логических позитивистов, стремится сохранить эмпирические свидетельства истинности некоторых суждений, подчеркнуть базисную роль перцептивного, невербального опыта в познании в целом, выявить семантические характеристики истины. Выделим некоторые идеи, анализи-

⁴⁷ Рассел Б. *Исследование значения и истины*. М., 1999. С. 163.

⁴⁸ Там же. С. 387.

⁴⁹ Там же. С. 154.

⁵⁰ См.: там же. С. 164.

руемые в этой книге и имеющие самое непосредственное отношение к проблеме универсалий.

Прежде всего Рассел подчеркивает важность лингвистического поворота в философии и большое значение лингвистических соображений в методе, предложенном в книге. Он рассматривает роль языка, понимаемого им как разновидность знака⁵¹. В структуре языка он выделяет «объектный, или первичный язык», каждое слово которого обозначает чувственно воспринимаемый объект или множество таких объектов. Кроме того, выделяется «вторичный язык» — язык логики, который включает помимо слов «истинно» и «ложно» логические связки — «или», «не» и логические кванторы — «некоторые», «все». Среди слов Рассел выделяет простые слова, или собственные имена, и универсалии — слова, которые обозначают отношения: «справа-слева», «раньше-позже». В отличие от работы «Проблемы философии» (1912) здесь уже универсалии ограничены словами, обозначающими отношения определенного вида, ставшие предметом чувственного опыта. Кроме того, в состав слов он включает логические термины и слова, характеризующие психологические аспекты познания — частицы «это», «я», «здесь», «теперь», от которых было бы желательно, но невозможно избавиться. Слова обладают значением. В соответствии с иерархией языков можно построить и иерархию значений слов. «Высказанные, услышанные или написанные слова отличаются от других классов телесных движений, звуков или форм тем, что они обладают значением»⁵². Иными словами, значение не привязано к предложению, как полагали логические позитивисты. Объектные слова, апеллирующие к перцептивному опыту, входят в состав эмпирических предложений и эмпирического познания. Предложения математики и логики не содержат объектных слов и являются тавто-

⁵¹ Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 11.

⁵² Там же. С. 24.

логиями⁵³. В отличие от значения слова, Рассел говорит о значимости предложений, выделяя истинные, ложные и бессмысленные предложения, а также атомарные и молекулярные предложения.

В противовес платонизму, который переносит значения слов как некие универсалии в царство идей, Рассел связывает универсалии со сходством объектов. В отличие от Витгенштейна, который полагал, что тождество недостижимо и неопределимо (если a и b даже совпадают во всех свойствах, их все же остается два), Рассел связывает универсалии с выявлением отношения сходства. По словам Рассела, «поскольку наиболее очевидные субъектно-предикатные предложения, например, «это — красное», мы не считаем в действительности имеющими субъектно-предикатную структуру, постольку нам более удобно обсуждать «универсалии» в связи с отношениями»⁵⁴. Поэтому он предлагает специфическую синтаксическую трактовку имени как элемента атомарного предложения, которое не является субъектно-предикатным суждением. «“Универсалию” можно определить как “значение (если оно есть) слова-отношения”... По-видимому, нельзя избавиться от отношений как элементов внеязыковой структуры мира. Отношение сходства и, может быть, асимметричные отношения нельзя истолковать как принадлежащие только речи, что оказалось возможным для “или” и “не”. Такие слова, как “прежде” и “выше”, подобно настоящим собственным именам, “означают” нечто такое, что входит в объекты восприятия. Отсюда следует, что существует плодотворная форма анализа, которая является анализом отношения части и целого»⁵⁵. Как замечает сам Рассел, «вопрос об универсалиях трудно не только разрешить, но и даже сформулировать»⁵⁶. Для него неприемлем платонист-

⁵³ Там же. С. 270.

⁵⁴ Там же. С. 389.

⁵⁵ Там же. С. 391.

⁵⁶ Там же. С. 390.

ский вариант решения проблемы универсалий, который ранее он принимал (хотя и в ослабленной форме). Теперь он стремится устранить все универсалии, но все равно одна из них — сходство, точнее говоря, «сходный» — остается неустранимой. Его позицию можно назвать реализмом схождения. Генезису этой универсалии он дает бихевиористское объяснение: «сходные стимулы вызывают сходные реакции». Причем речь идет о сходстве и объектов перцептивного опыта, и произнесенных слов. Если бы речь шла только о сходстве слов, то мы бы столкнулись с регрессом в бесконечность. И Рассел завершает логический анализ универсалий явно скептическими словами: «Я, хотя и с некоторыми колебаниями, прихожу к выводу о том, что существуют универсалии, а не просто общие слова. По крайней мере, сходство должно быть принято, а в таком случае едва ли стоит изобретать средства для устранения других универсалий»⁵⁷. Логический анализ языка, атомарных и молекулярных предложений, объектного и вторичного языка, значения слов и значимости предложений, который был направлен на поиск путей и средств устранения различного вида универсалий, в конечном итоге привел к неутешительному выводу — о неустранимости хотя бы одной универсалии и поэтому о нецелесообразности даже самой постановки вопроса об устранении универсалий. Поставленная задача оказалась нерешенной, а предложенные средства били мимо цели.

В книге «Человеческое познание, его сфера и границы» (1948) Рассел отмечал, что «если бы мир был сложен из простых элементов, то есть из вещей, качеств и отношений, лишенных структуры, то не только все наше знание, но и все знание, составляющее всеведение, могло бы быть выражено с помощью слов, обозначающих эти простые элементы»⁵⁸. Обсуждая вопрос о минимальном словаре, который может

⁵⁷ Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 394.

⁵⁸ Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957. С. 293.

быть положен в основание человеческого познания, он отмечал, что, помимо слов, характеризующих индивидуальные вещи, этот словарь должен включать названия качеств и отношений: «Названия даются всем качествам наших опытов... Мы также должны иметь слова для встречающихся в опыте отношений, таких как “направо-налево” в одном зрительном опыте и “раньше-позже” в одном настоящем... Качества и отношения, которые не вошли в опыт, могут быть познаны посредством описаний, в которых все постоянные обозначают вещи, вошедшие в опыт. Из этого следует, что минимальный словарь для выражения того, что входит в опыт, есть минимальный словарь для всего нашего знания»⁵⁹. Как мы видим, и в этой книге Рассел развивает концепцию, предложенную в более ранних произведениях — «Анализе духа» (1921), «Исследовании о значении и истине» (1940) и др., где проводилось различие между двумя видами знания — непосредственного опыта и знания, выходящего за пределы опыта, когда пропозициональная функция становится высказыванием благодаря тому, что переменной приписывается какое-либо значение и высказывание становится экзистенциальным с помощью слов «некоторый», «этот» и др.

Вопрос, который обсуждает Рассел и в этой книге и который имеет самое непосредственное отношение к проблеме универсалий, — вопрос о статусе слов, обозначающих качества и воспринимаемые отношения (например, «до», «над», «в»). «Если бы единственным назначением языка было описание чувственных фактов, то мы довольствовались бы одними изъяснительными словами (то есть существительными, прилагательными, предлогами. — *Авт.*) Но, как мы видели, такие слова недостаточны для выражения сомнения, желания или неверия... Не достаточны эти слова также для предложений, нуждающихся в таких словах: “все” и “некоторые”, “этот” и “какой-то” (“некий”). Смысл слов этого рода может быть

⁵⁹ Там же. С. 299–300.

объяснен только через объяснение смысла предложений, в которых они встречаются. Когда вы хотите объяснить слово "лев", вы можете повести вашего ребенка в зоопарк и сказать ему: "Смотри, вот лев!" Но не существует такого зоопарка, где вы могли бы показать ему *если* или *этот* или *тем не менее*, так как эти слова не являются изъяснительными. Они необходимы в предложениях, но только в предложениях, значение которых заключается не только в утверждении единичных фактов. Слова, не являющиеся изъяснительными, неизбежны именно потому, что мы нуждаемся в таких предложениях»⁶⁰. Не вполне ясно, называет ли Рассел универсалиями слова, обозначающие отношения, или нет? Но ясно, что, если в «Проблемах философии» он осознает громадную роль универсалий, а в книге «Исследование значения и истина» он среди слов, необходимых для минимального словаря, называет истинные универсалии, то есть слова, обозначающие отношения («справа-слева», «раньше-позже», «сходно»), то в «Человеческом познании» Рассел обращает внимание на роль логических терминов («и», «или», «не», «все», «некоторые») и эгоцентрических частиц («это», «теперь», «здесь»), но не называет их универсалиями.

Объект познания рассматривался Расселом как комплекс качеств, существующих в данном месте. Эти комплексы сосуществования могут быть полными, когда его составные элементы имеют два свойства: а) все они сосуществующие и б) ничто вне этой группы не сосуществует с каждым членом группы⁶¹. Событие — неполный комплекс, который имеет свойство неповторяемости и занимает «непрерывную область пространства—времени». То, что называется вещами, — организованные комплексы, которые различаются непрерывностью причинных линий⁶². По его словам, «физи-

⁶⁰ Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957. С. 139–140.

⁶¹ См.: там же. С. 340.

⁶² См.: там же. С. 351.

ческие явления познаются только в отношении их пространственно-временной структуры. Качества, присущие таким явлениям, непознаваемы, — настолько совершенно непознаваемы, что мы не можем даже сказать, отличаются или не отличаются они от качеств, которые мы знаем как принадлежащие психическим явлениям»⁶³.

Эта пессимистическая оценка возможности познания даже качеств физических вещей связана с отрицанием существования универсалий и со стремлением редуцировать все знание к чувственному опыту. Правда, сам Рассел в заключительных главах этой книги ввел пять постулатов, на которых основывается знание, выходящее за пределы опыта: 1) постулат квазипостоянства, 2) постулат независимых причинных линий, 3) постулат пространственно-временной непрерывности в причинных линиях, 4) постулат общего причинного происхождения сходных структур, расположенных вокруг их центра, или, проще, структурный постулат, 5) постулат аналогии⁶⁴. Без этих постулатов были бы невозможны универсальные высказывания. Человек имеет склонность к выводам, которые опираются на эти принципы: «Мы обобщаем в согласии с ними, когда используем опыт для убеждения себя в истинности универсального высказывания типа "собаки лают"»⁶⁵. Однако знание этих постулатов «не может основываться на опыте, хотя все их доступные проверке следствия таковы, что опыт их подтверждает» но это не может сделать «их даже вероятными»⁶⁶. Как замечает Рассел в другом месте, критикуя традиционную эмпирическую гносеологию, эти постулаты, или принципы, «должны приниматься только на веру, да и то только потому, что кажутся неизбежными для получения

⁶³ Там же. С. 265.

⁶⁴ Там же. С. 521.

⁶⁵ Там же. С. 540.

⁶⁶ Там же. С. 540.

заклучений, которые мы все принимаем»⁶⁷. Отказываясь обсуждать статус того, что еще совсем недавно Рассел называл универсалиями, он переводит проблему в другую плоскость — плоскость признания некоторых универсальных постулатов, которые делают возможным познание и которые следует принимать на веру.

Итак, хотя противоборство номинализма и реализма Рассел и не считает фундаментальным для истории философии и логики, он обсуждает проблему универсалий в реалистическом духе, который сочетается у него с ослабленным номинализмом при обсуждении способов выражения качеств и отношений в языковых предложениях. Сочетая технику логического анализа с платонистско-реалистическими взглядами на существование универсалий, Рассел, по сути дела, продемонстрировал, что проблема универсалий стала камнем преткновения для всей аналитической философии, хотя способы ее решения изменялись по мере ее развития от эмпиризма к логицизму. Хотя в своей гносеологии Рассел сохранил нити, связывающие его с эмпиризмом (в частности, различение знания-знакомства и знания по описанию, анализ сенсibiliй и др.), однако, будучи представителем (и одним из первых и весьма ярких) логико-аналитической традиции, делавшей акцент на анализе языковых значений и уяснении значения «значения», в философской концепции он вышел за пределы неопозитивистского эмпиризма, в частности эмпиризма Венского кружка. Логико-аналитическая традиция, начало которой было положено в том числе и Расселом, трактовалась им в логицистском духе, особенно при обосновании логико-математического знания. Поворот, который был осуществлен Расселом в обсуждении проблемы универсалий, заключается прежде всего

— в построении теории типов;

⁶⁷ Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957. С. 189.

— в анализе элементарных и неразложимых далее значений отдельных элементов атомарных предложений;

— в отождествлении значимости атомарных предложений с возможностью их проверки в чувственном опыте;

— в проведении различия между индивидами, партикуляриями и универсалиями, которые выражаются в функционально различных грамматических, синтаксических и семантических категориях — именах собственных, логических константах и т. д.;

— в проведении различия между пропозициональной функцией и теми значениями, которые она «пробегает»;

— в отождествлении универсалий со всеобщностью значений пропозициональных функций;

— в полагании связи универсалий с языковым выражением сначала свойств и отношений, затем только отношений и с существованием в языке логических констант;

— в построении учения о дескрипции при гносеологическом обосновании анализа значимости сложных предложений, редуцируемых к атомарным предложениям.

СПОР РАМСЕЯ С РАССЕЛОМ

В 1925 году выдающийся математик Фрэнк Пламптон Рамсей опубликовал в журнале «Mind» статью «Универсалии»¹. В этой статье он обсуждает вопрос о том, существует ли фундаментальное деление объектов на два класса — сингулярии и универсалии, рассматривая, во-первых, концепцию Рассела и, во-вторых, концепцию Мактаггарта.

Концепция Рассела, высказанная им в 1911 году в статье, напечатанной в Трудах Аристотелевского общества, а позднее в книге «Проблемы философии», заключается в том, чтобы провести различие между двумя логическими типами — между чувственно данным и понятиями (такими, как белизна или сходство). Класс универсалий, по Расселу, — это класс предикатов и класс отношений. Между Дж. Э. Муром, Дж. Ф. Стаутом, Дж. Д. Хиксом и Б. Расселом развернулась полемика о природе универсалий². В эту полемику включился и Рамсей.

Излагая позицию Рассела, Рамсей отмечает, что, согласно Расселу, все элементы делятся на индивиды (сингулярии), качества и отношения. Качества и отношения сгруппированы

вместе и являются универсалиями. Иногда качества включаются в число отношений как одноместные отношения. В «Лекциях по логическому атоизму» Рассел усматривает в прилагательном какую-то неполноту, которая должна быть восполнена до пропозиции, где символ прилагательного становится предикатом. Иными словами, он исходит из значения «*x* есть красный», причем красное может входить в пропозицию через значения этой функции.

В центре полемики Рамсея и Рассела — проблема универсалий. Рамсей обращает внимание на ряд затруднений Рассела, задавая вопрос о том, «каким образом могут существовать такие объекты, как его универсалии, содержащие форму пропозиции и поэтому являющиеся неполными»³. Они не могут встречаться в фактах. Согласно Рамсею, и Рассел, и Мактаггарт проводят антитезу между субъектом и предикатом: один из элементов пропозиции должен функционировать как субъект, а другой — как предикат. Рамсей в качестве примера приводит два предложения: «Сократ мудр» и «Мудрость есть характеристика Сократа», в котором мудрость, бывшая предикатом, становится субъектом. Эти два предложения выражают одну пропозицию, то есть имеют одно и то же значение. В зависимости от того, какое предложение мы используем для выражения нашей пропозиции, субъектом одного предложения может быть «Сократ», а другого — «мудрость». Рамсей подчеркивает: «между субъектом пропозиции и ее предикатом нет сущностного различия»⁴. Согласно Рамсею, в заблуждение вводит субъектно-предикатная конструкция языка, то принципиальное различие между субъектом и предикатом, из которого исходит Рассел при утверждении различия между сингуляриями и универсалиями. Оно Рамсею ставится под сомнение. По словам Рамсея, ошибка

¹ Ramsey F. P. Universals // Mind. Vol. 34. 1925. P. 401–417.

² См.: Aristotelian Society Supplementary. 1923. Vol. 3.

³ Рамсей Ф. П. Философские работы. Томск, 2003. С. 83.

⁴ Там же. С. 84.

всех философов, допускающих различие между сингуляриями и универсалиями, в том числе и Рассела, состоит в том, что ошибочно приписывается реальности той характеристике, которая является характеристикой языка.

Рамсей исходит из анализа различия субъектов и предикатов и включает отношение в число предикатов. Пропозиция aRb может быть представлена в трех формах пропозиции: 1) между элементами a и b имеет место отношение R ; 2) a обладает комплексным свойством и находится в отношении R к b ; 3) b имеет комплексное свойство, состоящее в том, что a находится к нему в отношении R . Позиция, которая утверждает существование универсалий, согласно Рамсею, допускает бессмысленное триединство⁵. По мнению Рамсея, обращение к универсалиям коренится в лингвистических преимуществах, поскольку благодаря этой позиции дается объект, который есть значение, подразумеваемое символом aRb . Допущение комплексных универсалий, по мнению Рамсея, должно быть отвергнуто. Это означает, что пропозиции, содержащие такие слова, как «и», «или», «не», «все», «некоторые», не имеют ни субъекта, ни предиката. Логическое различие между субъектом и предикатом характерно для атомарных пропозиций, выраженных в простом предложении и содержащих имена и связи.

Итак, Рамсей переводит вопрос о грамматическом различии в вопрос о различии в функционировании объектов в атомарном факте. Каковы же конститuentы атомарного факта? Согласно У. Е. Джонсону⁶, конститuentы атомарного факта соединены характеристической связью, которая выражена в языке связкой «есть». Согласно Расселу, в атомарном факте есть конститuent, соединяющая другие конститuentы. Таковой является универсалия, все остальные — сингулярии. Согласно Витгенштейну, нет ни связи, ни универсалии —

⁵ См.: Рамсей Ф. П. *Философские работы*. Томск, 2003. С. 86.

⁶ Johnson W. E. *Logic*. 1924.

объединяющей конститuentы, а есть лишь связь объектов в одну цепь.

Рамсей останавливается более подробно на позиции Рассела. По интерпретации Рамсея, «каждый может ощутить различие между отдельными вещами и универсалиями»⁷. Различие между отдельной вещью и универсалией относится, по мнению Рамсея, не к именам объектов, а к неполным символам или к логическим конструкциям. В выражении «Сократ» предполагается дополнение его до пропозиции любым образом; выражение «мудрый» предполагает дополнение особым образом, а именно посредством вхождения в качестве предиката, как в пропозиции «Сократ мудр».

Рамсей пытается провести различие между свойствами и качествами Сократа, отмечая, что нельзя отличить свойства от качеств и соглашаясь в этом пункте с Джонсоном. Это различие ясно лишь для двухчленной атомарной пропозиции $\phi\alpha$, где ϕ — переменная, которая репрезентирует качество в отличие от свойств. Это различие остается необходимым в случае составной пропозиции. Как пишет Рамсей, «в отношении любого неполного символа мы можем различать его первичное или вторичное вхождение, а по существу, это то же самое различие, которое мы обнаруживаем при характеристике прилагательного»⁸. Ошибка заключается в том, что не проводится различие между первичным и вторичным вхождением, а существительное принимается за нечто объективное, хотя оно есть нечто субъективное и зависит «от общих элементов в целеполаганиях и сознаниях всех людей»⁹.

Рамсей обращается к преимуществам символической записи Рассела, указывая, что Рассел упускает из виду существенное различие, которое неважно для математиков и математических логиков: «Математическая логика, заинтересо-

⁷ Рамсей Ф. П. *Философские работы*. С. 89.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 94.

ванная в функциях как обозначениях классов, не видит потребности в различении этих двух видов функций (в одной из них ϕ — неполный символ, в другой — имя. — Авт.), поскольку различие между ними, несмотря на всю важность для философии, не соответствует какому-либо различию между классами, которые они определяют¹⁰. Различие между индивидами и функциями обусловлено тем, что определенные вещи не интересуют математиков. «Индивид» и «качество» — это два объекта, по одному из каждого типа, которые могли бы быть единственными конституентами атомарного факта. Эти два типа — тип индивидов и тип качества — симметричны. Поэтому «эти два слова лишены всякого значения»¹¹. Способ действия математического логика таков: «Он берет любой тип объектов как предмет своего размышления и называет их индивидами... Результат замены имен этих индивидов в пропозиции на переменные он затем называет функциями, безотносительно к тому, является ли константная часть функции именем или неполным символом, поскольку это никак не влияет на класс, определяемый этой функцией. Несоблюдение этого различия приводит к функциональным символам; одни из них являются именами, другие — неполными символами, но все они трактуются как имена неполных объектов или свойств, а это ответственно за величайшую путаницу в теории универсалий»¹².

В «Замечаниях на предыдущую статью» (1926) Рамсей отмечает, что, согласно Расселу, универсалии встречаются как пропозициональные функции, служащие для определения области значений функций ϕx и функций от функции $f(\phi x)$, где f является переменной. Индивиды также служат для определения области пропозиций, причем одной области — области функций от индивидов ϕa , где ϕ — переменная. В этом

¹⁰ Рамсей Ф. П. Философские работы. С. 96.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 98.

и состоит различие между способами функционирования индивидов и универсалий в системе Рассела. По сути дела, Рамсей указывает на то, что если отказаться от онтологических допущений и разграничений, то можно ограничиться описанием области значений элементов пропозиции, одно из которых будет более узким, а другое — более широким. Но между ними нет принципиального различия. Сам Рамсей называет свою позицию прагматизмом, согласно которому «значение предложения должно определяться референцией к действиям, к которым пришел бы тот, кто его утверждает»¹³.

К вопросу об универсалиях Рамсей возвращается в статье «Общие пропозиции и причинность» (1929). Причинность он редуцирует к вариативному гипотетическому положению, которое «имеет формальные аналогии в других пропозициях, заставляющих нас иногда принимать их как факты относительно универсалий, иногда как бесконечные конъюнкции. Эти аналогии вводят в заблуждение, и, несмотря на трудности, их следует избегать... Обе эти формы «реализма» должны быть отвергнуты реалистическим духом»¹⁴. Любая общая пропозиция выражает, согласно Рамсею, определенную степень уверенности в наступлении определенного события, если наступило какое-то другое событие. В этом суть теста Рамсея.

Итак, благодаря Рамсею была подорвана уверенность логиков в существовании универсальной предметной области логики. Отныне область логики не расщеплялась на область индивидов (сингулярий) и универсалий. С формально-логической точки зрения возможны любые способы описания предметной области логики, если не обращаться к онтологическим вопросам. Рамсей, в отличие от всех предшествующих логиков, переводит проблему в иную плоскость — плоскость эффективности того или иного описания, где действуют критерии прагматики языковых выражений.

¹³ Там же. С. 114.

¹⁴ Там же. С. 198.

ВИТГЕНШТЕЙН: СЕМЕЙНЫЕ СХОДСТВА

В Предисловии к «Философским исследованиям» Витгенштейн, ершистый друг Рассела, пишет, что его философские заметки, собранные в этой книге, «это как бы множество пейзажных набросков, созданных в ходе... долгих и запутанных странствий»¹. И они действительно оставляют такое впечатление — картин, мозаика которых составляет единое целое. Это особая мозаика, где напряжен и заряжен каждый квадратик. Но именно он задает разнонаправленность движений взгляда и мысли. Разнонаправленность — принцип авторской работы. За десять лет до того, как Витгенштейн вновь приступил к философским исследованиям, он написал «Логико-философский трактат» и теперь, сложив вторую книгу, пожелал, чтобы его свежие идеи были опубликованы вместе со старыми, и не только потому, что в его прежнем образе мыслей содержались, как он пишет, «серьезные ошибки», но и потому, что они — странствия, и в противопоставлении им и на их фоне «новые идеи могли получить правильное освещение». Подход к его философии не требует членения ее на этапы. Его философия едина. Ее цель —

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. (Часть 1). М., 1994. С. 77.

«логическое прояснение мыслей» (4.112)² и исправление ошибок³. Ошибок, и ничего другого. Даже слова, что у него есть новые мысли, ничего здесь не меняют — они лишь проясняют старый трактат, только на его фоне они могли бы «получить правильное освещение»⁴. Можно даже сказать, что всю жизнь он писал комментарии к «Логико-философскому трактату», проясняя его *грамматику* — это слово — одно из часто употребляемых Витгенштейном, ибо он, учительствуя, постоянно вынужден был обращаться к грамматике как к оператору этого прояснения. Оно важно и для понимания некоторых его терминов, и для разъяснения его философской работы, ибо «философия не учение, а деятельность» (4.112).

Впрочем, где-то мы уже слышали о том, что философия — деятельность, а учение — это теология. Так говорил или подразумевал Августин и многие с ним. Витгенштейн под учением понимал какую-нибудь научную теорию, которая «имеет не большее отношение к философии, чем любая иная научная гипотеза» (4.1122). Стало быть, философия как деятельность куда выше всех наук, она с ними, в том числе с теологией, несмотря на все претензии, поменялась местами, «ограничивая спорную территорию науки» (4.113).

Витгенштейн внимает *религии*, он настроен на нее, отталкиваясь от нее во всей двусмысленности этого слова: отталкиваясь, то есть не соглашаясь с нею, и отталкиваясь, то есть нащупывая в ее основаниях нечто близкое себе, а потому чутко вслушиваясь и всматриваясь в предлагаемые способы приятия мира. Сами проблемы, интересующие его, не просто

² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. (Часть 1). Все ссылки на этот трактат в скобках с указанием пунктов, означенных Витгенштейном.

³ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 78.

⁴ Там же.

те же, что и у многих христианских мыслителей, он близок к ним и в их решении. Он оставляет за собой не только право быть вне религии, но и возможность войти в нее, если случится «пережить» некое событие таким образом», то есть увидеть, например, как деревья после речи святого склоняются к нему в знак благоволения⁵. «Положим, что кто-то верит в Страшный Суд, а я — нет, — писал он в Лекциях по религии. — ...Если кто-то спрашивает: "Витгенштейн, ты в это веришь?"», я бы ответил: "Нет!" — "Ты веришь в нечто противоположное?" — "Нет, я не уверен в этом. Возможно"»⁶. Ибо «мир есть все, что выпадает. Die Welt ist alles, was der Fall ist»⁷.

Валентности

И мы согласны с Бибихиным: переводить фразу надо именно так, с внутренним осознанием того, что *ist* означает и долженствование, «призыв в пространство решимости для ума, который не может решиться, увязая в неопределенности и неопределимости»⁸, «в блестяще отчетливое пространство, которого нет»⁹. Витгенштейн действительно в этом странном пространстве идет так, словно знает каждый поворот, словно, как пишет Бибихин, «в ярком мире вещего сна»¹⁰. И это «Der Fall ist», настоящее время, это именно «выпадает», такое настоящее время, которое называют историческим,

⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 78.

⁶ Витгенштейн Л. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. М., 1999. С. 47.

⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. (Часть 1). С. 5.

⁸ Бибихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна // Философия на троих. Рига, 2000. С. 150.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 152.

поскольку оно относится к прошедшему, настоящему и будущему и есть всегда. Ибо если мир определяется через факты, а совокупность фактов — все выпавшее и все не выпавшее, то мир — все, что уже выпало и чему еще предстоит выпасть. Что, может быть, выпадет. В этом настоящем времени, в модальности, заключенной в этом времени, сосредоточены те возможности, о которых мы, возможно, вероятно, скорее всего, может быть, и не помышляем сейчас, не помышляли когда-то. Не «мы», разумеется, а «я», потому что все, о чем пишет Витгенштейн, — это голое, чистое, одинокое «я», одно только и способное почувствовать ту «высочайшую беду», которую может испытывать один отдельный человек, и не может мыслить то, что мыслить не в силах, а значит, не в состоянии и сказать. «Это замечание, — констатирует Витгенштейн, — дает ключ к решению вопроса, насколько истинен солипсизм. То, что солипсизм подразумевает, совершенно правильно, только это не может быть сказано, но оно обнаруживает себя. То, что мир является моим миром, обнаруживается в том, что границы особого языка (того языка, который мне только и понятен) означают границы моего мира. Мир и Жизнь суть одно». И далее: «Я есть мой мир»¹¹. Это не некий существующий сам по себе мир, а мой мир, существующий сам по себе, одинокий мир. Естественно, что в таком мире «истинность высказанных мыслей представляется неоспоримой и завершенной»¹², поскольку говорит сам микрокосм во всей своей полноте и внутренней завершенности.

Субъект — «метафизический субъект, граница — а не часть — мира» (5.641), но его нет в поле зрения этого субъекта. Смотреть вне, да и внутрь себя можно только с границы. Ни о каком другом зрении речи нет. Потому «никакая часть нашего опыта не... априорна. Не существует априорного порядка вещей. Строго проведенный солипсизм

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Там же. С. 4.

совпадает с реализмом»¹³ (не путать со средневековым направлением: Витгенштейн понимает под ним всю соотношенную с непротяженной точкой я реальность).

Это очень существенное отождествление я и мира. Мой мир действительно случается однажды, он, то есть я, определен и уникален, то, что я думаю, переживаю как единственный в строго конкретный момент, может пасть, пропасть (как в пропасти), если я это не зафиксирую на письме, в публикации. Потому Витгенштейн испытывает сначала нетерпеливое желание напечататься, а потом теряет к этому интерес — об этом писал В. В. Биbihин¹⁴, и это, в сущности, одно и то же. Но этот мой мир, который и есть я, может быть вне меня, если я усилием воли, решительностью сжимаюсь до точки, введя ее и приняв ответственность за нее, отрицать которую — значит не подниматься до нее¹⁵. «Я» солипсизма сжимается до непротяженной точки, остается же соотношенная с ним реальность. Таким образом, в философии о «Я» действительно можно в определенном смысле говорить не-психологически» (5.64–5.641).

Точка, в которую свернуто Я, это мой мир, это я сам и есть. Это «я» исполняет, присваивает себе функции творца, вцепившись в сотворенный собою для себя мир и не выпускающая его из рук. Это Я имманентно, а не трансцендентно миру. Мир, хотя бы грамматически, — «не человек, не человеческое тело или человеческая душа, с которой имеет дело психология, но метафизический субъект, граница — а не часть — мира» (5.64). Я вместе и творец мира, и сам мир, это замкнутая необщительная система. В ней нет места ни роду, ни виду, она действительно определена совокупностью

¹³ Биbihин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна // Философия на троих. Рига, 2000. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 170.

¹⁵ Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. (Часть 1). М., 1994. С. 470.

фактов, то есть сделанного и поступленного, что мгновенно придает этический характер этому моему миру. Факты — не вещи, вещи — единичны сами по себе, факты связывают вещи, относят их друг к другу, образуя некие состояния дел. Вероятно, дело не в том, что «сама вещь в вещественности своего существования уже факт и тем имеет место», не в том, что граница, следовательно, между фактом и вещью невидима, представляя расщепление одного и того же на абсолютно разное, как думает Биbihин¹⁶, а в гораздо более прозаическом: все же вещь, как она ни сложна, одна, она — объект выбора, поступления, ее можно вписать в определенные отношения, чтобы она выполняла свою функцию. В противном случае она так и останется одиноким мерцанием, с которым неясно, что делать. Поскольку мир — это Я, Я поступающий и действующий, я имею дело с соотношением вещей, то есть с фактами. С вещью, как она есть, я не могу иметь дело, ибо между нею и мною — молчаливая пропасть. Ничто — не между творцом и творением, а между Я и вещью, не входящей в обиход моего я. Я могу с нею иметь дело, только осознав ее положение, включив в соотношение с другими вещами и создав положение дел (Sachverhalt), что можно понять и как соотношение вещей, но и то, и другое — факт.

Вопрос в том, как поточнее определить, что такое соотношение вещей, или положение дел, ибо что это связь — очевидно. Но связь чего? Биbihин, по-видимому, соглашается, что соотношение вещей есть связь объектов (предметов, вещей), Gegenstände (2–2.01). Образуется круг, тавтология, подчеркнутая, по предположению Биbihина, «непереводимостью предложения 2». «Смысл витгенштейновских тавтологий: приглашение туда, где и так все уже есть»¹⁷. В таком случае тавтологиями оказываются уже не только Tatsache,

¹⁶ Биbihин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 170.

¹⁷ Там же. С. 173.

Sachverhalt, Sachlage, Zusammenhang, но и Gegenstand, Ding, Sache. Но так ли все уже *есть*?

Предложение, следующее за 2.01, гласит: «Для вещи существенно, что она должна быть *возможным* компонентом какого-то положения дел» (выделено нами. — *Авт.*). Но при чем здесь возможность, если уже все *есть*? При том, что там, куда приглашает Витгенштейн, по-видимому, ничего нет, кроме возможностей, или *есть*, но как бытие возможностей. «Логика имеет дело с любой возможностью, а ее факты», то есть состояния дел, «суть все возможности» (2.0121). Именно потому «в логике нет ничего случайного: если вещь *может* появляться в некоем соотношении вещей, то возможность этого состояния уже заложена в ней» (2.012). Получается, что в вещи заложена возможность соотношения объектов или, что то же, вещей, предметов. Получается, что возможность *есть* там, где вообще ничего нет, ибо вещь *может* только появиться в определенном состоянии, а *может* и не появиться. О возможности *чего* говорит Витгенштейн?

Можно предположить, что речь не идет о тавтологии. Речь идет о ином понимании термина Gegenstand. Потому нужно обратиться к той грамматике слова, о которой говорилось выше. Прямой перевод — то, что пред-стоит. Это-то предстояние и позволило термин передать как объект, такое значение *есть* в немецком языке. Вопрос в том, почему Витгенштейн не употребил слова Objekt, которое также существует в немецком языке и которое действительно «объект»? Дело, по-видимому, в том, что, когда речь идет о соотношении вещей «в логическом пространстве» (1.13), то имеется в виду нечто действительно действующее, подлежащее, положение. Поэтому здесь не может быть никакого объекта, ибо грамматически термин Objekt означает дополнение, а может быть употреблен именно термин Gegenstand, что есть грамматическое подлежащее, предположение, предрасположенность к чему-то. Такое подлежащее обладает именно возможностями-

ми, которые предстоит реализовать в состоянии дел, в соотношении вещей. Вещь, дело здесь не синонимы подлежащего, скорее субъекта, чем объекта. Когда Витгенштейн пишет, что соотношение вещей или положение дел *есть* связь подлежащих или того, что пред-положено, то имеется в виду, что как раз и могут быть пред-положены вещи и дела. Только еще пред-положены, только еще возможны. В этом смысле философия Витгенштейна действительно представляет *онтологию возможностей*. *Есть* возможность того, чего еще нет, но что уже имеет, правда, ничего не значащее имя. И это существенное отличие логики Витгенштейна от традиционной, по его словам, логики, которая предписывает и заставляет, без этого она не логика. Витгенштейнов мир исходит из таких именно фактов.

Картина мира предстает как совокупность мыслей, содержащих «возможность той ситуации, которая ею мыслится. Что мыслится, то и возможно» (3.02), а мыслится только логичное, выражающееся в предложении через чувственно ощущаемые знаки, которые Витгенштейн назвал знаками-предложениями, проекциями мысли в мир, возможностями выражения смысла в предложении. Предложение, как и мир, представляет собой не смесь слов, а определенным образом организованных и соотнесенных друг с другом слов, которые не выступают отдельно, как и вещи. В качестве отдельной единицы слова нет. *Есть* слово-предложение. А вот то, что в таком слове-предложении соответствует мысленному предположению, что является и подлежащим, и основанием, и тем, что когда-то называли *suppositum*, пред-положенностью и пред-расположенностью, то есть действенным интенциональным начинанием¹⁸, Витгенштейн называет именем, получающим значение только в контексте предложения. Потому имя — «элементарный знак» (3.26), сам по себе не имеющий зна-

¹⁸ См.: Петр Абельяр. Теология Высшего блага // Петр Абельяр. Тео-логические трактаты. М., 1995. С. 227.

чения, а потому оно не может «разъясняться определениями», что показывает тесную связь определения, соответственно понятия с идеей значения, о чем опять же в свое время писал Августин. Эти пред-полагания, под-разумевания образуют субстанцию мира. Не объекты, а именно пред-полагания (*Gegenstände*), предданности (подставки, подкладки, представленности, или предстояния, если изъять из этого термина теологическую нагрузку, оставив, однако, мистическую), обладающие энергией или интенцией создавать положения вещей. *Gegenstände* в таком случае действительно логические единицы, скорее субъекты, нежели объекты. Витгенштейн не пользуется этим термином («субъект») в силу полагания такого Я, которое и «есть мой мир» (5.63), в силу тождества Я и мира, субъект-объектной сцепленности и нераздельности, ибо «не существует мыслящего, представляющего субъекта» (5.631). Если вспомнить, что *Gegenstände* «образуют субстанцию мира», то перед нами даже не субъект-объекты, а старые, времен Боэция, субъект-субстанции. *Gegenstände* — своего рода праэлементы, валентные места, возможности, которые могут реализоваться в вещах. Места даны созерцанию с помощью вещей и языка. И эти места напряжены. Нужно только нажать на клавишу, чтобы возможность стала реальностью. «Пианола читает с листа запись, сделанную посредством перфорации барабана»¹⁹. Мир — совокупность этих валентных (потенциальных, разнородных) мест, напоминающая таблицу Менделеева и представляющая сетку-схему, «картину ландшафта», «альбом»²⁰. Для каждой вещи существует это место. Это дано, и это субстанция мира. Не случайно множественность мест Витгенштейн выразил словом, употребленным в единственном числе, — субстанция. При таком переводе *Gegenstand* в логике действительно нет ничего случайного. *Gegenstand* действительно «всегда прост»

¹⁹ Витгенштейн Л. Коричневая книга. М., 1999. С. 63.

²⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 78.

(2.02), поскольку он — субстанция (если уж пользоваться этим термином, не смущая логиков, то первая, она же — единственная субстанция) мира (2.021). Мир есть все, что имеет место, при этом не важно, выпадает ли это «все, что выпадает» или «не выпадает» (равно: «выпало пусто»). При этом вряд ли можно сказать, что все не выпавшее не имеет места, ибо и оно, не выпавшее, имеет место, ту валентность, которой награждена даже пустота. В этом смысле высказывание «мир есть... все не выпавшее, не имеющее места»²¹ представляется неточным.

Смысл и значение

В русском и не только в русском языке слова «смысл» и «значение» часто взаимозаменяемы как синонимы. Англо-русский словарь дает такой перевод слова «meaning» — значение, смысл. Однако это стало возможным тогда, когда «слиплись» два процесса — описания и определения, когда отождествились «понятие» и «понимание». Между тем они совершенно разные. Смысл проясняется тогда, когда умолкают слова, а значение тогда, когда они говорят, звучат и пишутся. «В самом деле, существует невысказываемое. Оно показывает себя, это мистическое. Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки — следовательно, чего-то, что не имеет ничего общего с философией. — А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений. Этот метод не приносил бы удовлетворения собеседнику — он не чувствовал бы, что его обучают фило-

²¹ Библихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 171.

софии, — но лишь *такой метод* был бы безусловно правильным. Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью — по ним — над ними, в конечном счете признает, что они бес-смысленны. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как поднимется по ней.) Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (6.522–6.54).

Попробуем разобраться в этом длинном пассаже. Мистическое здесь противопоставлено не рациональному, а научному способу видения. У Витгенштейна в мистическом разум продолжает работать. В этой работе — собственно философия. Путь к ней — через вопрос — это именно путь к философии, которая обнаруживает себя молчанием. А сам путь — наука. Она означена, она понятна. Путь к философии — путь в мистическое. Туда, где нет никакой тайны. Ибо если есть вопрос, то на него можно ответить. В этом смысле действительно скептицизм — бессмыслица, ибо он пытается сомневаться в том, вопрос к чему существует, соответственно существует ответ. Что же сомневаться в этом? Если ответ не устраивает, его не стоит принимать, стоит искать новый. Но это не сомнение. Удивительная философия! Когда-то это называли теологией.

У Витгенштейна в основании мира лежат разные предположения (только это определение им и присуще, потому что ничем другим они не отличаются друг от друга), да и мир — это я или мы. Поэтому мистическое находится в границах рационального субъекта, выполняя собственно философские функции. Наука же — чистая знаковость и исполняет роль герменевтики. Она извне истолковывает нечто, а истолковав, словно бы освобождает его от одного значения, затем другого, третьего, то есть от сомнения, приближая молчание. Иными словами, понимание есть, и оно само по себе. «Не потому ли те, кому после долгих сомнений стал ясен смысл жизни, не в состоянии сказать, в чем состоит этот

смысла» (6.521). Они не в состоянии сказать, потому что и незачем, он показан, виден и очевиден.

Смысл, которого касаются, дан в совершенно новой позиции — из самодетерминированного эго-мира и предполагает «созерцание мира с точки зрения вечности — это созерцание его как целого — ограниченного целого. Переживание мира как ограниченного целого — вот что такое мистическое» (6.45). Под этими словами подписался бы Августин. И не случайно в средние века — вплоть до XIII–XIV века не было метафизики. Она появилась тогда, когда стала исчезать двусмысленность мира, явно ориентированного в сторону однозначности науки.

Двусмысленность — не две возможности мира ли, вещи ли, слова. Она предполагает некое самостояние, в котором сосредоточены все (минимум две) возможности, равно имеющие место быть. Средневековые для этого выработали, как мы помним, термин «эквивокация (aequivocatio)». Не омонимия, а именно эквивокация. Омонимия как раз предполагает возможность употребления одного и того же слова в разных контекстах, самого по себе и в предложении, а двусмысленность, или эквивокация, предполагает, что внутри слова содержатся разные возможности его применения. Когда Витгенштейн говорит «вещь самостоятельна, поскольку она может наличествовать во всех возможных ситуациях» (2.0122), он под вещью вместе с тем полагает и слово, ибо продолжает: «Невозможно, чтобы слова выступали двумя разными способами — сами по себе и в предложении». А когда он пишет, что «вещь самостоятельна» и в то же время несамостоятельна, поскольку взаимосвязана с другими вещами, представляя каждый раз новое, конкретное положение дел, то это все та же двусмысленность, поскольку самостоятельность только и может быть таковой, когда очерчены границы ее самостоятельности и когда она сама по себе содержит все свои возможности и способности (интенции) к их осуществлению-воплощению. Все они — в вещи-слове, которое и есть

Я и только Я, даже если это другой Я. Сам этот другой есть возможность моего Я. Иначе я не мог бы вступить с ним в контакт, сближающий нас друг с другом или отталкивающий друг от друга, ибо и то и другое возможно при касании, при вступлении в контакт. Поэтому «задним числом открыть новую возможность нельзя», ибо все они заложены в вещи-слове, открыть можно способы употребления.

С этим различием связано понимание вечности и времени: первая с возможностью, соответственно с возможностью созерцания, которое предполагает открытость будущему, второе — с употреблением, соответственно с конкретностью воплощения. Отсюда ясно, что идея определения претит Витгенштейну — он называет ее ментальным туманом. Более того, полагает, что мы только тогда и *озадачиваемся*, когда определение не получается. Привычка давать определения свидетельствует лишь о нашем желании «отодвинуть неприятность». И метод Витгенштейна «не просто состоит в том, чтобы исчислять реальные употребления, но, скорее, в том, чтобы умышленно вводить новые, чтобы показать абсурдность некоторых из них»²². Вещь предполагает множество взглядов на нее, бесконечность возможных ситуаций, которая только и гарантирует — здесь мы полностью согласны с Бибикиным, — что вещь настоящая²³. И эту вещь можно описать, что является способом более точным, чем определение, позволяющим описать вещь саму по себе через, как раньше говорили, собственное, или «свойства», *Eigenschaften* (2.02331).

Здесь впервые Витгенштейн употребляет термин «общее», «общее свойство», *Eigenschaft gemein* (Сократ — человек), под которым он понимал любые предикации, присоединяемые с помощью связи.

²² Витгенштейн Л. Голубая книга. М., 1999. С. 51. См. также с. 47–50.

²³ Бибикин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 178.

Согласно Абеяру, универсалии означивают различные вещи благодаря их именованию, пролагая путь к *понятию*, но само понятие возникает не просто на основании принятого решения («предположим, что...»), но напрямую связано с единичной вещью, то есть проводится коррекция предположенности и положенности²⁴. Так что формирование универсалий происходит при наличии двух процессов одновременно — приложения общего имени и схватывания общего понятия, что становится возможным при наличии общего замысла, общей причины и неременной способности к воплощению. «Мы же обычно не говорим, что чья-либо мысль или предвидение пусты, кроме тех, что не имели никакого результата, и не утверждали, что мыслить — напрасно, кроме тех случаев, когда мысль не реализована в произведении»²⁵.

Бибикин говорит, что связать группы индивидов («Сократ, Платон, Аристотель») в некий один тип (род) «вряд ли удастся, и в каждом отдельном случае надо будет начинать работу сначала», выражение «Сократ человек» «будет именно предположение, то есть связка, связывание, на которое со страхом и риском идет предлагающий»²⁶. Он полагает также, что такое рассуждение похоже на Дунса Скота, не признававшего права считать «десять деревьев, сто человек», и Абеяра, потому что пересчитываются при этом умственные сущности, отвлечения в нашей голове. Однако Петр Абеяр, анализируя выражение «Две единицы — в этом человеке, жителе Рима, и в том, жителе Антиохии, — образуют и составляют двойку», утверждает, что «это по природе нечто одно», и говорит, что здесь «сравнивается не то, что именуется одинаково, а только формы... в противном случае получается, что сравниваются сами субстанции», хотя «очевидно, что ни одно существитель-

²⁴ Петр Абеяр. Логика «для начинающих». С. 78–79.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ Бибикин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 184.

ное не может сравниваться»²⁷. То, что в данном случае сказал Бибахин, не столько показывает, что Витгенштейн (подобно Петру Абеляру и Иоанну Дунсу Скоту) отказался от идеи типа как общего, представляющего некую «совокупность», «коллекцию» (речи об этом здесь нет в полном соответствии с замыслом Витгенштейна), сколько обнаруживает *иную* идею типа и иную — концептуалистскую — идею общего: общее в единичном, но не как ядро ореха в скорлупе, а как само единичное, собой являющее всеобщее, оно действительно «имеет тон уникального вот этого», *haecceitas*²⁸. Более того, идея «вот этого», как мы говорили, принадлежит именно Петру Абеляру, к XIII в., возможно, забытому. Однако само сходство идей (и это относится не только к Дунсу Скоту) свидетельствует, что они уже «ходили по миру», от *hocest* Абеляра, для которого этот человек не тот и так, что «не только это — не то, но и ни одна часть этого не является частью того»²⁹, до *haecceitas* Дунса Скота — шаг скорее терминологический, чем содержательный. Однако пример, приведенный Бибахиним относительно десяти деревьев или ста человек, не совсем корректен, потому что точка зрения числа не то же, что точка зрения свойств. И об этом тоже напоминает Абеляр³⁰. Если с точки зрения числа можно связать разное и даже без большого страха и риска, то с точки зрения свойств этого сделать нельзя, ибо речь в таком случае должна идти о полном тождестве. Витгенштейн и говорит о вещах, которым *всем* присущи общие свойства или: со всеми общими свойствами, то есть о полном тождестве вещей, и «тогда вообще невозможно указывать ни одну из них» (2.02331). Это *другая аналитическая процедура*. Здесь, повторим, и речи не может быть о типах, предпола-

²⁷ Петр Абеляр. Логика «для начинающих». С. 115.

²⁸ Бибахин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 185.

²⁹ Петр Абеляр. Теология «Высшего блага». С. 190.

³⁰ Там же. С. 202.

гающих множество, поскольку речь — в полном соответствии с замыслом Витгенштейна — идет только об одном: «одной вещи», «одинаковой логической форме», той форме, о которой говорил и Абеляр. Слово «одинаковость» предполагает соответствие с тождественным (ниже и сам термин «тождество» в «Трактате» появляется), однако в обычае языка одинаковость понимать как тождество. И все это опять же в полном согласии с тезисом Петра Абеляра, гласящим, что «необходимо, чтобы все сущностно тождественное было бы тождественным и нумерически... нумерически различается лишь то, что отличается друг от друга *всей своей сущностью* (то есть и всеми своими свойствами. — *Авт.*), поскольку то — не это»³¹.

Приведенный Бибахиним английский текст от 16 января 1913 г. свидетельствует о «дьявольской важности» этой идеи, но не относительно идеи типов (хотя, разумеется, и она существенна). Идея тождества важна не только тем, что позволяет выявить его противоположность относительно различия (предположенности, *Gegenstände*, субстанция мира имеют «одинаковую логическую форму» и «отличаются друг от друга только тем, что они различны») (2.0233). Но тождественными их делает все же только логическая форма, представляя их уникальными, то есть отличимыми. *Связанные* (одним определением) вещи «связаны между собою так, что... существование этим требует существования тем и наоборот». Возьмем, к примеру, выражение: субстанция, плоть, белое, твердое — все это Сократ. Нельзя, однако, сказать, что субстанция, плоть, белое и твердое тождественны, хотя выражение предполагает, что сущностно, но только сущностно, они одно и то же. «Ибо все, тождественное по определению, тождественно либо нумерически, либо сущностно, но не наоборот; и все, тождественное сущностно, тождественно и по числу, но не наоборот». Две лошади не тождественны по определению двум людям. И лошадь по сущно-

³¹ Там же. С. 187.

сти не тождественна человеку, хотя определением они могут быть связаны («животное»).

Это снова Абеляр³², который, как и Витгенштейн, подчеркивал роль связки, понимая определение как некий ситуационный статус вещи (положение дел), свидетельствующий, в отличие от *Gegenstand*, возможность ее нестабильности и изменения. Тождество предположенного опирается на множественность отождествлений как выражений предположенного, тогда как самоотождественность двух предположений требуют их инаковости друг относительно друга. Абеляр здесь необходим, с одной стороны, для подтверждения убежденности Витгенштейна в том, что «истинность высказанных здесь мыслей представляется... неоспоримой и завершённой»³³, поскольку речь идет о единственной истинной логике, а с другой — для утверждения нетождественности логического и экзистенциального. «Сказать о двух вещах, что они тождественны, — бессмыслица, сказать же об одной вещи, что она тождественна самой себе, — это вообще ничего не сказать» (5.5303). А потому «знак тождества не является существенным элементом исчисления понятий» (5.533). В чем же фундаментальнейшая, дьявольская трудность проблемы тождества? А в том и трудность. Она нужна, как леса, как строительные леса, и отпадает, когда в про свете видно целое.

И вот вопросы: логика, утверждающая уникальность, полнотой ли отвергает всеобщность, если это — логика, которая призвана выражать всеобщее? И если отвергает всеобщность, какие формы общности она допускает? Речь об общем, как мы видели в 2.02331, идет в той мере, в какой эти общие свойства могут отказать вещи в выделенности, представляя как бы вещь вообще. Но валентные места, *Gegenstände*, сами по себе уже требуют общего с тем, что эти места занимает.

³² Петр Абеляр. Теология «Высшего блага». С. 189.

³³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 4.

В тезисах 2.0272 и 2.03 Витгенштейн утверждает, что конфигурации, или сообщество фигур, образуют определенное положение логических предположенностей, которые сцеплены друг с другом, как звенья цепи, то есть, существуя сами по себе, самоотождественные, они вместе с тем востребуют друг друга. Сократ востребует связь с человеком, но равно же востребует связь с белизной или грамматиком. Это не значит, что связи уже есть, как есть *Gegenstand*, в котором все связи предположены, но не реализованы. Отсюда странность: предложения («Сократ — человек», «Сократ — грамматик») на деле свернуты в одно слово («Сократ»), внутри которого уже есть все предложения, именно там, внутри сцеплены все возможные положения дел с Сократом. Из него мы выуживаем картины и можем их создать столько, сколько существует возможностей их существования, сколько существует валентных мест.

Когда Витгенштейн говорит, что «картина — модель действительности», представляющая «определенную ситуацию в логическом пространстве», «существование и несуществование положений дел» (2.12, 2.11), он делает акцент именно на том, что картина не действительность, иначе слово «картина» было бы синонимично, в данном случае — тождественно слову «действительность». Между тем она «может изображать любую действительность» (2.171. Курсив наш. — Авт.). А поскольку картина изображает вещь с определенной точки зрения, то «она изображает ее либо верно, либо неверно» (2.173). Картина, впрочем, тождественна себе так же, как и действительность. Они тождественны на основе логической формы, что есть форма действительности, но не сама действительность. Картина, в свою очередь, «является и логической картиной» (2.182), но не только логической. Ее соответствие образу действительно, как и предполагает Библихин, держится на формальном тождестве и ни на чем другом, и логика в этом смысле действи-

тельно одна³⁴, хотя сама действительность двусмысленна, можно сказать — двузначна, но не однозначна, тем более не одно-однозначна³⁵. Витгенштейново «картина подобна мерилу, налагаемому на действительность» (2.1512) нельзя читать как «мы... примериваемся к миру. Мы измерение мира»³⁶. Это означало бы смешение субъекта с объектом не в смысле замещения, а в смысле переноса на объект функций субъекта («Я — чайник» Шварца), в то время как, нам кажется, предполагается тот самый «кентавр», о чем говорилось ранее: человек не существует без логики, а логика без человека, она не субъективна, а субъектна, субъект же логичен. Здесь Родос, в этой концептуальной схваченности, в прямом смысле зачатия, которое предполагает единство в двойце. Здесь задана кентавричность — не найдено слово для обозначения единого словоплотия: для религиозного человека таким словом было слово «Богочеловек», но Витгенштейн, мирянин, выражающий бивалентность мира, снимает субъективность и психологичность.

Это было известно со времен средневековья, когда выражения «Сократ белый» и «Сократ человек» полагались тождественными, и в первом случае Сократ предиктировался не привходящим образом, а самым прямым и непосредственным, как и во втором. Это как раз означает, что в игре не отодвигались, а вводились «тонкости принципа индивидуации»³⁷, но эти тонкости свидетельствовали о том, что если уж сами вещи отличны друг от друга, то между ними и творцом их лежит пропасть ничто. Витгенштейн же решает задачу в несколько ином аспекте: валентность обнаруживает возможность единства вещи как она есть и ее «картинных» моди-

³⁴ Бибихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 197.

³⁵ Там же. С. 193.

³⁶ Там же. С. 195.

³⁷ Там же. С. 199.

фикаций, потому что изначально задана логическая возможность любой картины, а все вместе — это и есть вещь. Общим между действительностью и картиной и является это валентное место, логическая форма изображения. Картина — схема, которой пред-положено быть воплощенной, то есть она — положенность, работающая так, как пред-положено в одной из возможностей, которая актуализована сейчас, в данный момент. Это действительно «мерка, налагаемая на действительность» (2.1512), конечная мерка бесконечной действительности.

Складывается впечатление, что идея тождества потому и является труднейшей, фундаментальнейшей проблемой, что тождество, возможно, только в случае полнейшей тавтологии. Когда говорится, что логика начинается с определения «это есть то»³⁸ или невозможна без него, то при этом как-то забывается Витгенштейново — что сходство (Сократа с человеком) еще не основа тождества, что вещи с абсолютно общими свойствами не поддаются выделенности, тем самым не бывают тождественными, ибо сказать «одно и то же» можно лишь в случае выделенности. Человек как единство плоти и логоса есть такое тождество, но только логическое тождество — действительно умственное образование, а сходство, использующее глагол-связку «есть», напоминающее тождество, почти тождество, отождествления (если есть сходство, значит есть и различие; нарратив Сократа — не письмо Платона) — лучший пример существования (мышления) по аналогии. Даже абсолютно тождественные «знакосочетания» («Сократ есть Сократ») при наличии приравнивания одного другому не тождественны, ибо «Сократ» может быть и человеком, и только именем. Как писал Боэций, однозначными определениями могут быть только обрацаемые определения, полные синонимы, чего в принципе нет. Но до логики общих понятий Витгенштейну нет дела, как до идеи

³⁸ См. об этом: там же. С. 197–198.

рода, есть общее как общее место, как общая логическая форма. Ибо нарисованные корабли — то же, что посланные за море корабли, *поскольку* те корабли есть. Нарисованные корабли также *возможны* (как проект, и в этом случае возможна обратимость) *при условии*, что такие корабли *будут* и имеют средства быть построенными, то есть — в старой терминологии — воплощенными. И нарисованные корабли есть, но не то же, что посланные за море, поскольку нарисованное не всегда исполнимо. В этом случае речь о тождестве возможна только относительно самого себя и при выражении других самождественных вещей (например, мое творческое состояние выражается с помощью этого рисунка). Возможно, что картина рисует нас без нас (без того, чтобы мы знали и осознавали это рисование — «как во сне», пишет Бибахин), будучи и в этом случае тождественной действительности, но это так с учетом того, о чем мы сказали выше — с учетом уже взаимопредположенности в логике человека, а человека в логике. Тогда неосознанность, сонность понимаются в определенном смысле метафорически: человек сознает (логизирует) даже во сне, а логика человека читается даже в отсутствие человека.

Такая уж наша человеческая особенность! И потому «невозможно сказать, как бы выглядел «нелогичный мир». Изобразить языком нечто «противоречащее логике»... невозможно» (3.031–3.032).

После этого можно понять, почему Витгенштейн внимательно прислушивается к религии, но сам, на наш взгляд, не религиозен: иногда легко переложить ответственность вовне. К тому же надо понять и что такое действительность. Если сон — одно дело, а явь — другое. Если сон — это явь, то здесь не логика, а клиника. Если все же действительно и то и другое, то в словах нет нужды. Нужно терпеть молчание существования — и это достойная задача, и тогда смысл явлен тебе, и никому больше. Этим и заканчивается «Логико-философский трактат»: «Правильный метод философии,

собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить...» И это «ясно, как стеклышко»³⁹. Ясно не то, что картина тождественна действительности и все соответствия одно-однозначны, а то, что любые сцепки вещей, в какой бы действительности они ни происходили, — одномоментны и только в этот момент однозначны, они исчезают при отпадении надобности, а надобность возникает не как философская, а как научная, то есть обладающая значением и соответственно понятием. Пониманию же знаки не нужны. Они бессмысленны. А там, где есть правильное видение мира, там — смысл, не нуждающийся в словах и соответственно знаках. Про него нельзя сказать, что он однозначен, ибо знаков нет. Но именно он — общ всему.

Это определенная безрелигиозная форма монашества. Солипсизм.

Отсюда ясно, что предложения, или предложения-знаки, суть лишь проекции смысла, но коль скоро они проецируют смысл, то они фактичны, внутренне организованы и обнаруживают, даже показывают своими знаками *возможность* и только возможность смысла (3.12–3.143). Сам смысл невыразим — это мы прочли у Августина, и Витгенштейн напомнил нам об этом своими словами. Он еще сказал, что знаки представляют Gegenstände, но не высказывают, не выражают их. Они говорят о том, как вещь есть, но не *что* она есть. «Что» представляется именем. Знаки показывают, как имя может быть представлено (3.22–3.221). Это полагание значения внутри самого обозначаемого, то есть акт обозначения и его результат — значение — интенциональны друг другу. О «что» здесь и речи нет: не «комплексный знак aRb повествует о том, что a находится в отношении R к b ; верно другое: *То*, что « a находится в определенном отношении к « b », сообщает, что aRb » (3.1432). Или: не то, что значение повествует о том, что обозначаемое (субъект) находится в

³⁹ Там же. С. 207.

отношении к обозначающему (предикату), а то, что обозначаемое, находясь в определенном отношении к обозначающему и наоборот, сообщает, каково значение этого отношения. И отсюда очевидно, что «априори истинной картины не существует» (2.225). Картина конфигуративна, она всегда в той (или другой) конфигурации, будучи воплощением одной из возможностей. Витгенштейн постоянно акцентирует эту воплощенность, в его терминологии — сделанность: «мыслимость положения дела означает нашу способность сделать себе его картину» (3.001), «мы делаем себе картины фактов» (2.1). И в этом смысле логика одна, возможностная логика, выраженная в *высказываниях*, то есть логика высказывания, или *показанная* там, где высказывание невозможно, то есть логика смысла. Возможностная логика и есть логика высказывания, вывернутая вовне, и логика смысла, обращенная внутрь.

Отказывается ли здесь Витгенштейн от теории типов? От той, что представляли Порфирий — Рассел? От родо-видовой логики и логики классов? Да. Но не от идеи типа или образца как такового. Рассмотрим, что он под этим подразумевает.

Имена, представляющие *Gegenstände*, подобны точкам или простым, элементарным знакам. Осмысленные предложения повествуют о комплексе знаков. Имена как единичности могут быть определены с помощью других знаков, предложений или их частей, выражающих смысл (символов), но комплекс может быть только описан. И снова две возможности представления вещи — *описание* и *определение*, как оно было у Бэция. Только у того и имя могло быть определено только в соответствии с нашим сиюминутным взглядом на него: Сократ, к примеру, при взгляде на него как на человека, мог быть определен как человек. Более того, по Бэцию, было неважно, Сократ ли был знаком человека или человек — Сократа. Поскольку же имя некоей вещи содержало в себе целиком и полностью предельный род, который

не мог быть определен, ибо определение предполагает вышестоящий род, а у предельного рода его нет, оно также по большому счету не может быть определено.

Но Витгенштейн говорит об ином, он говорит о том, что возможно уплотнить символ комплекса в простой символ и уже его можно выразить определением (3.24). И тогда описание (а под ним подразумевается «три рода описаний: 1. Прямое перечисление. 2. Задание функции fx , значениями которой для всех значений x являются предложения, подлежащие описанию. 3. Задание формального закона построения этих предложений» — 5.501) преобразуется в определение, но не родо-видовое, не на основании общности класса, как привычно, а на основании внутренней организации предложения (3.251), показывающего и то, что есть, и то, чего нет в знаке, ибо «знак, получивший дефиницию, обозначает сверх тех знаков, которые вошли в его дефиницию; и дефиниции указывают путь» (3.261. Перевод В. В. Библихина). Этот единственный способ определения действительно, как считает Библихин, утверждает лишь принципиальную неопределимость имен⁴⁰. «Имена не могут разъясняться определениями» (3.261), как и всякий знак, имена не имеют сами по себе значения. Они приобретают значение «в контексте предложения», но при условии, что эти значения «уже известны» (3.3, 3.263).

Что-то странное получается. Значений нет, но значения известны. Витгенштейн словно бы показывает пограничное состояние разума, вынужденного действовать там, где еще ничего нет. Он может молчать, в молчании созерцая смысл. Он может говорить, если хочет этот смысл выразить. Начинание коренится между этими двумя «может». И как только разум начинает его выражать, он, во-первых, формирует конфигурации (иначе не выразить), во-вторых, он *появляет-*

⁴⁰ См.: Библихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 226.

ся тогда, когда его не ждали, самой неожиданностью своей обнаруживая свободу своего явления, и в-третьих, понимание он втискивает в понятия через обозначения, тем самым уплотняя его с одновременным указанием на себя знаков (что, собственно, и есть определение знака). Поскольку же понимание, или смысл — один (здесь неверен сам термин «однозначность»⁴¹), и он — *общее* для всего, образец, тип, говорит Витгенштейн (3.24), подразумевая под ним именно образец, то он *содержится в обозначении*, причем двумя способами: «что не удается выразить в знаке, показывает его употребление. Что проглатывают знаки, договаривает их применение» (3.262). Проявляется плотски, ибо знаки не высказываются, а именно представляются или — *предъявляются* (3.221). И это «выражение» и есть «все то общее (существенное для смысла), что могут иметь друг с другом предложения» (3.31). Поскольку же оно есть проекция *Gegenstand*, то, естественно, оно «предполагает формы всех предложений», будучи «*общим* характерным признаком некоего класса выражений» (3.311), — вот и «класс» появился, но это не класс вещей, а класс операций, проводимых над одной и той же вещью. А это значит, что в формы всех предложений входят как отрицательные, так и утвердительные предложения, причем отрицательные предложения могут быть образованы «с косвенным использованием утвердительного» (5.5151).

Как видим, это общее опять же двусмысленно. Оно не единство во множестве, это единый смысл, передающийся множественностью знаковых употреблений или использований. И он не «где-то-там», а связан с моим, исключительно моим (солипсизм) миром, а я — это тот, кто действует на границе разума и неразумия, там, где начинается философия. И речь, конечно, может найти себе подходящий комплекс не во мне, так в другом, таком же солипсисте, и мы можем не

⁴¹ См.: Бибихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 227.

понять, о чем идет речь, и ее смысл может миновать меня, хотя не перестанет быть смыслом, и ложной от этого она не станет. Ложной она станет в том случае, если она — вообще не вещь, а только пустой знак. Смысл не может меня миновать, поскольку я и есть мир, и я владелец знаков — и содержательных и пустых, и понимания и непонимания со всеми их напряжениями. И общее же в разных формах высказывания — единство во множестве, где выражение — постоянное, а предложение — переменное. И в данном случае не важно, что общее не предикация, а все выражение в целом.

Общее и единичное

Когда Витгенштейн пишет: *Gegenstand* есть значение имени (3.203), то речь, скорее всего, идет о той же валентности, о которой говорилось выше. *Gegenstand* (подлежащее, предложение) уже содержит все свои возможности, соответственно — значение, которое оно не придает даже, а подсказывает имени, это — еще раз — полагание значения внутри *Gegenstand*. Акт обозначения и его результат (значение), повторим, интенциональны друг другу. В этом акте мыслятся во взаимосвязи и подлежащее как активное начало, и содержание, которое высказывается, или значение. И тогда действительно — при учете валентности — «А» есть тот же знак, что и «А» (3.203), то есть он представляет это «А». Именно *природа* предложения как логический образец составляет класс предложений, который, *естественно*, уже никак не зависит от соглашения и классом поэтому называется не совсем по праву. А вот какие значения, выраженные подчас одними и теми же словами, может принимать переменная, должно устанавливаться, и это установление стало настолько привычным, что принимается за что-то определенное, даже предопределенное. Такого рода предрасположенности, полагания действительно связаны с верой. «Если под

«полаганием (верой)» мы подразумеваем действие, процесс, имеющий место, когда мы говорим, что мы полагаем (верим), мы можем сказать, что полагание есть нечто похожее или тождественное выражению полагания»⁴².

Когда Витгенштейн говорит об одних и тех же словах, осуществляющих разные обозначения в повседневном языке, речь идет о той же двусмысленности (двуосмысленности). Эта двусмысленность не снимается, если мы заменим одни и те же слова разными знаками, а лишь устраним ошибки, ведущие к «фундаментальнейшим подменам одного другим (которыми полна вся философия)». В таком случае мы не спутаем глагол «есть» как связку с глаголом «есть» как знаком тождества или выражением существования, а в выражении «зеленое есть зеленое» имя существительное (первое слово), являющееся в данном случае названием предмета по типу: это — камень, это — зеленое, с именем прилагательным (второе слово), которое в данном случае означает признак предмета, называющего себя зеленым, хотя в подкладке присутствуют все эти значения. Но их разно вытаскивают на свет и употребляют. Если же знаки не употребляют, то они и не имеют значения (3.323—3.328).

И тогда действительно общее — не тип и не род. Оно то, что выражает один и тот же смысл в разных предложениях (3.341), то, чем обладают все символы, служащие одной и той же цели. Оно подлинное имя всех символов, обозначающих то, что лежит в подкладке и что выражено переменными и произвольно, *тропами*.

И это не наш домысел. Троп — это *поворот*, а у Витгенштейна одним из главных слов является «применение», «употребление», *Anwendung*, в основе которого *wenden* — *повертывать*. Немецкими значками передан старый латинский способ выражения чего-то, что выражению недоступно, что позволяет осуществить пере-вод, пере-нос чего-то во что-

⁴² Витгенштейн Л. Коричневая книга. С. 102.

то, что лежит в другом месте. Определения, которые «суть правила перевода с одного языка на другой» (курсив наш. — Авт.), и есть тропы, и тут действительно есть над чем поломать голову, ибо самое точное оказывается самым зыбким, и оно-то, выраженное знаками, является общим для всех смысловыражающих символов. Смысл содержит в себе такое высокое напряжение, которое можно выдержать только через его ослабление за счет множественности выражений, «тем самым демонстрируя, как возможная знаковая система позволяет выявлять общее» (3.341—3.344). Бибикин пишет, по сути, о том же: «Все в знаке повернуто, вырываясь за его пределы, к “применению”»⁴³.

Но при этом выявляется и два способа понимания общего: как единого смысла и как единого «типового» определения, что показывает трудность, с какой Витгенштейну приходится отходить от идеи типа, хотя можно говорить и об упорстве и назойливости сложившегося, не дающего от себя отойти. Это, однако, можно понять как некую предварительную работу. Есть и другое: в знаке-предложении, в осмысленном Satz-предложении сворачивается мысль, проникнутая им, Satz'ем, сквозь все логическое пространство со всеми его, предложения, и ее, мысли, возможностями и актуальностями, прошлыми, настоящими и будущими высказываниями, что и есть язык⁴⁴. Язык, если говорить об универсалиях, и есть единственная универсалия, позволяющая нам понимать друг друга, даже если мы говорим на разных языках. И в этом смысле универсальна всякая пропозиция. Она — метонимия. Все просматривается через фокус именно этой пропозиции, ибо «человек обладает способностью строить языки,

⁴³ Там же. С. 239.

⁴⁴ Бибикин об этом сказал так: «Смешно, имея в руках такой инструмент, имея такой кулак, как Satz, дробить его на высказывание и суждение. У Satz есть свойство проникающей простоты, теряющееся от дробления» (там же. С. 244).

позволяющие выстроить любой смысл, понятия не имея о том, как и что обозначает каждое слово» (4.002), было бы желание его найти. Если мы внимаем установленной кем-то мысли, то она дана вся и сразу. Она, значит, ясна, если от нее не отказываются. И тогда отпадает вопрос, зачем даны определения: они там для тех и тогда, кто готовит себя к мышлению, которого как будто нет до момента определения; «как будто» здесь важно, ибо это обнаруживает кажимость языка.

Именно потому, что язык — часть организма, «нет никакой человеческой возможности взглянуть в язык... и разобрать его до его логических оснований» (так толкует 4.002 Бибихин⁴⁵, и мы в этом с ним согласны), и тогда определения являются лишь техникой для прояснения некоего акцента. Не думать, если ты человек, в организм которого включается язык как Satz, как совокупность предложений (причем это немецкое слово многозначно — норма, правило, отстой, скачок, музыкальная фраза и др.), нельзя: «Мой образ мира не потому, что я убедил себя или меня убедили в его правильности; я не убеждал себя и не убежден, что мой образ мира правилен; он достался мне по неведомому наследству и сам служит мне фоном и основанием, на каком я отличаю истину от лжи»⁴⁶.

Бибихин считает открытием Витгенштейна то, что язык понят как часть человеческого организма⁴⁷. Полностью согласиться с ним мешает одно лишь бесповоротное удивление Августина перед способом, которым души соединяются с телами и становятся живыми, говорящими, всматривающимися, «а между тем это и есть человек», который некий опреде-

⁴⁵ Бибихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 249.

⁴⁶ Это тоже по смыслу точнейший перевод Бибихиным 94 фрагмента работы Витгенштейна «О достоверности» (там же. С. 246).

⁴⁷ Там же. С. 250.

ленный факт, двусмысленный как собственный и образный смыслы, понял как свой — новый — мир⁴⁸. Пусть у него речь идет о христианском мире, но логика мира от этого не стала иной. Это Августин впервые заговорил о том, что многие философские проблемы «не ложны, а бессмысленны», как и Витгенштейн в 4.003. И «большинство предложений и вопросов философа коренятся в нашем непонимании логики языка» (там же), которая принципиально непонимаема, как непонимаем я сам, мир, организм. И это не отменяет логическую форму мира, а ставит ее на границу понимания-непонимания, ибо она охватывает все возможное, проговариваемое и непроговариваемое, почему вся философия для Витгенштейна — это «критика языка» (4.0031).

И общее между этой логической формой и тем, что производится или воспроизводится благодаря грамматике, — правило как закон проекции. Сам же язык понимается «без его разъяснения нам» (4.02, 4.021).

Пропозициональная двусмысленность: показ и сказ

У Августина, если вспомнить, смысл молчал, и он мог быть только показан тому, кто превзошел все знаки, языки и тела. Там, где говорилось, говорили значения, то есть понятия. Здесь, у Витгенштейна, тоже говорит язык. Форма тела мысли не позволяет о себе судить (4.002). Но и мысль это не смысл. Он лежит за пределами понимания. «Я понимаю предложение без того, чтобы мне объяснили его смысл» (4.022), но предложение смысл показывает, обрисовывая, как обстоит дело. Оно говорит, что дело обстоит так. Это очевидно логическая и только логическая позиция, но сколь внимательно

⁴⁸ См., например: Аврелий Августин. О граде Божием. М., 1994. Т. IV. С. 274; т. 3. С. 265, 237.

вслушивается она в предшественницу, позицию тео-логическую. Даже логические союзы «если», «что» употребляются в схожих ситуациях. По Витгенштейну, дело обстоит так, *если* оно истинно. И дело обстоит так, *что...* В первом случае предложение *показывает*, как оно обстоит, а во втором *говорит*, что оно такое (4.022). Но и Августин, употребив выражение «умирай, чтобы не согрешить» и «преступите заповедь, если откажетесь от смерти»⁴⁹, напоминал, что в первом из двух выражений говорится, что дело будет обстоять так-то, а во втором — показывает, каким образом оно будет обстоять при определенном условии. Отличие от Витгенштейна в том, что у Августина показ и разговор принимает императивную форму.

На первый взгляд идея смысла у Витгенштейна иная, приближающаяся к идее значения, где смысл слипается со значением, ибо предложение по своей природе может сообщать *новый* смысл, передавая его старыми выражениями. У Августина смысл один, множественность, выраженная приставкой «с» (со-мысле), скорее отсылает к отношению (единства, равенства, согласия единства и равенства), значений много. Здесь — смыслов много, но реально это один и тот же смысл, переданный через... то же отношение или связь вещей, положение дел. В таком случае слово и дело, как и средневековое слово и дело, тождественны, если иметь в виду Божественное Слово и Дело, и не тождественны, если иметь в виду «мирское» слово и дело, то есть показанные, где предложение истинно, то есть слово и дело (вещь) нераздельны, и рассказанные, где предложение — только описание, отделенное от вещи. Значение от смысла отличается тем, что требует объяснения (4.026).

На деле предполагается сразу два способа понимания предложения, которое может быть в одном отношении истинным и — соответственно — показывать смысл, а в дру-

⁴⁹ Аврелий Августин. О граде Божием. М., 1994. Т. II. С. 292.

гом — рассказывать, ибо последний с этой точки не виден. Опять та самая двусмысленность. И это не перебор аспектов. Это означает, что там, где виден этот аспект, он и виден, но другой аспект никуда не исчезает. Это напоминает Псевдо-Дионисия Ареопагита, который говорил, что правильно сказать: Бог это Сила, Красота, Благо, но не менее правильно: Бог это только Сила, Бог это только Красота и Бог это только Благо, но тогда *все* остальное может рассматриваться только через Красоту, или только через Силу, или только через Благо. Это не однозначность, к которой тяготеет понятие, и не расплывающаяся относительность. Это принципиальная двусмысленность, не чурающаяся однозначности, включающая ее в себя на правах строгой выразительницы определенного фокуса рассмотрения.

На первый взгляд различие между Августином и Витгенштейном можно углядеть вот в чем: у Августина основной единицей языка является высказывание как серия предложений, направленных на понимание, а у Витгенштейна — предложение, в пределе предложение как слово. У Августина высказывание растягивается в речь, у Витгенштейна оно сжимается в единичное слово. На деле это ложное противопоставление, ибо и Августин, говоря о возможности высказывания-невывысказывания, часто направляет жест в сторону не слова даже, а интонированного вздоха, выдающего *все* высказывание.

Можно также предположить, что если Августин начинает с экзистенции, то Витгенштейн — с логики, его Satz описывает положение вещей, а не некое эмпирическое состояние. Кажется, что и это не вполне так, если допустить, а мы это допустили, что у Витгенштейна не только мир впущен в мысль и речь, но и мысль и речь — в мир. И тогда его Satz описывает (разумеется, описывает, то есть говорит знаками) не только обстоятельство логического пространства, но и само эмпирическое положение дел, в противном случае никакое Satz ни к чему не обязывает. Это ни в коем случае не

снимает различия между одним и другим, как между внутренним и внешним. Другое дело, что внутреннее здесь не только противопоставляется внешнему, но — опять же — указывает на различное направление внимания⁵⁰. Описание дано, видимо, Satz же, поскольку это — мысль, невидимо, оно всегда внутри.

И вот здесь различие. У Августина сотворенный мир — это другой мир. Он отличен от тварного, никогда им не будет, в нем никогда не будет тождества, он *навсегда* со своими словом и миром — *образ и подобие* Бога Творца. У Витгенштейна же пропозиция проникнута миром, она *всегда* он, в его всякий раз новом положении или состоянии дел (потому *всегда*, а не *навсегда*). Мир всегда в новой конфигурации. И здесь даже не важно, истинен он или нет, потому что он дается в такой и только такой конфигурации, не всегда побуждая задуматься, таков ли он или нет. Но конфигурации мира равноценны друг другу, представляя тот же самый (один и тот же) мир.

⁵⁰ В. В. Библихин полагает, что двузначность термина «описание» в 4.023d («Как описание описывает предмет по его внешним свойствам, так Satz описывает действительность по ее внутренним свойствам») проистекает «из демократического аристократизма, чтобы из своего почти без слов ясного, *показанного* смысла вернуть жизнь расхожему противопоставлению». Этим демократическим аристократизмом Витгенштейн противопоставлен Хайдеггеру, как и Витгенштейн, опирающемуся на повседневный язык. Но если Хайдеггер «выплескивает грязную воду и берет чистую, словно из шварцвальдского ключа», игнорируя «язык интеллектуальных толков», то «другой умудряется грязной водой вымыть свои вещи до чистоты» (там же. С. 260—261). Но незаметная грязь — все равно грязь, и не слишком отчетливый стиль этого тезиса — тому подтверждение, что и пытались скорректировать первые переводчики «логико-философского трактата». Описание тоже выражено предложением, потому так и остается неясным его противопоставление Satz.

Эта их равноценность ведет к странному парадоксу. В то время как предложение позволяет ходить или переходить (*vertreten* или, как скажет Витгенштейн ниже, *ambulare*) от под-лежащих к знакам (ибо знаками они выражаются), можно одно подводить к другому, то логические константы этого не позволяют. Более того, это — основная мысль Витгенштейна. Что понимается под таким противопоставлением, а соответственно, что такое «логические константы», которые он взял в кавычки? Они — то же, что синкатегоремы: глаголы, частицы, слова «весь», «всякий», «каждый», «есть», «нет», «или», «и», «если». Их противопоставление пропозиции основано на том, что у пропозиции, поскольку она — «ходячая», должно быть столько же способов для различения, сколько и у описываемого ею положения дел. Эти возможности пропозиции дает сам мир, в который входит и происходящее и не происходящее, сказанное и несказанное, и пропозиция призвана это выразить. Но различить значит выразить множественность (отличить «это» от «того»). А раз так, то — другой вывод — нечто одно нельзя выразить через нечто другое, «это» через «то». Он жаждет неложного тождества, когда «это» сводится к «тому», а истинного, чтобы «это» и было «этим». Именно потому не замечаются логические константы. Более того, кажется, что для него понимаемые «логические константы» — насмешка, он под ними понимает вообще «логику фактов» (4.0312). Математика в качестве примера нужна Витгенштейну для простоты. Ибо очень просто показать (именно показать) на примере, что $x:fx$ нельзя заменить $Alg:fx$ или $f(x_a)$, потому что в одном случае неизвестно, что обобщается, а в другом — неизвестно, к какой области относится знак всеобщности (4.0411). Отсюда ясно, что лишь пропозиция (вот эта пропозиция) — картина действительности, и это новый логический круг Витгенштейна, сделанный в обратную сторону. В «ту» сторону: мир — факт — действительность — картина — мысль — пропозиция. В обратную: то же в обратном порядке. Как предло-

жение выражает картину действительности? Оно может изображать ее истинно, если элементы предложения соответствуют под-лежащим мысли, и ложно, поскольку «предложение имеет смысл независимо от факта» (4.061), хотя, как ни крути, оно сопоставлено с действительностью. Но коль скоро оно не зависимо от факта, то что ложного в этой ложности? В свое время Бозэций говорил, что мысль сама по себе может быть правильной, если она не сопряжена с существованием вещей. «Если под «р» имеется в виду $\sim p$, и дело обстоит так, как имеется в виду, то «р» в таком новом его понимании истинно, а не ложно... Им соответствует одна и та же действительность» (4.062—4.0621). А самого $\sim p$, как чуть ниже скажет Витгенштейн, понятого как отрицание, как чистое и полное отрицание, не существует.

Здесь, однако, возникает нечто новое. Говоря об истинности, Витгенштейн не может миновать идею смысла. Мы помним, что мысль — это осмысленное предложение. Но что в предложении выражает смысл? Имя? Разумеется нет. Оно обозначает подлежащее-подкладку, оно — ее что. А смысл выражается в предложении внутренней организацией, взаиморасположением элементов. Здесь важны и эта подкладка, и путь к ней. Путь уже предполагает глагол, действие. Выясняя обстоятельства, при которых «р» истинно или ложно, «я тем самым определяю смысл предложения». Но когда я говорю: «р» является истинным или ложным, то не выражение «является истинным» или «является ложным» есть глагол предложения, как полагал Фреге, ибо «то, что “является истинным”, уже являет глагол» (4.063). Глагол помещен внутрь мысли, внутрь действительности, мира, факта, картины, предложения. Это даже не часть речи, хотя и часть речи, это прежде всего сама органика, способность к выражению и соответственно предложению.

Мы не встречали у комментаторов анализа этой глагольности. А между тем именно потому, что она высказана как бы между прочим, это чрезвычайно емкое высказывание,

обнаруживающее внутренние интенции, энергию высказывания, без которых оно не существует.

Если у Августина любое имя глаголит, а глагол именуется, то здесь подчас невыраженная глагольность превыше всего. Где еще Витгенштейн говорит о глаголе? Нигде. Он как будто забыл. Но — «философия — не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений... Мысли, туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» (4.112). Сама философия — это и есть глаголение, но не пустое, а определяющее границы мыслимого и немислимого. Определение, однако, вовсе не означает говорение, все, что может быть сказано, — принадлежность естествознания, естественных наук, «чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделал значением определенные знаки своих предложений... Лишь такой метод был бы безусловно правильным» (6.53). У Августина такое определяющее положение занимала теология. Философия, под которой, разумеется, понималась платоновско-аристотелевская философия, не обладала такой ясностью — лишь способностью к родо-видовым определениям, которые он, как и Витгенштейн, считал ментальным туманом. «Выход из себя» у Августина, описанный в «Исповеди», на деле есть освобождение от психологии. Странно, что его считают едва ли не основоположником ее. Выход в теологическое пространство (главы XI—XIII, которые иногда считают теологическим довеском), когда Августин словно бы присутствует при творении мира, на деле и есть очерчивание границы ясности, благодати, истинности, абсолютной определенности в беспредельности, вечности, пресуществленности, утвердительности: и твердь создается не случайно. И он ис-подволь ис-поведует в том трудно-труднейшем деле достижения возможности такого очерчивания, отчего известные ему понятия стали туманными, но зато прояснились основания мира. Он достиг

состояния ведомости, что такое время, не давая определения времени, носящего характер условности и недостоверности.

Витгенштейн же фактически выводит именно философию в область мистического, оставляя область наглядно выразимого естествознанию. Сама же она — «под или над, но не рядом с естествознанием» (4.111). Поэтому в логическом круге Витгенштейна нет ничего страшного, он обязан быть границей ясности-неясности, отчетливости-безотчетности. Если и говорить об определении, то только в этом смысле: очерченности поля действия, призванного «жечь глаголом», за пределами которой истинная философия должна *замолкать*, ибо «она дает понять, что не может быть сказано, ясно представляя, что может быть сказано» (4.115). Поэтому предложение может изобразить все, кроме логической формы, ибо, чтобы ее выразить, нужно выйти «за пределы логики, то есть за пределы мира» (4.12). Язык фактом своего существования, органично пропитав собою весь состав человека, уже тем самым выражает или обнаруживает то, что мы хотим выразить или обнаружить, использовать его уже только как инструмент мы не можем. Отсюда кажущиеся противоречия, заборматывания, оксюмороны.

В этом смысле Витгенштейн под логической формой понимает нечто совсем иное. Это не те определения, понятия и суждения, которыми обыкновенно пользуются, логики в том числе. Логическая форма у него вообще невыразима. Предложение может выражать действительность во всем ее объеме, но не логическую форму, общую у него с действительностью, потому что она — за пределами выразимости. «Чтобы иметь возможность изображать логическую форму, мы должны были бы обладать способностью вместе с предложением выходить за пределы логики, то есть за пределы мира» (4.12). То есть за пределы самих себя, а между тем это именно то, чего мы жаждем. Об этом писал Августин, выйдя из себя, оказавшись тем самым при начале творения. Предложение — зеркало этой логической формы, пытающейся выра-

зиться в языке, который, будучи косноязычным, не в состоянии этого сделать полностью. Зеркало — это метафора самого Витгенштейна, который считал, что всеобъемлющая, отражающая мир логика пользуется всевозможными закорючками и манипуляциями «благодаря тому, что все они соединяются в бесконечную тонкую сеть, образуя как бы большое зеркало» (5.511). Потому, как и в средневековье, мы оказываемся в ситуации «лучше—хуже», «яснее—темнее». Чем лучше знаковый язык, тем правильнее наше логическое понимание. И только в этом определенном смысле можно говорить о формальных свойствах подлежащих и соответственно о формальных внутренних отношениях (4.122).

И здесь вновь обнаруживается глобальное расхождение Витгенштейна с современной ему логикой. Для последней — как раз наоборот — свойственно считать логическими формами высказанные в пропозициях понятия и определения. Витгенштейн же полагает, что истинные отношения и понятия — невыразимы. Он затрудняется высказать, как именно их можно было бы они выразить. Но то, что не предложением, — уверен. «Существование внутреннего свойства возможного положения дел выражается не предложением, а иначе (здесь и начинается затруднение. — *Авт.*): посредством некоего (?) внутреннего свойства предложения, изображающего эту ситуацию» (4.124). Но и это было бы уже выходом в то логическое (раньше сказали бы — внелогическое) пространство, лежащее за пределами мира. А об этом нечего сказать.

Подобного рода непонимание ведет к «столь распространенному среди философов смешению внутренних отношений и отношений в собственном смысле слова ([то есть] внешних)» (4.122) и «к смешению формальных понятий с понятиями в собственном смысле слова (читай в параллель к предыдущему выражению: внешних понятий. — *Авт.*) — смешение, пронизывающее всю старую логику» (курсив наш. — *Авт.*).

Это прямые безобиняковые слова. То, о чем Августин говорил резко, Боэций иронически, считая, что «внешние», для него родо-видовые, понятия суть дело человеческого установления, выражающего статусы вещи, даже не говоря о степени точности этих статусов, Витгенштейн утверждает буквально, при этом не релятивизируя статусность, а — напротив — четко ее фиксируя: «Формальные понятия, в отличие от понятий в собственном смысле слова, не поддаются изображению посредством функций... Выражение формального свойства есть черта определенных символов... выражение формального понятия — переменная предложения... Переменная предложения обозначает формальное понятие, а ее значения — объекты, подпадающие под это понятие» (4.126, 4.127). Понятия в собственном смысле передаются переменной и связаны со значением, «переменная есть знак формального понятия, ибо каждая переменная изображает постоянную форму» (4.1271).

Смысл различения понятия и понятия, формальных и внешних понятий в том, чтобы показать, что в обыденном, «переменном» языке двусмысленные слова (и в этом суть слова) часто не сводятся к неосмысленной однозначности и одно значение с легкостью принимается за другое. Здесь мы снова сталкиваемся с двусмысленностью слова *Gegenstand*. Но на это уже обращаем внимание не мы, а сам Витгенштейн. Это слово легко можно понять и перевести только как «объект», «предмет», «вещь». В тех случаях, где так понятие *Gegenstand* употребляется правильно, то есть означает именно какую-нибудь материальную, имеющую количественные измерения вещь, оно выражается переменным именем, и о таких вещах можно сказать: «имеются 2 объекта». В таком случае «объект» будет «псевдопонятием», который будет обозначен переменным именем «*x*». Но *Gegenstand* может означать и нечто совсем другое, то, что выше мы назвали логическими единицами, истинными понятиями, праэлементами, валентными местами, возможностями, которые могут

реализоваться в вещах, данными созерцанию с помощью вещей и языка и обладающими напряжением (нужно только нажать на клавишу, чтобы возможность стала реальностью). Как говорит Витгенштейн, «повсюду же, где слово *Gegenstand* употребляется иначе, то есть как *подлинное понятийное слово* (курсив наш. — Авт.), всякий раз возникают бессмысленные псевдопредложения» (4.1272). Выражаемые переменными, они не функции и не классы, как то следует из Рассела или Фреге. Они — формальное понятие и реализованная вещь — даны *вместе*. В этой их совместности — исток двусмысленности, а заодно и исток ошибки, состоящей в том, что в качестве исходных понятий зачастую вводятся и объекты формальных понятий и само формальное понятие. Особенно четко эта двусмысленность выражена Витгенштейном в его анализе тавтологических и противоречивых предложений, то есть когда предложение истинно для всех истинностных возможностей элементарных предложений и когда предложение ложно для всех истинностных возможностей. Тавтология и противоречие, как считает Витгенштейн, бессмысленны («как точка, из которой две стрелки расходятся в противоположных направлениях») и в то же время осмысленны, поскольку «принадлежат символической, подобно тому как «0» принадлежит символической арифметике» (4.461–4.4611). Различить их разные положения — в этом основа логического анализа, о чем говорил в свое время еще Боэций, уверявший, что можно мыслить правильно, но эта мысль может не соответствовать вещи, если не проведены соответствующие процедуры, удостоверяющие существование вещи и позволяющие отождествить высказывание о вещи с ее статусом. Это ему вторит Витгенштейн, говоря: «Смысл предложения — его соответствие и несоответствие возможностям существования и не-существования положений дел» (4.2).

Всеобщность в такой противной Витгенштейну логике, «силящаяся» выразить власть над именами, на деле псевдо-власть, хотя в качестве таковой она выражена предложени-

ем-формой («общее предложение-форма — переменная», 4.53). Она, однако, прямое указание на то, что нечто истинно всеобщее есть за пределами вещи. Общее не отсутствует, оно не выразимо средствами языка, но оно выразимо в том, что он называет «употребление», «положение вещей», и в этом смысле оно безусловно концептуально. Впрочем, иногда это общее вырывается в ситуациях, совершенно, казалось бы, «алогичных». «Чутко вслушиваясь в крик ребенка, узнаешь в нем иные, страшные дремлющие психические силы, отличные от тех, что обычно предполагаются в детях, — затаенную ярость, боль и страсть к разрушению», — писал Витгенштейн в работе «Культура и ценность»⁵¹. Он говорит о точке зрения Фрейда, что тревога всегда есть повторение некоторого пути той тревоги, которую мы ощущали при рождении. Это, как размышляет Витгенштейн, не доказательство, провоцирующее на мифологические объяснения и говорящее, что все повторяется, ибо воспоминания не доказательство. На определенной стадии они не помогают анализу. Но «в любом случае они показывают, что тревога была повторением некой прежней фундаментальной тревоги»⁵². Эта же фундаментальность или эта всеобщность говорит в любом предложении: его общая форма существует, она свидетельствует, что «дело обстоит так-то» (4.5), и тот смысл, который скрыт миром, не есть в этой форме, но ею выражен, не тождествен ей, но отождествлен с нею. Этот смысл, этот фундамент потому и общи, что они отождествлены с любым предложением. Отождествление — не тождество, логика действительна до всякой экзистенции, и во всякой экзистенции благодаря складывающемуся положению дел, показывая способ своего присутствия в мире. И дело не в том даже, что, «хотя внутри логики все условно, однажды условившись, она может дер-

⁵¹ Витгенштейн Л. Культура и ценность. С. 414.

⁵² Витгенштейн Л. Беседы о Фрейде // Витгенштейн Л. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. С. 78, 79.

жаться этого безусловно»⁵³. Это не более чем кунштюк: раз и навсегда держаться принятого. Не в этом всеобщность логики. Как и не в том, что она тождественна бытию.

Такая возможность и есть общая форма, константа, общее предложение-форма, задать которую означает задать все описание мира и суть мира. Это действительно та логика, которая «должна заботиться о себе сама». Это скорее концепция самодетерминации. Мистическая — да, но кто сказал, что мистика, таинственность относится только к религиозности. Разум призван думать там, где еще ничего нет, и он обязан назвать это «то, чего нет». Название «мистическое» не хуже любого другого. А вот будет ли это логика? Кажется, что «Логико-философский трактат» можно понять как движение от логики как таковой (включая логику предикатов, вероятностную и др., упоминаемые Витгенштейном) к философии, к началу философии, которая есть «философия как логика». Логика здесь не орудие и часть философии, а сама философия. И это происходит потому, что человек, Я изначально органически пропитан мыслью, словом, слагающимся в предложение, и оно не исходит из опыта, оно просто есть, «но это как раз не является опытом» (5.552). И потому, в отличие от средневековой логики, здесь не исходят сначала из экзистенции (сотворение человека из праха земного), а потом в нее вкладываются логические начала (вдохнул дыхание жизни). Здесь логика и жизнь одно, они расщепимы только на аспекты видения, в целом это открытый мир, включающий в себя «все, что происходит, и все, что не происходит». Я сам и есть такое единство, такое тождество и такая нетождественность самому себе. Поэтому закон здесь — скорее закон-тенденция, он «неприменим к самому себе» (6.123), не зависит от воли (6.373), нельзя указать на его причину, как нельзя его индуцировать, поскольку он уже есть.

⁵³ Библихин В. В. «Логико-философский трактат» Витгенштейна. С. 285.

Все другое, называемое законом, называется так на основании уже развернутой осмысленной формы предложения. И степень их истинности зависит от величины раскинутых ими сетей из «ячеек разной формы». Это законы науки. Они «имеют дело с сетью, а не с тем, что эта сеть описывает» (6.35). Но закон-тенденция действительно трансцендентен. Все, что происходит и не происходит, происходит не по причине, а случайно, если понимать под «случайно» действительную случку, зачатие жизни и мира, заполненного логикой, что может быть названо концептом. Методом так понимаемой логики естественно является математика, работающая с уравнениями с помощью подстановки (6.234—6.24). Но это не абстрактная математика, и даже не неподвижное единство материи и формы, как это было у Бозция. Она — и в этом мы согласны с Бибихиным — разворачивает из себя движение каких-то объемов специфического пространства, как-то уловляемых формулами и обозначениями. Потому «в мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит». Это не формула безысходности. Это мощная формула утверждения.

Языковые игры

Что же нового и иного несут «Философские исследования»? Прежде всего идею языковых игр, в которых «явления языка» изучаются в примитивных формах его употребления, где четко прослеживается назначение слов и то, как они функционируют. Языковая игра — это «язык и действия, с которыми он переплетен»⁵⁴.

Здесь важно обратить внимание именно на «действия», которые снова возвращают нас к глагольности, о чем будто

⁵⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы (Часть 1). М., 1994. С. 83.

вскользь упоминалось в «Логико-философском трактате». Действиям посвящены «Философские исследования» напрямую. Обучение языку возможно не в объяснении, а в тренировке. А что же такое тренировка, как не действия? Это новое видение — язык и действие. Глагольность слова, о чем столь выразительно было написано Августином в диалоге «Об учителе», до этого замечена не была. Витгенштейн же прямо начинает свой анализ с Августина (правда, Августина «Исповеди»), считая его обучение языку ребенка указательным разъяснением, одним из видов языковых игр.

Впрочем, к концу «Логико-философского трактата» концепция значения слов уже рябилась. Его занимает не то, что слова имеют значения, а способ, каким они их получают. Этим способом и является употребление, использование слов всякий раз определенным образом. Он подробно, до мелочей рассматривает возможности произнесения слов, в форме ли приказа, просьбы, донесения, показывая способы удлинения или сжимания предложения до указательного местоимения, одного слова или просто жеста, до степени осознания предложения говорящим и слушающим, степени эллиптичности предложения, возможности выражения приказа через форму и тональность риторического вопроса или предвидения. Витгенштейн обнаруживает богатейшие эвристические возможности идеи применения, соответственно вменения и вменяемости языка, приобретающих форму игры (чем иным является сама способность выразить приказ, то есть безоговорочное утверждение, в форме вопроса или предположения («а не сделать ли нам...?»)).

О типах предложения, о бесконечном множестве этих типов в «Философских исследованиях» говорится без обиняков, но сам перечень свидетельствует не только о языковой текучести, но и о возможности сворачивания в жесткую определенность в игре. И здесь второе отступление от «Логико-философского трактата», где речь шла о структуре языка в противовес его постоянной оксюморонной игровой

перестройке, заявленной «Философскими исследованиями». И третье: игра ориентирована на *разговор*, на пару «говорящий-слушающий», а не на сказывание себя и от себя. Такая игра, которая всегда к тому же и иронична, исключает солипсизм.

Фон («Логико-философский трактат») и игры на этом фоне напоминают вполне обыденную ситуацию, когда на один текст («Логико-философский трактат»), имеющий классическое музыкальное воплощение, пишется несколько мелодий, то есть предлагается несколько семантических решений: фольклорное, водевильное, балладное, джазовое, попсовое и пр. (различные игровые варианты). При этом невозможно сказать, какое исполнение правильно. Так что «ошибочность» Витгенштейнова «Трактата» по большому счету состоит в том, что он в нем *настаивает* на одном решении при наличии многих.

Витгенштейн делает акцент на феномене возможности быстрых смен состояний сознания. Употребление слов — это именно *употребление в данный момент*, актуализующее определенную возможность, коренящуюся в языке как части организма человека. Употребление будет зависеть от наших предпочтений группировать слова по типам и от цели классификации. Более того, это употребление не просто сродни *воплощению* слова, но показывает способы воплощения, ибо подразумевает разные интенции, модуляции голоса, изменения в тембре, акцентуацию, мускульное, физическое напряжение бровей и лба, жестикуляцию, напряжение, расслабление, облегчение, натянутость и прочие способы выразительности, как температура и время произнесения⁵⁵. Более того, все эти способы необходимо включены не в обучение употреблению, а в само употребление. И дело здесь не только в признании, скажем, двух значений слова и объяснении их, а в нашем

⁵⁵ См.: Витгенштейн Л. Коричневая книга. М., 1999. С. 41, 47, 76, 88, 104–105.

поведении, которое является нашим единственным критерием правильно исполняемой ситуации — этика, молчаливо присутствующая в «Трактате», здесь обнаруживается недвусмысленно. Речевые, физиологические, психические и прочие функции сплавляются в едином акте — акте зачатия и произведения игры. Это, разумеется, произведение не понятия, а понимания, захватывающего всего человека. Это то, что, на наш взгляд, и есть концепт, чему Витгенштейн мучительно ищет имя, скопом называя «способами выразительности»⁵⁶.

Зачатие — разовый акт. Нельзя постоянно зачинать. При этом, как говорит Витгенштейн, «никто и не подумает» назвать интонацию, выражения лица или жесты «элементами мышления»⁵⁷, в то время как «понятие» связано с мышлением обязательно. Концепт — то общее в вещи, в данном случае в игре, что можно описать как схватку, сцепление чего-то разного в одно. Это и есть положение вещи как связь взаимосостояний (слов и вещей). Состояние вещи «подразумевается», «полагается», «обладает интенцией». Причем все это соотносится «с определенными действиями, состояниями сознания, характерными при определенных обстоятельствах»⁵⁸.

Никто в игре не «заставляет нас использовать правило так, как мы его используем», то есть снова нет никакой причины следовать правилу так, как мы ему следуем⁵⁹. Витгенштейн, как и в «Трактате», отменяет обязательную причинность и обязательную всеобщность типа: если этот человек есть, он обязательно разумное смертное животное или он обязательно — образ и подобие Бога, потому что, как правило, это недоказуемо и непоказуемо. То, что можно показать, это

⁵⁶ Там же. С. 105.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 103–104.

⁵⁹ Там же. С. 97.

ближайшее употребление чего-то, что никто вообще не *заставляет* рассматривать, и нет никакой *причины* его рассматривать.

Такой концептуалистский взгляд не отменяют, на первый взгляд, номиналистские высказывания Витгенштейна типа: «Занимаясь философией, часто бывает полезно напоминать себе: наименование чего-то подобно прикреплению ярлыка к вещи»⁶⁰. Потому что это действительно только на «первый взгляд». Ибо уже на второй становится очевидно иное: когда мы называем вещи и в беседе говорим о них, мы это делаем так, будто «в акте наименования уже было заложено то, что мы делаем в дальнейшем»⁶¹. «Логико-философский трактат» учит, что смысл вещи показывается, а сказываются лишь знаки. Номинализм необходим как способ выведения вещи из потаенности в открытость, не все обнаруживающий в ней. Мы приложили знак, не осмыслив всего его значения, которое не обязано быть осознанным. По сути, такая импликация имени вещи является *обращением* к ней, и еще вопрос, правильный ли ответ мы услышим или усмотрим. Тема имени при таком раскладе начинает звучать вовсе не традиционно.

Витгенштейн, как мы помним, разделил философский метод на высказывания науки и мистическое молчание. Первые имеют дело с языком в действии, то есть с языковыми играми. В них именем называются самые разные вещи (знаки, образы вещи и т. п. — все, кроме *указательного местоимения «это»*). Здесь и важна идея употребления слова. Самые простые имена — это имена, или, что то же, — обозначения неких праэлементов (индивидуалий Рассела, Gegenstände Витгенштейна). Праэлемент владеет только своим именем, и ничем другим. Про него нельзя сказать ни чем он является, ни чем не является. Витгенштейн здесь

⁶⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 85.

⁶¹ Там же. С. 91.

опирается на высказывание об этом Сократа в «Теэтете». Простота сохраняется в состоянии бездействия (праздности). Любое сочетание праэлементов сложно, комбинация их имен составляет язык описания, ибо языковая сущность — сочетание имен⁶².

Мистическое возникает тогда, когда «язык *пребывает* в *праздности*. Вот тут-то и в самом деле можно вообразить, будто именование представляет собой какой-то удивительный душевный акт, как бы крещение объекта». Оно признано «таинственным процессом. Именование кажется какой-то *необычной* связью слова с объектом»⁶³. Только в случае праздности языка возникает употребление в качестве имени указательного местоимения «это» — здесь нет действия именованного, и «это» является заместителем имени. Здесь вещи не придается никакого значения. Указующее «это» не может остаться без носителя, приобретая статус как бы имени, именем не являясь.

Действенное и праздное — два разных способа жизни языка, тесно переплетенных между собой, задающих двусмысленность вещи, причем в очень жестком, чтобы не сказать однозначном, раскладе. Между этими способами языковой жизни существует такое напряжение, которое способствует перетеканию энергии из одного в другой, создающее трудности при анализе имени вещи, меняющее физиономию логики. Ибо для того, чтобы осуществилась языковая игра, мало сказать, что в ней сознательный психический акт не является единственным критерием ее правильности. Можно случайно нажать на клавишу, но при этом возникнет именно тот звук, для выражения которого она предназначена. Но конфигурации, положения вещей, которые только и делают игру *этой самой* игрой, могут получаться только при сознании.

⁶² Там же. С. 100.

⁶³ Там же. С. 97.

Ход здесь, как видим, тот же самый, что при анализе Gegenstand. Начало языковой игры уже содержит все свои возможности, уже полагает все значения внутри себя, делая взаимоинтенциональными акт обозначения и его результат — значение. «Каждое предложение, которое я пишу, всегда уже предполагает некую целостность, то есть всегда заведомо говорит о том же самом, и рассматриваются, как бы под разным углом зрения, лишь аспекты единого под-лежащего... Ведь место, куда мне действительно следует стремиться, должно быть тем местом, которое я уже занимаю»⁶⁴.

Но поскольку любое предложение есть целостность и в другой языковой игре, то что является общей формой предложения и языка? Акцент на единичности и нетождественности игр упирается в ту наблюдаемую очевидность, что игры родственны (игра в карты, с мячом, на доске и пр.). При их рассмотрении не обнаруживается общего, присущего всем, но обнаруживаются родственные черты, появляющиеся в одних случаях и исчезающие в других, — эти сходства и подобия Витгенштейн называет семейными сходствами.

Предложение способно говорить не о том, что есть вещь, но как она есть. Ибо ни предложением, ни именами еще не все определено — они лишь проекция, лишь возможность.

Но здесь-то Витгенштейн и обнаружил смысл нашего вопроса, заметив, что эта возможность может тяготеть к определению. «Ведь обозначение общего содержит некий тип, образец». Уплотнение символа комплекса можно выразить определением, смысл которого не в показе положенного, а в указании пути к нему. Это уже требует толкования, которое возможно при условии, что значения знаков не просто известны — они обретают значение в контексте предложения. Этот-то контекст, основанный на употреблении, и высвечивает смысл. Здесь-то и можно обнаружить те самые «семей-

⁶⁴ Витгенштейн Л. Культура и ценность. С. 419.

ные сходства», потому что то общее, что могут иметь друг с другом предложения, существенно именно для понимания смысла.

Однако это предполагает некую общую форму предложений, в которой выражение будет постоянным, остальное — переменным. Переменное — те значения предложения, которые образуют выражение, но его логическая форма зависит не от значения переменных или их заместителей, а от природы предложений (от предданностей, предстояний, установленных положений, которые образуют субстанцию мира). Поэтому переменная — это установление (Festsetzung) значений или на(в)хождение тех значений, которые соответствовали бы (были бы заложены в) характеру предданностей (положенностей), ибо ни одно положение немыслимо вне его сочетаний с другими.

Само существование такой формы связи в предложении, как определения, которые одно «это» отождествляют с «тем», является демонстрацией того, как возможная знаковая система особого типа способна выявлять общее. Определения в таком случае суть правила перевода с одного языка на другой. И это общее для всех языков, которое схоже с предопределением, но им не является. Как пишет Витгенштейн, это нахождение логической формы, которая полностью отвергает омонимию. Когда Витгенштейн пишет, что «одно и то же слово осуществляет обозначение по-разному» или «два слова, обозначающие по-разному, внешне употребляются в предложении одинаково», то он некоторым образом решает проблему, которой занят был Оккам, лишивший предложение омонимических связей. Проблема с осмыслением одного и того же в двух разных смыслах была проблемой средневековья, которую заново открывает и переформулирует Витгенштейн, делая акцент на осмысленное употребление слов. Если знак не используют, говорит он, он не имеет значения — и в этом смысл принципа Оккама. Знак сам по себе не говорит о значении. Предложение-знак не говорит о себе самом.

Знак лишь описывает, он не обращается к значению. Функция не может быть аргументом потому, что знак функции содержит образец ее аргумента, а этот образец не может включать сам себя — это явно антирасселовский выпад, связанный с его знаменитым парадоксом брадобрея.

Средневековая идея схватывания неопределяемого оказалась захватывающей и для Витгенштейна, но роль концепта у него выполняет употребление, которое схватывает все. Жизнь знака — это его употребление. И предмет не сосуществует со знаком в употреблении, употребление и означает знак⁶⁵. Но не только из употребления, а и из системы предпочтений, готовящих употребление. Употребив «это» в предложении, пишет Витгенштейн, можно подумать (рассмотреть его), что оно — член предложения, а на деле оно то же, что цвет, оно — образец того, что должен сказать другой. Поэтому его употребление будет зависеть от нашего предпочтения, от цели, которую преследует рассматривающий или говорящий, и от его вариативных способностей, что предполагает способность всегда иметь в виду разное и по-разному направлять внимание. Такие способности позволяют обыгрывать множество различных, многообразно родственных между собой способов употребления слова. Возможность сказать «это — это» связана с пониманием именованного как таинственного процесса, поскольку между словом и предметом возникает необычная связь. Вот тут-то и можно вообразить, считает Витгенштейн, будто именование представляет собой какой-то удивительный душевный акт, своего рода крещение объекта, а это и есть средневеково понятый концепт.

Очевидно, что общее у Витгенштейна не имеет ничего общего с родо-видовыми понятиями, его общее — то нейтральное общее, которое выражает правильность, логическую необходимость мира. Но это — общее, не похороненное за единичным. Напротив, оно показывает возможность родства,

⁶⁵ Витгенштейн Л. Голубая книга. С. 14.

позволяющую его открыть. Не «должно» быть общего, но «присмотрись», почти просит он, нет ли родственного⁶⁶. Родство, похожесть замечаешь. Это образует сложную сеть подобий, накладывающихся и переплетающихся сходств, в то время как другие исчезают, что и есть «семейные сходства».

Эти общие сходства предполагают, что игра — понятие, границы которого расплывчаты.

Сама предположенность такой расплывчатости означает вступление Витгенштейна в философию, в которой описание предпочитается любому определению. Ибо часто философию определяют как мышление понятиями, а понятие с расплывчатыми границами может ли быть понятием вообще? Вот мука Витгенштейна⁶⁷. Всегда ли целесообразно нечеткое заменять четким? Разве неотчетливое часто не является как раз тем, что нам нужно? — это и есть область общего, сквозь которую проглядывают семейные черты.

Всеобщее может быть схемой, но от способа применения зависит, останется ли некий образец просто схемой или становится чем-то очень определенным. Так, образец листа может остаться схемой листа или «образцом чисто зеленого цвета»⁶⁸.

Современный автобан, например в Германии, дает представление о том, что имеет в виду Витгенштейн. Кто ездил по нему, тот в полной мере это осознал. Неверное применение одной из полос, неправильное прочтение шилды или прочтение не вовремя порождает риск захватить в Мюнхен вместо Кельна. Без применения автобан — просто схема, и ничего более. Ибо схема требует осознанного применения как образец всех листьев и как образец всего зеленого. И это разное видение: как конкретного листа — и как всякого листа. И разное применение. Понятие игры эквивалентно

⁶⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 1994. С. 111.

⁶⁷ Там же. С. 113.

⁶⁸ Там же. С. 114.

несформулированному определению, в котором я признаю выражение моего знания. Мои границы не тождественны твоим. В таком случае мое понятие не тождественно твоему, но родственно ему. Степень возможного сходства зависит от степени неопределенности последнего⁶⁹.

Философию Витгенштейна отличает, по его собственному осмыслению, направленность не на поэтическое, а на конкретное, как раз на непоэтичность — туда, где вещи явлены непосредственно. «Я думал над своей работой по философии и приговаривал: “Я разрушаю, разрушаю, разрушаю, разрушаю”»⁷⁰. На деле — производил расчистку для открытия мира, не проходя мимо «тех мест, где скрыты трудности», мимо которых проходит, как он пишет, «неискушенный»⁷¹.

ЛЬВОВСКО-ВАРШАВСКАЯ ШКОЛА

Львовско-Варшавская школа — объединение логиков и математиков, которые в 1920–1930-е годы интенсивно занимались проблемами обоснования математики, логико-методологическими проблемами анализа научного языка, семантикой, металогики и теорией сознания. В ее состав входила Варшавская школа логиков — Я. Лукасевич, С. Лесьневский, А. Тарский, С. Яськовский и др. Основная тематика этой группы — проблемы символической логики и металогики. Во Львовском университете сформировалась другая группа вокруг К. Твардовского. В нее входили Т. Котарбинский и К. Айдукевич и их ученики — И. Домбская, Х. Мельберг, А. Вундхайлер, Э. Познаньский и др. Всего к Львовско-Варшавской школе принадлежало около восьмидесяти человек, составивших славу аналитической философии и методологии науки в Польше. В 1911 году К. Твардовский организует журнал «Рух филозофичны». Он заметил в своей «Автобиографии»: «Во Львовском университете родилось новое направление философской мысли Польши, и я могу утверждать, что теперь возможно говорить о Львовской школе в польской философии. Главной отличительной чертой этой школы является ее отношение к области формально-методической, и состоит оно в стремлении к максимальной точности и ясно-

⁶⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 1994. С. 115.

⁷⁰ Там же. С. 431.

⁷¹ Там же. С. 438.

сти мышления и его выражения, в требовании всестороннего и исчерпывающего обоснования, в строгости доказательства»¹. Датой рождения этой школы можно считать 15 ноября 1895 года — начало лекционного курса К. Твардовского или же зимний семестр 1897—1898 годов, когда начал действовать университетский философский семинар. Столетье этой школы было отмечено 15 ноября 1995 года заседаниями международной конференции в Варшаве и Львове.

Интенциональный концептуализм Казимежа Твардовского

В отличие от логически не проясненных и иррациональных направлений, ставших модными на рубеже веков, например философии жизни, Твардовский всегда стремился к ясности и точности философского мышления. В 1919—1920 годах он писал: ясность мысли и ясность стиля идут рука об руку до такой степени, что «тот, кто ясно мыслит, тот так же бы ясно и писал, а об авторе, пишущем неясно, следовало бы полагать, что он не умеет ясно мыслить»². Его ориентация на точность и ясность философской мысли совпадала с линией на построение философии как строгой науки, представленной, в частности, феноменологией Гуссерля. Более того, совпадал и целый ряд их подходов при анализе познавательных феноменов, прежде всего различение акта и содержания акта, интенционального предмета и интенционального акта и др. Совпадали и философские источники их идей — концепции Б. Больцано, Ф. Brentano и А. Мейнонга. Твардовский был одним из

¹ Твардовский К. Автобиография // Логико-философские и психологические исследования. М., 1997. С. 31.

² Твардовский К. О ясном и неясном философском стиле // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 12.

первых философов, кто обратил внимание на значимость проблем языка для анализа мышления: «Человеческий же язык не является системой условных знаков, и прежде всего он не является только внешним выражением мысли, но является и ее орудием, единственно делающим для нас возможным абстрактное мышление»³. И этот поворот к языку как орудию мысли задал способ и область тематизации логико-методологических проблем в Львовско-Варшавской школе, ту перспективу, в которой рассматривались проблемы языка — структуры смысла и значения, формируемые мыслью. Смысловые структуры, их своеобразие и формы можно анализировать лишь на материале языковых выражений, лишь обращаясь к своеобразным формам языковых выражений.

Вслед за Мейнонгом и Brentano Твардовский проводит различие между актом представления и содержанием представления, а содержание представления отличает от того, на что этот акт направлен, — от интенционального или имманентного предмета представления. Аналогично анализируется и суждение — в нем вычленяются акты суждения, содержание и предмет суждения. Представление и суждение различны по способу интенциональной соотнесенности с предметом: «представление и суждение являются двумя резко обособленными классами психических феноменов без лежащих между ними переходных форм»⁴. Предметом суждения является то, что утверждается или отрицается в суждении: «под содержанием суждения следует понимать существование предмета, о чем и идет речь в каждом суждении. Ведь тот, кто совершает суждение, тот утверждает нечто о существовании предмета. Признавая или отбрасывая его, он признает также и его существование»⁵. Поэтому столь велик

³ Там же. С. 12.

⁴ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. С. 44.

⁵ Там же. С. 45.

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ ПОППЕРА

Карл Поппер в «Ницете историцизма» называет проблему универсалий «одной из старейших и наиболее фундаментальных проблем философии»¹. Она характеризует статус терминов, которые обозначают качества, классы, подклассы и т. д. Ее истоки — в философии Платона и Аристотеля. Она интерпретируется как метафизическая проблема, но ее можно переформулировать как проблему научного метода. В этом он и усматривает свою задачу. В любой науке употребляются универсальные и единичные термины. Если единичные термины являются или именами собственными, которые обозначают определенную реальность, или именами с определенными пространственно-временными координатами, которые сопровождаются остенсивными указаниями, статус универсальных терминов иной. И уже в определении их статуса становится очевидной оригинальность позиции К. Поппера.

Эта позиция оригинальна и в трактовке статуса универсалий, и в понимании возможности различения эмпирического и теоретического языков, и в трактовке законов

то есть фактическое и интенциональное существование и несуществование.

С этих позиций Твардовский специально обсуждает проблему предметов общих представлений и подвергает критике взгляды, согласно которым общие представления суть суммарная формула конечного или бесконечного ряда единичных представлений. Он не приемлет позицию, согласно которой в общих представлениях существует то, что общее предметам всех единичных представлений, то есть к составным частям единичных представлений добавляется некоторый признак — общность составных частей представлений. Его позиция выражена в словах: «Мы вынуждены признать предмет общего представления отличным от предмета любого подчиненного ему единичного представления»⁷. Составные части предмета представления составляют единое целое: «Предмет общего представления как раз и есть часть предмета подчиненного ему представления, который находится к определенным частям предмета других единичных представлений в отношении тождества»⁸. Общее представление ненаглядно, а его предмет отличается от предмета единичных представлений, хотя нередко названия их совпадают. «Между единичными предметами и по отношению к ним вышестоящими общими предметами наличествует всегда одно и то же отношение подчиненности, соответственно вышестояния (Überordnung), отношение, которое в конечном счете следует свести к тому, что общий предмет образует определенным образом метафизическую составную часть (курсив наш. — Авт.) подчиненных ему составных частей»⁹. «Все, что есть, есть предмет возможного представления; все, что есть, есть нечто. И именно здесь находится та точка, в которой психологическое рассуждение относительно различия между пред-

¹ Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.

⁷ Там же. С. 147.

⁸ Там же. С. 148.

⁹ Там же. С. 153.

метом представления и содержанием представления переходит в метафизику»¹⁰. В другом месте он замечает, что предметы бывают реальными и нереальными, возможными и невозможными. Общим для всех них является то, что они могут быть или же являются объектом (не интенциональным) психического акта, что их языковым обозначением является название (в вышеизложенном смысле) и что они, рассматриваемые как род, образуют *summius genus* и находят свое языковое выражение в названии «нечто». Общим представлениям соответствует один предмет, отличный от единичных предметов, а содержание как нечто имманентное в интенциональной соотнесенности с предметом есть коррелят метафизического объекта, независимого от психического акта.

Гуссерль во 2-м томе «Логических исследований» подвергает критике идеи Твардовского о предметах общих представлений за отрицание существования общих предметов, за отрицание наглядности общих представлений. В противовес Твардовскому он проводит мысль о том, что «если созерцается совокупное содержание, то этим самым созерцаются с ним и в нем все его остальные черты и многие из них сами по себе будут заметными, они “выделяются” и таким образом будут объектами собственных созерцаний. Разве мы не можем сказать, что так же хорошо, как зеленое дерево, мы видим в нем зеленую окраску? Разумеется, понятие “зелень” мы видеть не можем, ни понятие в смысле значения, ни понятие в смысле атрибута, рода зелень. Абсурдным было бы также понимать понятие как часть единичного объекта, “предмета понятия”»¹¹.

Твардовский не ограничился психолого-феноменологическим анализом представлений. В ряде своих работ «О дей-

¹⁰ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. С. 75.

¹¹ Husserl E. Logische Untersuchungen. Halle. 1922. Bd. 2. S. 135—136.

ствиях и результатах. Несколько замечаний о пограничных проблемах психологии, грамматики и логики», «Об идио- и аллогенетических теориях суждения» он развертывает свое учение о суждениях, понимаемых как психические акты, как функции, аргументом которых является имманентный предмет представления, а результатом — существование имманентного представления. В работе «К учению о содержании и предмете представлений» в специальной главе обсуждаются различия между актом, содержанием и предметом суждения: «Естественно, сразу же напрашивается предположение, что в отношении различения содержания и предмета суждения также обнаружат некоторое сходство с представлениями. Если бы в области суждений также удалось обнаружить различие между содержанием и предметом феномена, то это в немалой степени способствовало бы прояснению аналогичного отношения и в области представлений»¹². Обсуждение этой проблемы привело его к выводу, что трехчленная структура акта суждения также существует и что под содержанием суждения следует понимать существование (или несуществование) объекта суждения: «Под содержанием суждения следует понимать существование предмета. Ведь тот, кто совершает суждение, тот утверждает нечто о существовании предмета»¹³. Представление и суждение взаимозависимы: «Для того чтобы стать предметом суждения, предмет сперва должен быть представлен; то, что не представлено, то не может ни признаваться, ни отбрасываться, ни любиться, ни ненавидеться»¹⁴. И все же представление отличается от суждения способом интенционального соотнесения с предметом. Однако описать то, в чем заключается своеобразие их интенциональной соотнесенности с предметом, Твардовский считает невозможным и лишь указывает

¹² Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. С. 40.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 52.

на внутренний опыт как на источник их своеобразия, то есть на субъективный характер их соотносительности с предметом. Сущностью суждения, по Твардовскому, является признание или отрицание существования предмета¹⁵, которое осуществляется по отношению к содержанию суждения, а не к самому предмету.

В работе «О действиях и результатах» Твардовский занимает позицию, из которой позднее в польской логике и философии смогли возникнуть альтернативные позиции номинализма и реализма. Эту позицию можно назвать интенциональным концептуализмом. С. Князева в своей книге «Философия Львовско-Варшавской школы»¹⁶ называет философскую концепцию Твардовского интенциональным реализмом. И основная причина отнесения взглядов Твардовского к реализму — его идеи об общих представлениях. По нашему мнению, такого рода оценка философского учения Твардовского неоправданна и оставляет без внимания тот факт, что он пытался найти психологическое обоснование логики. Психологию он называет основной наукой в области гуманитарных наук¹⁷. С этим связано его различение актов, содержания и предметов психических феноменов, его постоянное подчеркивание активного характера познавательных феноменов. И вместе с тем в работе «О действиях и результатах» он обратил внимание на то, что артефакты — результаты человеческих действий получают независимое существование и возможность разграничения результатов от самих действий позволяет обосновать самостоятельное существование ряда гуманитарных наук. Так, проводя различие между

¹⁵ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. С. 45.

¹⁶ Kijazeva S. Filozofija Lavovso-Varsavske skole. Beograd, 1964. С. 25.

¹⁷ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. С. 191.

психофизическими и психическими артефактами, он подчеркивает наличие предельных случаев независимости психических результатов от действий и объясняет этой независимостью результатов от действия допущения Больцано о существовании суждений в себе и представлений в себе¹⁸. Платонистско-реалистическая трактовка представлений в себе и суждений в себе увековечивает независимость результатов психических актов от самих актов. Критикуя Лукаевича за отождествление суждения и высказывания и за трактовку суждений как последовательности знаков, Твардовский показывает, что Лукаевич не проводит различия между суждением как действием и суждением как результатом действия (а это и есть значение). Его позиция выражена достаточно четко: «Суждение как результат действия суждения, или же совершения суждения, выражается в высказываниях, то есть в психофизических результатах, которые возникают благодаря психофизическому действию высказывания, то есть произнесению высказываний. Тогда такие высказывания выражают суждения, то есть значениями таких высказываний являются суждения»¹⁹. Логика имеет дело с искусственными высказываниями.

Различение результата и процесса действия позволяет, по его мнению, отграничить предмет логики, что «способствовало освобождению логики от психологического налета» и позволило бы более ясно понять предмет каждой гуманитарной науки отдельно²⁰. Создание «теории результатов» психофизических и психических актов, осознание независимости результатов различного рода от самих действий и вместе с тем их принципиальной обусловленности действиями, выявление многообразных способов закрепления психических результатов привели к различению в психологии функций и результатов, в логике

¹⁸ См.: там же. С. 190.

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ Там же. С. 191.

высказываний и суждений, высказываний и значений, функций и аргументов, различных логико-методологических интерпретаций значения и т. д. Можно сказать, что в этой работе Твардовского заложены основания функционального подхода и к психическим актам, и к логическим процедурам, которые позднее привели к праксеологическому обоснованию Котарбинским логики и методологии науки и созданию Е. Б. Слуцким эконометрии на базе праксеологии.

Философскую позицию Твардовского можно охарактеризовать как концептуализм, поскольку он исходит из психических актов, а существование общих представлений объясняет как результат опредмечивания психических актов, отмечая независимость результатов действия от самих актов действия, в том числе результатов познания, например значения, от познавательных актов. Специфика его концептуализма в отставании интенционального характера познавательных актов, в подчеркивании интенциональности содержания познавательных актов, интенциональности предмета и содержания познания. Короче говоря, его можно назвать интенциональным концептуализмом, который пытается построить трехаспектную модель психических и познавательных феноменов и постичь единство актов, их результатов, содержания и предмета представления и познания. В дальнейшем в польской философии возникло противостояние номинализма и реализма, причем каждое из этих направлений абсолютизировало какой-то один аспект в том единстве, который был выявлен Твардовским. Если реализм делает акцент на независимости результатов психических актов от самих актов, превращает их в нечто самостоятельное (так, этим он объясняет особенности классического реализма, в частности вводимые Больцано понятия о представлениях в себе, истинах в себе и суждениях в себе), то номинализм делает акцент на актуальности психических и познавательных феноменов, их осуществлении в определенных актах, оставляя в стороне анализ их результатов или редуцируя их к психическим или

познавательным актам. Именно потому, что концептуализм Твардовского объединял в себе исследование актов и их результатов, он был свободен от недостатков и ограниченностей номинализма и реализма.

Ян Лукасевич и реализм в логике

Известный польский логик Ян Лукасевич был одним из создателей многозначной логики, которая существенно модифицировала классическую логику и потребовала философского осмысления ее оснований. Как он подчеркивал в статье «В защиту логистики», «все создаваемые нами логические системы, при тех предположениях, на основе которых они создаются, необходимо истинны. Речь может идти только лишь о проверке онтологических предпосылок, таящихся где-то в недрах логики, и я думаю, что поступаю в согласии с повсеместно принятыми в естественных науках методами, когда хочу следствия этих предпосылок как-то проверить фактами»²¹. Анализ онтологических предпосылок математической логики, скрытых в ее недрах, и предполагает выявление статуса фундаментальных аксиом и понятий, которое, в свою очередь, невозможно вне философско-гносеологической ориентации. Твардовский расценивал философско-гносеологическую ориентацию Лукасевича как номинализм, полагая, что Лукасевич отождествляет суждение с последовательностью слов или иных знаков²². Следует сказать, что на первых порах Лукасевич действительно был номиналистом, о чем сам неоднократно говорил, и его номинализм выразился в отождествлении высказываний с последовательностью

²¹ Лукасевич Я. В защиту логистики // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 231.

²² Твардовский К. О действиях и результатах // Логико-философские и психологические исследования. С. 188, примечание.

знаков, от значения которых абстрагируется современная математическая логика. Очевидно, не без влияния критики со стороны Твардовского, позиция Лукасевича изменилась, стала более корректной и включила в сферу своего анализа проблематику значения. Иначе говоря, она включила в предмет своего рассмотрения не только синтаксический, но и семантический контекст. В последующем логико-гносеологическая позиция Лукасевича отнюдь не оставалась тождественной номинализму. Он сам выступает с критикой номинализма. Лукасевич писал: «Совершенно искренне признаюсь, что если бы еще недавно мне кто-нибудь задал вопрос, признаю ли я как логистик номинализм, то я без колебаний дал бы утвердительный ответ. Дело в том, что я не рассматривал детально саму номиналистическую доктрину, а обращал внимание только на логистическую практику... Любая мысль, если ей суждено стать научной истиной, которую каждый человек мог бы познать и проверить, должна принять некий воспринимаемый образ, должна быть выражена в какой-то языковой форме... Поэтому логистика уделяет самое большое внимание знакам и символам, которыми оперирует»²³. Формализация выводов позволяет контролировать правильность вывода, не обращаясь к смыслу сконструированных записей. Логистика заинтересована в точности и формализации выводов, и это не является свидетельством ее номинализма. «Логистика приняла бы номиналистическую точку зрения, если бы имена и высказывания истолковывала исключительно как записи определенной формы, не беспокоясь о том, значат ли эти записи что-то и что они значат. Тогда логистика стала бы наукой о каких-то орнаментах или фигурах, которые мы рисуем и упорядочиваем согласно некоторым правилам, играя в них, как в шахматы. Сегодня такой взгляд для меня неприемлем»²⁴. Против номинализма вос-

²³ Лукасевич Я. В защиту логистики. С. 222.

²⁴ Там же. С. 223.

стает, как говорил Лукасевич, его интуиция. Основной упрек номинализму заключается в том, что он теряет смысл логических знаков, абстрагируется от их значения: «Логические знаки имеют какой-то смысл. Нас интересует этот смысл, мысли и значения, пусть нам и непонятные, выраженные знаками, а не сами знаки. Посредством этих знаков мы хотим понять какие-то законы мышления, которые можно было бы применить к математике и философии и ко всем наукам, пользуясь рассуждением... Сегодня я уже не мог бы принять номиналистическую точку зрения в логистике»²⁵.

Столь же решительно Лукасевич выступает с критикой конвенционализма в логике, для которого характерна абсолютизация синтаксиса языка. Он подчеркивает, что аксиомы логики не произвольны: «В нашем исчислении система аксиом должна удовлетворять очень строгим условиям: она должна быть непротиворечива, независима и, наконец, полна, то есть потенциально должна содержать в себе все истинные утверждения исчисления»²⁶. Системы многозначной логики, по его словам, «не выросли на почве конвенционализма или релятивизма», а выросли на основе понятий возможности и необходимости. «Здесь вопрос логики превращается в онтологическую проблему, касающуюся строения мира. Существует ли в мире некая сфера возможного или же над всем господствует неизбежная необходимость? И следует ли искать эту сферу возможного, раз уж она существует, единственно в будущем или же ее можно найти также и в прошлом? Вот вопросы весьма трудные для разрешения»²⁷. В статье «Логистика и философия» Лукасевич выдвигает ряд аргументов против номинализма в логике, который говорит не о понятиях и суждениях, а об именах и предложениях, а их трактует если не как

²⁵ Там же. С. 224.

²⁶ Там же. С. 226.

²⁷ Там же. С. 230.

flatus vocis, то как надписи определенной формы, не апеллируя к их значениям²⁸.

Завершают статью «В защиту логики» примечательные слова, в которых Лукасевич выразил свое кредо: «Всякий раз меня не покидает чувство, что я нахожусь рядом с какой-то мощной, неслышанно плотной и неизмеримо устойчивой конструкцией. Эта конструкция действует на меня как некий осязаемый предмет, сделанный из самого твердого материала, стократ более крепкого, чем бетон и сталь. Ничего в ней я изменить не могу, ничего сам произвольно не создаю, но изнурительным трудом открываю в ней все новые подробности, достигая непоколебимых и вечных истин. Где и чем является эта идеальная конструкция? Верующий философ сказал бы, что она в Боге и является Его мыслью»²⁹.

В составе знания Лукасевич выделяет реконструктивные и конструктивные элементы. К первым относятся суждения о фактах. Ко вторым — творческие суждения, которые являются результатом синтеза. Он выделяет наряду с конкретными предметами априорные, идеальные абстрактные предметы и реальные абстрактные предметы, существующие без каких-либо реальных коррелятов. «Точка, прямая, треугольник, куб, все исследуемые геометрией образования имеют только идеальное бытие; они не даны в опыте. Еще в меньшей степени в опыте существуют неевклидовы фигуры либо многомерные твердые тела. В мире явлений нет также целых чисел, рациональных, иррациональных, сопряженных... Логические и математические суждения являются истинами исключительно в мире идеальных сущностей. Соответствуют ли этим сущностям какие-то реальные предметы, об этом мы, наверное, никогда не узнаем»³⁰. Отношение между реальными абстрактными и конкретными предмета-

²⁸ См.: Лукасевич Я. В защиту логики. С. 203.

²⁹ Там же. С. 232.

³⁰ Там же. С. 244.

ми остается у Лукасевича неясным. Столь же неясно и отношение между единичными фактами, область которых составляет нижнюю границу разума, и аксиомами, на которых покоятся наши научные системы, в частности аксиомами логики (принципом противоречия, правилами вывода и др.), которые являются безусловными истинами разума. Само существование идеальных абстрактных предметов и безусловных истин разума свидетельствует о существовании идеального бытия, которое создается человеческим разумом. Сам Лукасевич замечает, что «коперниканская мысль Канта, пытавшегося доказать, что, скорее всего, предметы подчиняются познанию, а не познание предметам, содержит взгляды в пользу тезиса о творчестве в науке. Я пытался развить этот тезис не на основании какой-либо специальной теории познания, а лишь на основе обыденного реализма, при помощи результатов логических исследований»³¹. В статье «Логистика и философия» Лукасевич заметил, что, «используя номиналистическую терминологию, мы в действительности не являемся номиналистами, но отдаем дань какому-то не проанализированному концептуализму или даже идеализму. Например, мы верим, что в основании имплицативно-негативной двузначной логики высказываний существует некая «единственная» кратчайшая аксиома, хотя до сих пор никто не знает, как эта аксиома выглядит и вследствие этого не может записать ее»³². В 1932 г. Б. Собоциньский выразил эту аксиому в формуле из 27 букв, а позднее она была редуцирована в формулу из 23 букв в символической записи Лукасевича. Для Лукасевича неприемлемо сведение объективных проблем знания к языковым. Такой подход характерен, по его мнению, для Р. Карнапа и объясняется он ошибочным взглядом на роль априорных наук и их отношение к действительности.

³¹ Там же. С. 245.

³² Там же. С. 295.

По определению Карнапа, все априорные элементы науки, прежде всего математики, являются тавтологиями и аналитическими предложениями, которые ничего не говорят нам о действительности. По определению Лукасевича, «априорные науки являются только инструментом, который нам облегчает познание действительности, но в конечном счете научный образ мира мог бы обойтись без этих априорных элементов». И в связи с этим Лукасевич высказывает принципиальное положение о том, что можно перевести различные системы логики в одну-единственную фундаментальную систему. «Я верю, что одна и только одна из этих логических систем реализована в действительном мире, то есть является реальной так, как реальна одна и только одна геометрическая система. Правда, мы сегодня не знаем, какая это система, но не сомневаюсь, что эмпирические исследования когда-нибудь покажут, является ли мировое пространство евклидовым или же неевклидовым и соответствует ли связь одних фактов другим двузначной логики или какой-то многозначной. Все априорные системы, когда мы их применяем к действительности, становятся естественнонаучными гипотезами, которые следует проверять фактами так же, как и физические гипотезы. С этим взглядом связан также мой подход к метафизическим проблемам»³³.

Иными словами, Лукасевич в 1936 году предполагал не только возможность сведения истинности аксиом к истинности фактов, но и сведения множества построенных логик к одной фундаментальной логике. Через год в 1937 году он говорит уже о том, что все создаваемые нами логики необходимо истинны³⁴ и отличаются фундаментальными онтологическими предпосылками, исследование которых и составляет задачу гносеологии или метафизики. В 1952 году он замечает: «Не существует способа распознать, какая из n -значных

³³ Лукасевич Я. В защиту логики. С. 216.

³⁴ Там же. С. 231.

систем логик, $n > 2$, истинна. Логика не является наукой о законах мышления или о каком-то реальном предмете, она является, по моему мнению, только орудием, позволяющим нам сделать принимаемые выводы из принимаемых посылок»³⁵. Многозначность истины теперь оказывается не недостатком, а преимуществом, что и находит свое выражение в расширении предметной области применимости логики. Применимость систем логики оказывается тем критерием, с помощью которого можно оценивать каждую из них. Если в начале своей философской деятельности, в частности в статье «Творчество в науке» (1912), Лукасевич считал, что «практическая ценность не является ни необходимым, ни достаточным свойством научных истин»³⁶ и что ценность науки не заключается в ее практическом использовании, то уже на закате своей деятельности он полагал, что именно применимость систем логики составляет критерий их ценности.

Номинализм Станислава Лесьневского

Эволюцию философско-логических идей, выдвинутых выдающимся польским математиком и логиком Станиславом Лесьневским, можно расчленить на три этапа. На первом (до 1917 года) этапе разрабатываются проблемы мереологии, на втором (с 1921 года) — проблемы онтологии, а на третьем проблемы протетики. В работах до 1916 года Лесьневский говорил о существовании отношений, свойств и т. д. как самостоятельных сущностей. Затем, очевидно под влиянием Котарбиньского, он отказался от признания их самостоятельного существования и утвердился в позиции, соглас-

³⁵ Цит. по: Васюков В. Л. Две парадигмы в рамках одной школы // Философия науки. Вып. 2. М., 1996. С. 223.

³⁶ Лукасевич Я. Творчество в науке // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. С. 236.

но которой существуют только индивидуальные объекты. В 1913 году выходит его статья³⁷ и книга³⁸, в которых доказывается несуществование общих предметов. Мереология Лесьневского — это учение, существенно расширяющее понятие объекта и вводящее понятие коллективной целостности, в которой выделяются определенные составные части, также считающиеся объектами. В мереологии проводится позиция, в которой отрицается существование общего объекта. Существуют только индивидуальные объекты, а общий объект — это объект, обладающий общими для всех конкретных объектов свойствами. У Лесьневского идет речь не о классах, а о целостностях, элементы которых (в его терминологии — ингредиенты) могут существовать в разное время и в различных местах пространства. Целое состоит из предметов и его надо понимать дистрибутивно, а не совокупно. Антинормии, возникшие в «Principia mathematica» Рассела и Уайтхеда, Лесьневский объясняет смещением дистрибутивного и коллективного понимания класса. Пустой целостности не существует, и целостность может относиться и к нематериальным объектам. Отношения между элементами и целым транзитивны. Мереология включает в себя функтор, который можно определить как имя индивидуального объекта «универсум». Онтология в трактовке Лесьневского представляет собой исчисление имен, в котором имя относится к разным объектам, только к одному объекту или ни к одному объекту. Характеризуя онтологию Лесьневского, Г. Кюннг отметил, что она является теорией различных форм предложений или возможных отношений, существующих между именами, входящими в предложение с учетом их экстенсивных³⁹. Онтология, согласно Лесьневскому, характеризует

³⁷ *Leśniewski S.* Krytyka logicznej zasady wyłączonego środka // *Przegląd Filozoficzny*. 1913. Vol. 16. Str. 315–352.

³⁸ *Лесьневский С.* Логические рассуждения. СПб., 1913.

³⁹ *Кюннг Г.* Онтология и логический анализ языка. М., 1999. С. 143.

семантическое отношение между именами и конкретными индивидуальными объектами, а квантор существования относится лишь к существованию имен, а не объектов. Все экзистенциальные предложения ложны. Протетика же представляет собой пропозициональное исчисление с кванторами и переменными, «пропозициональные переменные относятся к области значений предложений, но сами квантифицированные предложения, в которые они входят, являются предметами объектного, а не метаязыка»⁴⁰.

Радикальный конвенционализм Казимира Айдукевича

Казимир Айдукевич — выдающийся польский логик, который сам охарактеризовал свои философские взгляды как радикальный конвенционализм. Его трактовке радикального конвенционализма посвящена статья В. Н. Поруса «Радикальный конвенционализм» К. Айдукевича и его место в дискуссиях о научной рациональности»⁴¹, где преимущественное внимание было уделено интерпретации Айдукевичем структуры научного знания и научной рациональности. Философии языка Айдукевича посвящена статья Б. Домбровского «Мир языка Казимира Айдукевича»⁴². В той или иной мере эти авторы касаются проблем значения и трактовки Айдукевичем смысла слов и предложений, которые неразрывно связаны с его пониманием проблемы универсалий. Сразу же отметим, что, хотя Айдукевич рассматривает проблему универсалий в специальной статье «К вопросу об “универсалиях”» (1934), его позиция развертывается в полемике с реизмом Т. Котарбиньского, она не прозрачна и его обоснование ее позиции

⁴⁰ Там же. С. 149.

⁴¹ См.: *Философия науки*. Вып. 2. М., 1996. С. 254–271.

⁴² См.: *Логос*. 2000. № 1. С. 138–173.

изменялось от логической семантики к прагматике (одна из монографий, написанных Айдукевичем в последние годы, называлась «Прагматическая логика»⁴³). Рассмотрим более внимательно статьи середины 1930-х годов, которые имеют непосредственное отношение к формированию позиции Айдукевича и к его трактовке универсалий.

В статье «О значении выражений» (1931) Айдукевич обращается к проблеме значения: «Мы считаем, что язык играет определенную и весьма важную роль в процессе познания. Различные взгляды на значение выявляют различные точки зрения именно на познавательную роль языка... Занимаясь понятием значения, мы считаем, что нам удастся высветить полнее эту роль»⁴⁴. Уже в этой статье Айдукевич при объяснении значения не приемлет путь психологического ассоцианизма и концепцию коннотации Дж. С. Милля. Он намечает иной путь — путь нахождения самого значения в самом языке. Если в 1931 году Айдукевич говорил о диспозициях (предрасположенностях) к узнаванию предложений языка, допускал целый ряд психологических понятий, таких как переживание, тип мысли и др., принимал теорию интенциональных значений Гуссерля, с помощью которой он стремился установить связь между содержанием представления и языковым оборотом и подчеркнуть сосуществование мысли о предмете и мысли о знаке в едином интенциональном акте переживания, то к 1934 году его позиция окончательно утвердилась — необходимо искать значение в самом языке и сформулировать определенные директивы узнавания предложений, которые позднее стали называться им правилами смысла. «Важность понятия интерсубъективного смысла выражений для методологии и теории познания следует хотя бы из того, что утверждения наук являются ничем иным, как

⁴³ *Aidukiewicz K. Logika pragmatyczna. Warszawa, 1965.*

⁴⁴ *Idem. O znaczeniu wyrazen. Цит. по: Домбровский Б. Мир языка Казимира Айдукевича // Логос. 2000. № 1. С. 142.*

смыслом некоторых предложений, полагающимся этим предложением в определенном языке, а познание (в отличие от познания), по крайней мере в своем наиболее совершенном виде, это как раз и есть смысл некоторых предложений и, возможно, иных выражений», — писал Айдукевич в статье «Язык и смысл» в 1934 году, формулируя свою задачу⁴⁵.

В статье «Язык и смысл»⁴⁶ Айдукевич обсуждает проблемы смысла, важные для методологии наук и теории познания. Он с самого начала дистанцируется от психологической трактовки смысла, проводит различие между психологической и логической трактовкой смысла и подчеркивает интерсубъективный характер смысла. Логическая трактовка смысла связывается им с суждением — утвердительным или отрицательным, которое находит свое выражение в предложении некоторого языка. Необходимой характеристикой языков является соответствие смыслов, семантическое соответствие. Это соответствие не устанавливается с помощью указания на называемые предметы, так как «во-первых, не все выражения называют предметы, но лишь те из них, которые имеют номинативный характер, то есть имена; тогда как смыслом обладают все слова и выражения языка. Во-вторых, два выражения могут называть один и тот же предмет, однако обладать различными смыслами»⁴⁷. По его словам, традиционная логика не занималась проблемой смысла различных языковых выражений, ограничиваясь смыслом имен, отождествляемых ею с понятием, причем, как подчеркивал Айдукевич, «содержание понятия и смысл имени являются хотя и достаточно близкими, но разными поня-

⁴⁵ *Айдукевич К. Язык и смысл // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 309.*

⁴⁶ *См.: Aidukiewicz K. Sprache und Sinn // Erkenntnis. Bd. IV. В., 1934. S. 100–138.*

⁴⁷ *Айдукевич К. Язык и смысл // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 314.*

тиями». Для определения смысла выражений языка Айдукевич прибегает к семантическим правилам, которые присущи языку. Это центральное понятие работ Айдукевича середины 1930-х годов: «Смысл слов и выражений некоторого языка определяет... правила смысла, требующие от каждого, кто пользуется этим языком, определенных действий в отношении узнавания предложений этого языка в некоторых ситуациях»⁴⁸. Он выделяет три типа правил смысла — дедуктивный, аксиоматический и эмпирический. Дедуктивные правила смысла подчиняют предложение одного типа как заключение предложению другого типа, являющегося посылкой. Аксиоматические правила смысла требуют безоговорочного признания предложений в качестве очевидных аксиом. Эмпирические правила смысла, согласно Айдукевичу, бывают двух типов — простыми и составными. Простые эмпирические правила смысла предполагают, что «только тот не нарушает присущего языку подчинения смыслов, кто ввиду восприятия такого-то и такого ощущения готов признать так-то и так звучащее предложение»⁴⁹. Составные эмпирические правила смысла связаны с эмпирическими данными, с именами внешних предметов и их свойств. Для эмпирических правил смысла областью значения является множество чувственных данных, чему соответствует множество предложений и пара значений этого правила — «чувственные данные — предложение». На основании этого Айдукевич разделяет языки на замкнутые и открытые, на дискурсивные (языки чистой логики и чистой математики) и эмпирические⁵⁰. Надо заметить, что это различие языков Айдукевич использует при исследовании языков науки, в частности

⁴⁸ Айдукевич К. Язык и смысл // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. М., 1999. С. 321.

⁴⁹ Там же. С. 324.

⁵⁰ Подробнее о классификации языков см.: *Домбровский Б. Мир языка Казимира Айдукевича*. С. 145–149.

при отождествлении им научной теории с замкнутой языковой системой, в своей трактовке смены языков в ходе развития научного знания, например смены эмпирического языка на аксиоматический при замене правил значения.

В том же 1934 году Айдукевич написал статью «Картина мира и понятийный аппарат»⁵¹. В ней он не только развертывает позицию радикального конвенционализма, но и имманентную концепцию значения (смысла), коль скоро он рассматривает значение внутри языка. «В данном исследовании мы намерены обобщить и усилить тезис традиционного конвенционализма. Для этого нам понадобится сформулировать и обосновать утверждение, что не только некоторые, но все суждения, которые мы принимаем и которые образуют картину мира, не определяются однозначно данными опыта, но зависят от выбора понятийного аппарата, с помощью которого мы интерпретируем эти данные»⁵².

Здесь же Айдукевич подчеркивает, что язык рассматривается им вне контекста использования: говорящий на том или ином языке оказывается вписанным в язык, поскольку он, говоря или письменно фиксируя предложения, должен узнать и принять значения, которые диктуются определенными правилами смысла: «Чтобы узнать, связывает некто с определенным предложением значение, которым это предложение обладает в данном языке, или нет, надо в ситуации, соответствующей данному предложению, задать вопрос, готов субъект принять это предложение или нет»⁵³. Вновь характеризуя три вида правил значения, Айдукевич называет «класс всех значений выражений, фигурирующих в некотором замкнутом и согласованном

⁵¹ См.: *Aidukiewicz K. Das Weltbild und die Begriffsapparatur // Erkenntnis*. Bd. IV. Lpz., 1934. S. 259–287.

⁵² Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // *Философия науки*. Вып. 2. М., 1996. С. 231.

⁵³ Там же. С. 232.

языке», понятийным аппаратом⁵⁴. Значение является одним из элементов понятийного аппарата. Айдукевич осознает трудности подобной трактовки значения языковых выражений и прежде всего трудность релятивизации значений. Он сам писал: «С обычной точки зрения, когда два человека пользуются одними и теми же выражениями немецкого языка, но связывают с ними значения несколько (хотя и не слишком) различные, считается, что они оба говорят на одном и том же языке (в обычном понимании этого слова). Согласно же нашему пониманию эти люди говорят на разных языках, поскольку для идентичности используемых ими языков необходимо, чтобы они (говорящие) связывали с одними и теми же выражениями в точности одинаковые значения»⁵⁵.

Концепцию правил значения (смысла) Айдукевич использует при анализе развития научного языка. Более того, следует сказать, что теория языков дедуктивных систем, развитая во Львовско-Варшавской школе С. Лесьневским, Тарским и другими, была принята им в качестве одного из оснований своей концепции значения и смены правил значения. Изменение правил значения рассматривается им как критерий смены языка науки. Так, обращаясь к языку физики, он замечает, что в доньютоновской физике положение: «тело, на которое действует сила, не уравновешенная другой силой, изменяет свою скорость» было правдоподобным и индуктивным. В физике Ньютона это положение из индуктивно-опытного стало принципом и приобрело аксиоматическое значение. Айдукевич предлагает рассмотреть под этим углом зрения смены правил значения эволюцию языка не только физики, но и геометрии, поскольку в доевклидовой геометрии многие теоремы геометрии Евклида были правдоподобными

⁵⁴ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Вып. 2. М., 1996. С. 234.

⁵⁵ Там же. С. 234.

индуктивными допущениями и лишь позднее, после принятия аксиоматических правил значения, стали аксиомами.

Радикальный конвенционализм заключается в том, что Айдукевич подчеркивает: «Хотя, оставаясь на почве определенного языка и имея определенные опытные данные, мы обязаны признать некоторое предложение, но, изменив язык, мы не найдем уже в нем предложения с тем же самым значением, а потому и не нарушим способа приписывания значений, свойственного этому измененному языку, если не признаем это предложение вместе с его переводом»⁵⁶. Изменение языка — это изменение понятийного аппарата. В отличие от традиционного конвенционализма П. Дюгема и А. Пуанкаре, которые проводили различие между фактофиксирующими и интерпретирующими предложениями, Айдукевич предлагает отказаться от такого разделения и настаивает на том, что принципы интерпретации являются истинными, «поскольку они фигурируют в нашем языке»⁵⁷. «Если он (теоретик познания. — Авт.) фактически подчиняется правилам значения определенного языка и это ему удастся, то он должен признать все предложения, к которым ведут правила значения этого языка в совокупности с данными опыта, и также признать их “истинными”»⁵⁸. Развивая позицию, близкую позиции лигвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, и подчеркивая, что языки, в том числе и языки науки, обладают собственным понятийным аппаратом и структурой значений, Айдукевич отрицает возможность построения универсального языка и с универсальной областью значений. «По-видимому, развитие науки, наоборот, стремится к согласованной картине мира, но не имеет тенденции к универсальности»⁵⁹. В ходе развития языка науки

⁵⁶ Там же. С. 238.

⁵⁷ Там же. С. 251.

⁵⁸ Там же. С. 248.

⁵⁹ Там же. С. 244.

могут обнаружиться различные тенденции: 1) отбрасывания языка из-за его противоречивости, 2) рационализации языка, когда наибольшее число проблем решается без обращения к опыту, 3) совершенствования понятийного аппарата, 4) увеличения эмпирической чувствительности понятийного аппарата. Но речь не идет, как мы видим, о возможности построения универсального языка. Радикальный конвенционализм Айдукевича связан с интерпретацией теории с замкнутой языковой системой, в которой исходные понятия и правила логического вывода основаны на конвенциях, а остальные термины определяются через исходные. Значения терминов определены правилами употребления этих выражений в языке. Их нарушение означает переход к иным значениям этих выражений и соответственно к новому языку. Радикальный конвенционализм Айдукевича окончательно порвал с логическим эмпиризмом, который предполагал, что данные опыта являются критерием признания тех или иных положений в качестве научных суждений. Эта догма эмпиризма была отвергнута Айдукевичем, для которого логически согласованные языковые системы не содержат терминов, значение которых не зависит от системы в целом. Для радикального конвенционализма логико-теоретическая деятельность осуществляется всегда внутри «понятийного аппарата», а фактуальные предложения интерпретируются по-разному в зависимости от различия понятийного аппарата. Среди критериев роста понятийного аппарата он называет повышение уровня логической согласованности, устранения логической противоречивости и других логических изъянов, достижение большей независимости теории от данных опыта, внутреннее совершенствование понятийного аппарата и повышение эмпирической его чувствительности. Особенность философско-логической позиции Айдукевича заключается в том, что он стремится соединить анализ дедуктивных систем с принципами изучения актов, отличаемых Твардовским от результатов действия. Идеализация замкнутого и согласованного

языка оказалась слишком сильной и вела к определенным логическим трудностям. Так, например, эта позиция предполагала, что если два выражения семантически определены одним и тем же правилом значения, то и их денотаты идентичны. Но уже для языка исчисления предикатов первого порядка с равенством это не характерно, поскольку в нем можно указать на выражения, определяемые одним и тем же правилом значения, но имеющие различные денотаты.

В статье «О синтаксической связности» (1935) Айдукевич также стремится осмыслить понятие «значение»: «Слово или выражение A , взятое в значении x , и слово или выражение B , взятое в значении y , принадлежат к одной и той же категории значений тогда и только тогда, когда существует такое высказывание (соответственно, пропозициональная функция) S , в котором A выступает в значении x и которое после замещения его компоненты A выражением B , взятом в значении y , при полном сохранении значений оставшихся слов и синтаксиса высказывания S , преобразуется в выражение S , которое также является высказыванием (или пропозициональной функцией)»⁶⁰. Айдукевич выделяет два типа значений — подстановочные категории и функторы. Он обращает внимание на то, что в обычном языке не все имена образуют одну-единственную категорию значений. «По нашему мнению, в обычном языке можно среди имен выделить как минимум две категории значения, а именно категорию значения, к которой принадлежат единичные имена индивидов, а также общие имена индивидов, поскольку они взяты *in suppositione personali*, и во-вторых, категорию значения общих имен, поскольку они выступают *in suppositione simpliciter* (то есть как названия универсалий)»⁶¹. Однако свое исследование Айдукевич ограничивает вслед

⁶⁰ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Вып. 2. М., 1996. С. 285.

⁶¹ Там же. С. 286.

за Лесьневским двумя основными категориями значений — высказываниями и именами.

Проблеме универсалий Айдукевич посвящает специальную статью «К вопросу об “универсалиях”» (1934). После исследования Тарского «Понятие истины в языках дедуктивных наук» (1933) Айдукевич стал сомневаться в однозначной связи между истинностью и выбором понятийного аппарата и обратился к логическому эмпиризму и к прагматическим критериям в логике. Отбросив, как бумажные фикции, замкнутые языки, он отбросил и ту позицию, которая с ним связана, — позицию радикального конвенционализма. Он перешел на позицию логического эмпиризма, который предполагал формирование новых понятий — вместо понятия «картина мира» понятия «мировая перспектива», отказавшись при этом от понятия «замкнутого и связанного языка».

КОНСТРУКТИВНЫЙ НОМИНАЛИЗМ КУАЙНА И ГУДМЕНА

Уиллард Куайн — известный специалист в области современной математической логики большое внимание уделяет онтологическим проблемам логики. Он подверг критике теорию типов Рассела, пытаясь заменить свойства, используемые Расселом при обосновании классов и в «Principia mathematica», и в других его работах, тем, что Куайн назвал концептуальными классами. По словам Куайна, Рассел «не сумел усмотреть различие между «пропозициональными функциями» как атрибутами или интенциональными отношениями и «пропозициональными отношениями» как выражениями, а именно предикатами или открытыми предложениями»¹. Это связано с тем, что Рассел не проводит четкого различия между формулой и объектом. По словам Куайна, «Рассел имел философские предпочтения в пользу атрибутов и чувствовал, что, концептуально определяя классы на основании теории атрибутов, он объясняет туманное в терминах более ясных. Но это его чувство объясняется тем, что у него отсутствует различение пропозициональных функций как предикатов или выражений

¹ Куайн В. О. Теория множеств и ее логика // Рассел Б. Введение в математическую философию. М., 1996. С. 200–201.

и пропозициональных функций как атрибутов. Не сумев сделать этого различения, он легко мог посчитать, что понятие атрибута яснее, чем понятие класса, который представлен предикатом. Но как раз атрибут менее ясен².

Свою позицию Куайн называет конструктивным номинализмом³, подчеркивая, что традиционный номинализм недостаточен при определении понятия класса, без которого нельзя обойтись в математике. Правда, он признает оправданность языка платонизма и стремится соединить свой номинализм с умеренным платонизмом. Точнее его позицию было бы назвать бихевиористским концептуализмом, поскольку он подчеркивает роль бихевиористских концептуальных схем в концептуализации реальности и значимость языка в расчленении реальности и анализирует различные фазы становления референции в онтогенезе. Он проводит различие между именами и синкатегорематическими (вспомогательными) знаками, к которым относятся логические связки («и», «или») и кванторы («всякий», «некоторый»). Куайн различает значение и объем предикатных знаков. Объем предикатного знака состоит из тех индивидов, которым можно истинно приписать данный предикатный знак.

Согласно Куайну, вещи являются значениями переменных, а имена вещей замещают переменные. Значения связаны со связанными переменными. Можно допустить такие сущности, как классы, в качестве значений связанных переменных. Но Куайн не допускает общих терминов, а лишь единичные термины, которые именуют сущности и заменяются на переменные, хотя и говорит о том, что без общих терминов был бы невозможен язык и мысль была бы ничтожна. При этом допускается процедура квантификации по классам. Для него кванторная схема общезначима. Универсалии трактуются как

² Там же. С. 203.

³ Goodman N. and Quine W. Steps toward a Constructive Nominalism // Journal of Symbolic Logic. 1947. № XII. P. 105–122.

результат метода отождествления неразличимых, как то, что сходно (например, по длине) или символически подобно. Однако это — наивный способ абстрагирования и наивный вид абстракций. Более смелый способ абстрагирования, если допустить в квантификации буквы высказываний как переменные, принимающие истинностные значения.

При исследовании универсалий Куайн обращает внимание на овеществление универсалий, то есть абстрактных сущностей, в качестве имен которых могут рассматриваться предикаты. Если Рассел устранил классы, обращаясь к другой области универсальных сущностей — к так называемым пропозициональным функциям, а классы сводил к свойствам, то Куайн исходит из того, что первоначально существуют только конкретные объекты, а классы создаются человеком. Он проводит различие между конструированием и открытием классов: первое характерно для концептуалистов, второе для платоников. Свою позицию — конструктивный номинализм — он характеризует как концептуализм, который схож с платонизмом тем, что допускает универсалии, но, в отличие от платонизма, полагает, что универсалии — это классы как неустраняемые значения своих связанных переменных. Отдавая предпочтение концептуализму как самой сильной позиции, Куайн противопоставляет ее и позиции номинализма, который отверг бесконечный универсум универсалий, и вводит метафору, имеющую интуитивный характер, в качестве основания концептуалистской позиции. Он исходит из прагматического критерия, в центре которого эффективность коммуникации и предсказания.

Куайн не допускает такой неясной промежуточной сущности, какой является значение. Значения для него не существуют. Существуют лишь предложения, которые обладают значениями. Значение характеризует предложение в целом, а не отдельные слова, поэтому вполне оправданно исключить из логического анализа значение отдельных слов. В последующем Куайн отказал в осмысленности не только отдель-

ным словам, но и отдельным предложениям: значением может обладать только вся система предложений науки. Нельзя проверить на истинность отдельное предложение. Лишь система предложений в целом может быть проверена на истинность. Некоторые предложения составляют ядро теории, другие — ее периферию. Они-то и сталкиваются с опытом, изменяются, сохраняя устойчивым ядро теории. «Теория как целое... представляет собой ткань предложений, различным образом связанных друг с другом и невербальными стимулами с помощью механизма условных реакций»⁴.

Сам Куайн отмечает холизм своей концептуальной схемы, согласно которой «часть теории даже среднего уровня несет в себе все связи, которые, вероятно, влияют на нашу оценку данного предложения»⁵. «Мы не можем вывести истинность предложения *S*, данного вне этой теории... предложение *S* бессмысленно за пределами своей собственной теории; бессмысленно вне теорий... Мы можем говорить и говорим разумно о том или ином предложении как об истинном скорее тогда, когда мы обращаемся к положениям фактически существующей в данный момент теории, принятой хотя бы в качестве гипотезы. Осмысленно применять понятие «истинный» к такому предложению, которое сформулировано в терминах данной теории и понимается в рамках постулированной в ней реальности»⁶. Д. Ринин, подвергнув критике тезис Куайна, называл его догмой логического прагматизма и доказывал противоположный тезис: «Если составные утверждения сами не имеют истинностного значения, то они не могут сделать никакого вклада в истинностное значение системы как целого... Но если утверждение истинно, тогда оно проверяемо, и если ложно, то также прове-

⁴ Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 34.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 47.

ряемо, и в обоих случаях осмысленно... Индивидуальное утверждение не просто могло быть осмысленным вне всей науки, но оно должно быть таким, если оно может функционировать в пределах научной системы»⁷. Г. Кюнг справедливо замечает, что «перенос осмысленности с предикатного знака на предложение в целом, а затем в духе прагматизма — на всю систему предложений, Куайн не решает проблемы, а уходит от нее»⁸.

Куайн не признает каких-либо допущений промежуточной сущности, называемой значениями. Говорить о значении — означает вводить лишние сущности. Такого рода допущения вызваны неумением провести различие между значением и отнесением, между значимым и осмысленным. Значения бесполезны для науки о языке и логики. Куайн неоднократно подчеркивает различие между двумя типами теории семантики: для одной из них характерно обращение к понятию значения и интерес к проблемам синонимии, логического следования и т. д., а для другой — интерес к проблемам истины, обозначения, референции и т. д. Естественно, что Куайн отдает предпочтение второй. Поэтому для Куайна и допущение универсалий или идеальных сущностей иллюзорно и бессмысленно. Хотя предикат «красный» истинен для множества красных предметов, однако допущение некоей идеальной сущности — «красноты», общей для этих предметов, неправомерно и бессмысленно⁹. То, что принимают за универсалию, можно и нужно считать индивидом. Для математики вполне достаточно понятия класса и

⁷ Rynin D. The Dogma of Logical Pragmatism // Mind. 1956. Vol. 65. P. 379–391.

⁸ Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. С. 190.

⁹ Quine W. From a Logical Point of View. Cambridge, 1953. P. 10 (Куайн У. в О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. Томск, 2003. С. 15, далее цитируется в скобках: русский перевод и указываются страницы).

вполне можно обойтись без понятия свойство. Формирование универсалий характеризует иллюзии языка, определенные концептуальные схемы, которые выделяют наряду с областью физических сущностей область духовных сущностей. Допущение универсалий «порождает иллюзию, будто мы что-то объяснили»¹⁰.

«Ошибка заключается лишь в поисках имплицитной подосновы концептуализации или языка. Членение физического мира на сущности зависит от концептуализации, точнее, от концептуальной схемы, выраженной в языке. Концептуализация на любом рассматриваемом уровне неотделима от языка, и наш обыденный язык, используемый для наименования физических объектов, оказывается базисным почти настолько, насколько это возможно для языка»¹¹. Источник иллюзий и ошибок языка — тяга к объективному и единообразию полученных в результате социального обучения образцов употребления. Куайн использует бихевиористскую схему стимул—реакция при описании онтогенеза референциального соотношения слова и вещи.

Бихевиористская схема оказывается для Куайна весьма значимой и при описании освоения ребенком языка, и при выделении фаз референции, и при анализе языка, в котором он делает акцент не на коммуникативных и даже не на референциальных функциях языка, а на том, что язык кодирует верования, мнения и диспозиции субъектов высказываний. Слова, по его мнению, являются «социальными инструментами»¹², а объекты вычлняются на той фазе концептуализации, когда условия истинности нельзя сформулировать вне понятия объекта. Проводя различие между единичными терминами

¹⁰ Op. cit. P. 48 (Там же. С. 50).

¹¹ Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 26.

¹² Там же. С. 30.

и общими терминами (первые указывают только на один объект, вторые — истинны для каждого или для каждой группы из любого количества объектов), Куайн выделяет четыре фазы референции: на первой фазе формируются имена наблюдаемых пространственно-временных объектов, на второй — появляются общие термины, указательные единичные термины и единичные дескрипции, на третьей — появляются сложные общие термины, образованные атрибутивным соединением общих терминов, на четвертой — формируется способность наложения относительных терминов на единичные и общие термины.

Исходной для различения единичных и общих терминов была концептуальная схема предикации. «Но в действительности общие и единичные термины, абстрактные или конкретные, различаются не только по своей роли в предикации... Предикация является всего лишь частью модели взаимозависимых употреблений, из которых состоит статус слова как общего или единичного термина»¹³.

В онтогенезе формируется фаза, предполагающая существование совокупных терминов, характеризующихся неразделенной референцией относительно собирательных или совокупных объектов, и, наконец, существование абстрактных сущностей и появление терминов типа «краснота», «круглость» и т. д. «Овладев разделенной референцией общих терминов, ребенок овладевает схемой устойчивых и периодически возникающих физических объектов»¹⁴. Польза абстрактных терминов «заключается прежде всего в сокращенной кросс-референции»¹⁵. Но ребенок соскальзывает в область онтологии свойств, принимая абстрактный терм за самое реальное, слово — за вещь. Онтологизация свойств как одна из ошибок и иллюзий языка зарождается, по мнению Куайна, на ранней стадии онтогенеза и характерна и для языка науки.

¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 94.

«Раз уже мы допустили существование абстрактных объектов, конца не будет. Совсем не все из них являются свойствами, по крайней мере не *prima facie*; они являются или претендуют на то, чтобы быть классами, числами, функциями, геометрическими фигурами, единицами измерений, идеями, возможностями»¹⁶. Куайн осознает трудности, возникающие в позиции, которая допускает существование абстрактных объектов, которые можно обойти, если считать языковые обороты с абстрактными объектами «просто языковым употреблением, свободным от метафизических обязательств перед своеобразным царством реальности»¹⁷. «Если выражения якобы об абстрактных объектах следует защищать как существующие в целях языкового удобства, то почему не считать эту защиту защитой овеществления в единственно возможном смысле? Привилегия не интересоваться некоторыми *онтическими* следствиями своих рассуждений проявляется скорее в их игнорировании, нежели в отрицании. На самом деле этот вопрос не так прост; еще многое можно сказать о том, какие употребления термов следует считать недвусмысленно утверждающими существование своих объектов»¹⁸. Этим онтическим следствиям рассуждений Куайн посвящает седьмую главу книги «Слово и объект».

Куайн отмечает, что «можно, из лучших научных побуждений, попытаться устранить эти абстрактные объекты... Но такую программу очень трудно выполнить»¹⁹. И все же Куайн с помощью концептуальной схемы, в которой вводятся физические объекты, тождество, разделенная референция, стремится осуществить программу, которая не допускала бы

¹⁶ Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 95.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 92.

¹⁹ Там же. С. 95.

существование абстрактных объектов, или универсалий. Итак, помимо сингулярных терминов Куайн допускает существование общих терминов. «Грамматическая аналогия между общими и сингулярными терминами побуждает нас трактовать общий термин как обозначающий единичный объект, поэтому мы склонны утверждать существование области объектов, обозначаемых общими терминами, — области свойств или множеств. Рассматривая глаголы и предложения тоже как что-то именующие, мы в результате всего этого получаем расплывчатую и хаотичную онтологию»²⁰. Онтологию можно выбрать различную. Как говорит Куайн, «при желании мы можем провести онтологические пограничные линии. Можно упорядочить систему наших обозначений, допустив в нее только общие и сингулярные термины, сингулярную и множественную предикацию, истинностные функции и аппарат относительно предложений. Эквивалентно, хотя и более искусственно, вместо множественной предикации и относительных предложений принять квантификацию. Тогда мы можем сказать, что принимаемые объекты являются значениями переменных или местоимений. При таком упорядочении разнообразные фразеологические обороты обыденного языка, как будто вводящие новые виды объектов, исчезают. Имеется пространство выбора, и можно сделать выбор в пользу простоты общей системы мира»²¹.

Помимо тел Куайн выделяет физические объекты в качестве принимаемых в онтологии объектов, числа, возникающие благодаря научным теориям и квантификации, в которой числа принимаются в качестве значений переменных, и классы. Но Куайн не допускает существования класса классов, переводя этот реалистический язык на язык двуместного общего термина и подчеркивая инструментальную роль по-

²⁰ Куайн У. В. О. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 329.

²¹ Там же. С. 330.

нения класса. Для тех единичных терминов, для которых невозможно обнаружить соответствующую реальность (например, Пегас), целесообразно использовать теорию дескрипций Рассела для того, чтобы перевести предложения, содержащие собственные имена, в предложения, содержащие определенные дескрипции, а затем — в квантифицированные предложения. Иными словами, Куайн выбирает путь, по которому не пошел Рассел, отказавшийся от идеи квантификации пропозициональных переменных²² и который был выбран Лукасевичем в 1929 году²³. Куайн считает подлинными словами те, в отношении которых возможна квантификация. Иначе говоря, это слова, которые именуют некоторый объект из области значений переменных. Поэтому он говорит о квантифицированных переменных. В исчислении предикатов квантификация применяется к индивидуальным переменным — в этом случае область значений переменных охватывает только индивиды, и к предикатным переменным — в таком случае утверждается существование универсальных, абстрактных сущностей. Куайн, как и номиналисты, отвергает возможность применения квантификации к предикатным переменным, употребляя предикатные знаки лишь «синкатегорематически»²⁴. Куайн и Гудмен предприняли попытку превратить платонистские системы в номиналистические. Язык реалистов, в частности платонистический язык, содержит имена, которые что-то обозначают и помимо этого предложения с квантифицируемыми предикатными знаками. Так, Куайн показал, что предложения теории классов, опирающейся на конечное число n индивидов, эквивалентно предло-

²² Russell B. The Theory of Implication // American Journal of Mathematics. 1906. N 28. P. 29–53.

²³ Lukasiewicz J. Elementy logiki matematycznej. Warszawa, 1929. 2 изд. 1958.

²⁴ Goodman N., Quine W. Steps toward a Constructive Nominalism // The Journal of Symbolic Logic. 1947. N 12. P. 105–122.

жениям относительно этих n индивидов, сформулированных в номиналистическом языке²⁵. Здесь возникают определенные трудности, в частности в том, насколько эквивалентны эти два языка, ведь платонистский язык основывается на бесконечном множестве индивидов.

Куайн отмечает, что «в дополнение к физическим объектам мы принимаем также абстрактные объекты»²⁶. Но от целого ряда абстрактных объектов, например от чисел, Куайн предлагает освободиться: «числа можно выбросить за борт, сохранив их лишь как манеру речи. У нас остаются лишь физические объекты и классы»²⁷. Класс же он интерпретирует как двуместный общий термин «быть членом чего-то». Онтологию же, допускающую существование классов, свойств, пространства-времени и отношений, Куайн считает избыточной. Как вполне справедливо отметил Г. Кюннг, «общий метод состоит в том, чтобы заменить платонистические предложения о классах предложениями о мереологических совокупностях и разработать так называемое исчисление индивидов взамен теории классов»²⁸.

Этот подход Куайна предопределил и выбор им определенной онтологии, с которой связан выбор значения связанной переменной в истинном высказывании. «Объекты, или значения переменных, служат лишь указателями в пути, и мы можем заменять или отбрасывать их, как будет нам угодно, пока сохраняется структура связи предложений. Научная система, онтология и все остальное представляют собой созданное нами концептуальное средство, связывающее один чувственный стимул с другим»²⁹. Даже в интерпретации

²⁵ Quine W. On Universals // The Journal of Symbolic Logic. 1947. N 12. P. 81–84.

²⁶ Куайн У. В. О. Вещи и их место в теориях. С. 335.

²⁷ Там же. С. 335.

²⁸ Кюннг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999. С. 180.

²⁹ Куайн У. В. О. Вещи и их место в теориях. С. 340.

выбора онтологии сказываются исходные бихевиористские ориентации Куайна, предполагающие возбуждение органов чувств, реакцию на стимул и т. д. Но не в бихевиористской концептуальной схеме сила гносеологии и онтологии Куайна, а в его интерпретации генезиса и статуса абстрактных объектов теории. По его словам, «любая теория по существу признает те и только те объекты, к которым должны иметь возможность относиться связанные переменные, чтобы утверждения теории были истинными»³⁰. Объекты науки — физики, математики с гносеологической точки зрения являются «мифами на равном основании с физическими объектами и богами»³¹. Они «вводятся для того, чтобы сделать законы макроскопических объектов и в конечном счете законы опыта более простыми и удобными в обращении»³². Будучи компонентами концептуальной схемы, эти объекты должны согласовываться с нею. Вместе с тем Куайн подчеркивает, что высказывания о физических объектах нельзя подтвердить или опровергнуть путем прямого сравнения с опытом, что высказывания о физических и математических объектах тесным образом связаны с концептуальными схемами и со всей системой высказываний, а тем самым со всей структурой языка, который является орудием опыта.

Критикуя логический позитивизм, Куайн отмечает, что он основан на двух догмах эмпиризма, в частности, на противопоставлении аналитических и синтетических истин, первые основаны на значении и не зависимы от фактов, а вторые — основаны на фактах и на редукционизме, то есть на предположении о сводимости каждого осмысленного предложения к терминам, соотносимым с непосредственным опытом. Его позиция заключается в том, чтобы отказаться от

³⁰ Quine W. From a Logical Point of View. Cambridge, 1953. P. 13 (русский перевод с. 18).

³¹ Op. cit. P. 44 (русский перевод с. 46).

³² Op. cit. P. 44 (русский перевод с. 46).

этих двух догм эмпиризма. «Обе догмы недостаточно обоснованны. Одно следствие отказа от них состоит в стирании предполагаемой границы между спекулятивной метафизикой и естественной наукой. Другое следствие — сдвиг к прагматизму»³³. Не приемля различия между аналитическими и синтетическими истинами, Куайн усматривает в них различие между логическими и фактическими истинами. Все попытки свести логические истины к аналитическим с помощью синонимичности, определения, семантического правила и др. остаются неудовлетворительными, а само это различие является «неэмпирической догмой эмпириков, метафизическим догматом веры»³⁴.

Посылка Куайна — построить эмпиризм без догм, суть которого состоит в следующем: «Вся совокупность нашего так называемого знания или убеждений подобна силовому полю, пограничными условиями которого является опыт. Конфликт с опытом на периферии вызывает перестройку самого поля. Приходится перераспределять значения истины некоторых наших утверждений. Переоценка некоторых утверждений влечет за собой переоценку других в силу их логических взаимосвязей... Но поле в целом так не определено в своей основе своими пограничными условиями, опытом, что существует довольно широкий выбор относительно того, какие утверждения подлежат переоценке в свете любого отдельного противоречащего опыта. Никакой частный опыт не связан с какими-либо частными утверждениями внутри поля иначе, чем косвенно, через рассмотрение равновесия, действующего на поле как целое»³⁵.

Итак, речь идет о целостной системе предложений, которая основана на концептуальной схеме и воплощает ее в своей целостности. Физические объекты — лишь удобные

³³ Op. cit. P. 20 (русский перевод с. 24).

³⁴ Op. cit. P. 37 (русский перевод с. 39).

³⁵ Op. cit. P. 42—43 (русский перевод с. 44—45).

посредники, и их роль вполне сопоставима с ролью богов в мифах. «Миф о физических объектах эпистемологически превосходит большинство других в том отношении, что он оказался более эффективным, чем другие мифы, в качестве устройства для выработки поддающейся управлению структуры потока опыта»³⁶.

Физикалистская концептуальная схема, вводящая физические объекты, оказалась удобной, поскольку она «дает огромные преимущества, упрощая наши общие представления, сводя вместе рассеянные чувственные события и рассматривая их в качестве восприятий одного в концептуальной простоте»³⁷. Онтология Куайна допускает в качестве сущностей лишь те, которые могут выступать значениями переменных в данной системе предложений. К этим сущностям относятся физические тела, объекты науки на атомном и субатомном уровне, физические силы, абстрактные математические объекты, каждый из которых вводится в своей системе предложений и выполняет роль значений переменных в этой системе. Итак, концепция Куайна подчеркивает физикалистский характер вводимых объектов, причем абстрактные объекты могут быть сведены к совокупностям индивидуальных объектов. Так, предикат «красный» может быть рассмотрен как «рассеянная целостная вещь, части которой находятся во всех красных вещах», но ни в коем случае не как некое свойство³⁸. Он обратил внимание на то же, на что обратил внимание и Витгенштейн, когда писал о «зеленом» как о вещи.

При этом Куайн подчеркивает относительность онтологии каждой системы предложений — то, что неосмысленно в одной системе, становится осмысленным в другой³⁹.

³⁶ Op. cit. P. 44 (русский перевод с. 46).

³⁷ Op. cit. P. 17 (русский перевод с. 21).

³⁸ Op. cit. P. 72 (русский перевод с. 73).

³⁹ Quine W. V. O. *Ontological Relativity and Other Essays*. New York; London, 1969. P. 53.

Однако этот тезис об онтологической относительности приобретает у Куайна форму ухода в бесконечность, поскольку «мы не можем требовать от теории, чтобы она была полностью интерпретирована иначе, как в относительном смысле»⁴⁰.

Исходная посылка Куайна — нельзя говорить об эмпирическом содержании отдельного высказывания, поскольку «наши высказывания о внешнем мире предстают перед судом чувственного опыта не в отдельности, а как единое целое»⁴¹. В другом месте он заявляет, что «фактуальность есть внутреннее дело нашей теории природы»⁴², что фактов самих по себе, нейтральных не только относительно теории, но даже теории природы, не существует. Эта система высказываний, основанная на логических и математических принципах, «сталкивается с опытом только своими краями», только на периферии. Иначе говоря, нельзя выдвинуть критерий проверки отдельных высказываний, можно говорить лишь о критерии системы высказываний. Критерий оправдания системы высказываний — прагматический, хотя остается неясным, в чем прагматичность критерия истинности высказываний науки в целом.

Этот тезис Куайна послужил основанием для постулата обремененности наблюдения теоретическими конструктами, который был принят Т. Куном, П. Фейерабеном, Д. Хансоном и из которого неизбежно вытекали такие следствия, как невозможность сравнения и оценки теорий ссылкой на наблюдения, невозможность познавательного конфликта теорий, поскольку они говорят о разных вещах, невозможность радикально менять свои убеждения о предмете, коль скоро измененные убеждения не могут относиться к одному и тому же объекту, невозможность решения гносео-

⁴⁰ Op. cit. P. 51.

⁴¹ Op. cit. P. 42.

⁴² Куайн У. В. О. Вещи и их место в теориях. С. 342.

логической проблемы взаимоотношения теории и наблюдения⁴³. В конечном счете тезис Куайна влечет за собой отказ от принципа верификации и, уходя в бесконечность, определяет критерий истинности предложения в теории как совокупности предложений, а истинности теории — в теории природы.

Соавтор Куайна Нелсон Гудмен выражает последовательную номиналистическую позицию, согласно которой все предикаты являются предикатами индивидов и нельзя рассматривать абстракции как значение квантифицированной переменной⁴⁴. Гудмен, в отличие от Куайна, тяготеет не к физикалистской, а к феноменалистской онтологии. Вместе с Куайном Гудмен считает, что нельзя допускать какие-либо значения слов, предложений, и не хочет иметь дело ни со свойствами, ни с классами, ни с диспозициями и т. д. Допущение такого рода абстракций приводит к парадоксам. Поэтому необходимо переформулировать философские высказывания, перевести эти проблемы, сформулированные на платонистском языке, на язык номинализма.

Гудмен показал, что в ряде случаев такой перевод возможен, но он предполагает интерпретацию классов индивидов как мерологических совокупностей — целостностей, что и было осуществлено С. Лесьневским. Номинализм в качестве исходных единиц может принимать различные *базисные индивиды*: 1) физические объекты, что характерно для физикалистских систем, 2) феноменальные данные (*concreta*), например элементарные переживания, что характерно для феноменалистско-номиналистических систем, 3) свойства вещей, что характерно для физикалистского реализма, 4) феноменальные качества (*qualia*), что характерно для феноме-

⁴³ См.: Kording C. R. The Theory-ladenness of Observation // Review of Metaphysics. 1971. Vol. 24. N 3. P. 448–484.

⁴⁴ Goodman N. and Quine W. V. O. Steps toward a Constructive Nominalism // Journal of Symbolic Logic, 1947. XII. P. 106.

налистского реализма⁴⁵. Гудмен последователен в проведении позиции феноменалистского номинализма: «Ученый может пользоваться платонистскими классами, комплексами, числами, гаданием по внутренностям животных или любыми другими уловками, которые, по его мнению, помогают ему получить искомый результат. Однако продукты его деятельности оказываются в таком случае сырым материалом для философа, задача которого придать смысл всему этому: прояснить, упростить, объяснить, интерпретировать в понятных терминах. Ученый-практик действует, а философ пишет книги. Номинализм говорит о тех границах, которые ставит себе философ, чтобы придать реальный смысл тому, с чем имеет дело»⁴⁶.

Ориентируясь на построение системы, ограниченной языком индивидов, Гудмен отмечает, что в таких системах «значение истинности каждого предложения, состоящего только из логических знаков и нелогических определяемых терминов системы, остается неизменным, если все нелогические определяемые термины заменить соответственно их определяющими в этой системе»⁴⁷.

Одним из следствий конструктивного номинализма Гудмена оказывается то, что «никакие два различных слова не имеют одинакового смысла»⁴⁸. Общие понятия — лишь манера говорить, фигуры речи, *façon de parler*. Единственными объектами для Гудмена являются индивиды: «единственные индивиды, которые мы можем признать в конечной системе, суть суммы из одного или более атомов»⁴⁹.

⁴⁵ Goodman N. The Structure of Appearance. Cambridge, 1951. P. 101, 143.

⁴⁶ Bochenski J., Church A., Goodman N. The Problem of Universals. A Symposium. Notre Dam, Ind., 1956. P. 28.

⁴⁷ Goodman N. The Structure of Appearance. Cambridge, 1951. P. 60.

⁴⁸ Goodman N. On Likeness of Meaning // Philosophy and Analysis / ed. M. Macdonald. Oxford, 1954. P. 61.

⁴⁹ Goodman N. The Structure of Appearance. Cambridge, 1951. P. 86.

Выделяя различные философские направления, Гудмен противопоставляет платонизм, который «допускает неиндивидуальные сущности», и номинализм, не допускающий их. Помимо платонизма он выделяет реализм, который допускает непартикулярные, абстрактные объекты, и партикуляризм, который исходит из существования партикулярных объектов. Поэтому характеристика философских направлений усложняется. По мнению Гудмена, могут существовать: 1) платонистские и реалистские системы, которые допускают неиндивидуальные сущности и вместе с тем непартикулярные, абстрактные сущности, 2) номиналистские и реалистские системы, которые не допускают существования неиндивидуальных сущностей и одновременно предполагают существование абстрактных объектов, 3) платонистские и партикуляристские системы, которые допускают существование абстрактных сущностей и вместе с тем партикулярных сущностей, 4) номиналистские и партикуляристские системы, которые отрицают существование неиндивидуальных сущностей и одновременно допускают существование партикулярных сущностей. Философскую концепцию Карнапа он характеризует как платонистско-реалистскую систему, которая допускает существование такой абстрактной сущности, как сходство. Свою концепцию Гудмен называет в соответствии с этой классификацией номиналистско-реалистской, которая «допускает качественные неконкретные индивиды» и «исключает все неиндивиды»⁵⁰. Но все системы могут быть переведены на язык других систем. В том числе и номиналистско-реалистская система Гудмена допускает перевод на язык платонизма, который предполагает существование неиндивидов. Номиналистско-реалистская система Гудмена вводит индивиды с помощью разложения «потока опыта на его наименьшие конкретности, а этих конкретностей — на элементарные чувственные качества»⁵¹.

⁵⁰ Goodman N. Structure of Appearance. P. 107.

⁵¹ Ibidem. P. 147.

Язык системы Гудмена — это язык элементарных качеств, или дискретных индивидов. Сумма элементарных качеств образует комплекс, который также является индивидом, «каждые две дискретные части которого находятся вместе, но который не находится вместе ни с каким индивидом»⁵². Такого рода комплексы он называет конкретными, причем все части таких комплексов в свою очередь оказываются комплексами. Этот редукционистский подход, отвечающий критерию простоты, выдвигает в качестве исходных элементов атомарные индивиды, или элементарные чувственные качества. Их Гудмен называет «наличными признаками», которые состоят из «цветов, линий, мест в зрительном пространстве и различных незрительных чувственных качеств»⁵³. Элементарные качества существуют в рамках опыта как целого. Их нельзя отождествлять со свойствами, которые, в отличие от них, устойчивы и относительно неизменны. Элементарные качества относятся к области явлений, поэтому они не проверяемы, а лишь сравниваемы. С помощью созданного им языка Гудмен дает интерпретацию таких терминов, как «абстракция», «всеобщность», «конкретность» и др. Поэтому на языке Гудмена можно говорить о конкретности индивида, коль скоро он разложим на конкретные, и об абстрактности индивида, коль скоро он не содержит конкретных⁵⁴. Точно так же можно говорить об индивиде и как о частном, и как о всеобщем. Индивид является частным (particular), коль скоро он разложим на неповторимые комплексы, и одновременно индивид является всеобщим, коль скоро он не содержит неповторимых комплексов.

Проведя достаточно тонкое различие между конкретным, абстрактным, всеобщим и частным, Гудмен выделяет в

⁵² Goodman N. Sense and Certainty // Philosophical Review. 1952. Vol. IV. N 61. P. 183.

⁵³ Goodman N. The Structure of Appearance. P. 156, 176.

⁵⁴ Op. cit. P. 200.

проблеме универсалий два аспекта: первый, который является внешним для любой системы, относится к тому, сформулирована ли эта система на платонистском языке, допускающем в своей онтологии не только индивиды, но и классы индивидов, и второй аспект, который характеризует то, как же определены в системе предикаты «абстрактный» и «универсальный» («всеобщий»). Феноменалистский номинализм Гудмена и предполагает не только перевод платонистского языка классов на мереологический язык, но и переинтерпретацию проблемы универсалий с помощью нового определения предикатов «абстрактный», «конкретный», «универсальный», «частный».

Взгляды Куайна и Гудмена можно охарактеризовать как концептуалистские, хотя каждый из них обозначает их как конструктивный номинализм. Они принимают лишь дихотомию номинализма и реализма, работают в этой дихотомии и, проведя различие между «абстрактным» и «конкретным», между «универсальным» и «частным», которое уже было проведено еще в XIX веке в философии Гегеля, конечно, с иных позиций, строят достаточно сложные искусственные конструкции номиналистического реализма, реалистического номинализма и т. п. Такого рода построения показывают, что жесткая дихотомия номинализма и реализма их не устраивает, и они ищут новый путь, который был бы лишен односторонности номинализма и реализма, умеренный путь, который позволил бы им преодолеть альтернативность номинализма и реализма. Этот «умеренный путь» еще в средние века получил название концептуализма, и он ориентировал на постижение актов понимания, на анализ тех процедур, которые обеспечивали формирование концептов на основе языковых выражений и освоения Слова. Именно потому, что Куайн и Гудмен сделали своим предметом не просто соотношение слова и вещи, а прежде всего языковое поведение человека, они смогли выявить фазы освоения ребенком богатства языка от атрибутивного присоединения одного об-

щего термина к другому до выделения физического объекта и раскрыть роль индивидуальных элементов, понимаемых Куайном на физикалистский манер, а Гудменом — на феноменалистский манер, в разложении опыта на составляющие и в конструировании на их основе сложных познавательных структур.

Языковое поведение строится ими на основе скрытой в языке концептуальной схемы, которая играет конструктивную роль и в актах познания, и в актах действия. Прагматический критерий, о котором говорят и Куайн, и Гудмен, в конечном счете отсылает к использованию языка, что и кладется ими в основание исследования языкового поведения. Переход от одной совокупности данных опыта к другой осуществляется с помощью прагматического критерия — критерия полезности и удобства. Так, бесполезно и неудобно вводить значения, поскольку мир по крайней мере удваивается и нарушается принцип простоты. Обращение к понятиям «значение», «смысл» — это обращение к фикциям, которые удобны, хотя и создают ряд трудностей и приводят к антиномиям.

Философы, близкие по своим взглядам Куайну и Гудмену — прежде всего М. Уайт и А. Пап, столь же негативно относились к введению универсалий и отказывались от признания существования таких абстрактных объектов, как свойства, классы, значения. Так, согласно Уайту, введение значения, или смысла, логически необоснованно и коренится в двойном употреблении слова «существовать», которое мыслится как реальное существование и одновременно как идеальное существование (*subsistence*). Такого рода процедура введения универсалий и идеального значения допускает «странные сущности», которые вполне можно избежать при помощи перефразировки предложений. Уайт более радикален в применении прагматического критерия, чем Куайн и Гудмен, используя его и в анализе основных понятий, и в определении существования таких объектов, как события,

числа, свойства и физические объекты⁵⁵. Он подчиняет прагматическому критерию и непосредственное чувственное знание, и опытную проверку предложений теории, восполняя этот критерий другими критериями — предсказанием, уважением к простоте и ясности⁵⁶.

Столь же последовательно проводил номиналистическую точку зрения и А. Пап, который исключал из логического анализа значения, понятия и некоторые виды высказываний. Для него значение тождественно употреблению, а содержание любого понятия — области его применимости⁵⁷.

Различные трактовки проблемы универсалий задают различные интерпретации и проблемы языка, и его элементов, и структуры знания, и своеобразие онтологии. Не приходится сомневаться в том, что нередко философы и логики исходят из неявных допущений и не эксплицируют основания и тем более следствия выбранной ими позиции, их самосознание и квалификация собственных взглядов нередко далеко не совпадают с реальным содержанием их позиции. Движение аналитической философии нередко рассматривалось лишь под углом зрения движения к номинализму, а сам номинализм как выражение научности философско-логической позиции. На деле же последовательное проведение номиналистической позиции создавало искусственные трудности, и по сути дела, никем не было осуществлено. Каждый из философов аналитического направления пытался соединить исходные принципы номинализма с умеренным платонизмом, или реализмом, разрушая последовательность философско-логических и онтологических принципов. Более того, наиболее авторитетные представители аналитического направления, прежде всего Куайн и Гудмен, характеризовав-

⁵⁵ White M. *Toward Reunion in Philosophy*. Cambridge, 1956. P. 274.

⁵⁶ Op. cit. P. 284.

⁵⁷ Pap A. *The Age of Analysis*. New York, 1955.

шие, повторим, свою позицию как позицию конструктивного номинализма, фиксировали в слове «конструктивный» то обстоятельство, что они анализируют акты выражения в языке различных фаз освоения мира, обращаются к специфическим модальным структурам человеческого отношения к тем или иным событиям и процессам, выражающего сомнения, убежденность, желание и др. Такого рода модальные предложения оказываются весьма важными для исследования познавательных актов и их содержания. Начав с решительного отвержения и проблемы значения, и проблемы универсалий, представители аналитического направления вынуждены были смягчить свою позицию, когда осознали онтологические и лингвистические следствия такого ригоризма.

Если подвести итоги, то можно согласиться с Т. Хиллом, что «полное исключение универсалий нецелесообразно и, может быть, даже невозможно... Во-первых, мы продолжаем использовать множество абстрактных терминов в форме имен существительных и непосредственно на местах субъектов в предложениях; и конечно, наши языки и мышление были бы серьезно обеднены, если бы этот обычай был запрещен... Даже когда сделаны более или менее успешные переводы, остаются вопросы относительно предикатов, предполагающих универсалии. Но вдобавок к тому, что мы упорно продолжаем говорить на языке универсалий, этот язык, по-видимому, нужен нам для различных важных целей. Во-первых, нам нужно говорить о свойствах, которыми предметы обладают или которые мы им приписываем, когда что-то о них говорим, и большинству людей показалось бы абсурдным отрицать существование таких свойств. Во-вторых, нам нужно говорить об отношении свойств друг к другу... Только ценой отказа от очень больших областей не только человеческого языка, но и человеческого мышления можно целиком избавиться от универсалий»⁵⁸. Поэтому

⁵⁸ Хилл Т. И. *Современные теории познания*. М., 1965. С. 459–460.

ригоризм в отказе от универсалий, присущий представителям прагматического анализа языка, в отказе от любых абстрактных сущностей — от свойств, классов, значений влечет за собой искусственность в построениях и разрушает живую ткань и человеческого языка, и человеческого мышления. Поворот к анализу естественного языка и выдвижение на первый план в философии языка аналитики обыденного языка привели не только к отказу от подобного ригоризма в отношении к универсалиям, но и к осмыслению реальной практики использования языка и реальных функций универсалий.

И в современной математической логике обсуждается вопрос об онтологии обобщенной квантификации, причем предлагаются различные онтологии. Б. Г. Драгалина-Черная выявляет две линии в трактовке кванторов: линию Г. Фреге, который отстаивает предикатную трактовку экзистенциальных и универсальных кванторов, и линию Ч. Пирса, согласно которому кванторы — это функции выбора индивидов из областей интерпретации. Эти две линии связаны с различными онтологиями: для Фреге кванторы — это свойства понятий, или второпорядковые одноместные предикаты, а для Пирса кванторы — это выбор значений, выражаемый в терминах действий со знаком. Подход Пирса получает интерпретацию как второпорядковая логика, допускающая введение онтологии таких абстрактных сущностей, как множества. Обобщение подхода Фреге осуществлено А. Мостовским, для которого кванторы — второпорядковые свойства первопорядковых свойств, или классы подмножества универсума. Логические кванторы инвариантны относительно изоморфных перестановок индивидов в области интерпретации. Обобщение обобщенных кванторов Мостовского, проведенное П. Линдстремом, позволяет понять кванторы как второпорядковые отношения между первопорядковыми отношениями. В статье Е. Г. Драгалиной-Черной намечается путь упорядочивания универсума и построения различных онтологий логики: от монадической

квантификации (логики кардинальности, или логики свойств классов индивидов) до бинарной квантификации (логики структур, или свойств классов бинарных отношений — пар индивидов)⁵⁹.

⁵⁹ См. об этом: Драгалина-Черная Е. Г. Онтология обобщенной квантификации // Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института Философии РАН. Вып. XVII. М., 2004. С. 53–62.

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ ПОППЕРА

Карл Поппер в «Нищете историцизма» называет проблему универсалий «одной из старейших и наиболее фундаментальных проблем философии»¹. Она характеризует статус терминов, которые обозначают качества, классы, подклассы и т. д. Ее истоки — в философии Платона и Аристотеля. Она интерпретируется как метафизическая проблема, но ее можно переформулировать как проблему научного метода. В этом он и усматривает свою задачу. В любой науке употребляются универсальные и единичные термины. Если единичные термины являются или именами собственными, которые обозначают определенную реальность, или именами с определенными пространственно-временными координатами, которые сопровождаются остенсивными указаниями, статус универсальных терминов иной. И уже в определении их статуса становится очевидной оригинальность позиции К. Поппера.

Эта позиция оригинальна и в трактовке статуса универсалий, и в понимании возможности различения эмпирического и теоретического языков, и в трактовке законов

природы, и в решении проблемы индукции. Все это следствия оригинальности исходной трактовки Поппером статуса универсалий. Он отвергает позицию, согласно которой можно определить универсалии как результат процедуры абстрагирования и как продукт индуктивной логики. По его мнению, «средства символической логики столь же неадекватны для решения проблемы универсалий, как и для решения проблемы индукции»². Поппер проводит различие между строго универсальными и строго экзистенциальными высказываниями: в первые входят только универсалии, во вторые — связка «существует». Законы природы, формулируемые в естественнонаучных теориях, представляют собой строго универсальные высказывания. Но Поппер представляет законы природы в форме запретов, отрицающих существование чего-то (например, вечного двигателя), поэтому законы природы можно подвергнуть процедуре фальсификации. Экзистенциальные высказывания не поддаются фальсификации, они не эмпиричны или метафизичны. Универсальные высказывания, или законы природы, выходят, по его словам, за пределы опыта, поскольку любое высказывание (даже сингулярное) содержит универсалии, которые он интерпретирует как диспозиционалы, не сводимые к опыту. Диспозиционалы свидетельствуют о регулярном, законосообразном поведении и входят в высказывание в качестве терминов разной степени общности. Диспозициональность (предрасположенность) чего-то к чему-то не определима ни с помощью непосредственного опыта, ни операционально. Она указывает на то, что возможно. За ней кроется новая онтология — онтология возможного и актуального бытия, которую строит Поппер.

Статус универсалий стал предметом ожесточенного спора между двумя направлениями — номинализмом и реализмом. Номинализм полагает, что универсальные термины относят-

¹ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 000.

² Поппер К. Логика научного исследования. М., 2004. С. 62.

ся к членам группы или класса, а не к какому-то единичному предмету. Реализм, который Поппер предпочитает называть эссенциализмом, полагает, что вещам внутренне присущи некоторые свойства (например, белизны), которые обозначаются универсальным термином. Универсальный термин, обозначающий это свойство, они считают объективным и реально существующим наряду с индивидуальными предметами. Эти универсальные объекты Поппер называет сущностями (*essences*), потому и направление, которое верит в существование универсальных объектов и соответственно универсалий, — эссенциализмом.

Итак, первая трансформация, осуществляемая Поппером, заключается в обозначении реализма как эссенциализма. И на это он имел основания.

Вторая трансформация более глубокая. Она относится к изменению постановки вопроса. Стремясь избежать вопроса о существовании универсальных и единичных предметов, об их различии, Поппер переносит эту проблему из метафизического в методологический план и говорит о методологическом эссенциализме и методологическом номинализме. Если методологический эссенциализм ищет «реальное, или сущностное, значение» терминов науки, то методологический номинализм стремится только «описать поведение предметов», а научные термины считает «полезными инструментами описания», и сама постановка проблем в этих двух направлениях мысли принципиально отличает их друг от друга: методологический реализм стремится обсуждать такие вопросы, как: «Что такое материя?» или «Что такое сила?», а методологический номинализм: «Как ведет себя данная частица материи?» или «Как она движется в присутствии других тел?».

Уже в классический период новоевропейское естествознание, отказавшись от определения и от исследования ненаблюдаемых сущностей, утвердило в качестве своего основания методологический номинализм, который и победил к началу XX века сначала в физике, а затем и в биологии. Естествен-

ные науки, согласно Попперу, объясняют и описывают эмпирические наблюдения. И ничего более. Правда, он замечает, что естественнонаучные термины могут использоваться в качестве названий некоторых важных и сложных структур. Но в таком случае остается неясным, чем отличаются структуры от сущностей. Не есть ли это новое обозначение для старых «эссенций», от которых Поппер предлагает освободить естественные науки? Однако Поппер вряд ли прав, полагая, что физика отказалась от постановки вопросов о том, в чем сущность атомов или света, а биология — от таких вопросов, как «Что такое жизнь?» или «Что такое эволюция?». Можно напомнить исследования М. Планка и Н. Бора о структуре атомов, Э. Шредингера о том, что же такое жизнь, Л. С. Берга механизмов и направленности эволюции.

Эта интерпретация Поппером методологического номинализма естественных наук движима стремлением противопоставить их социальным наукам, в которых, по его мнению, доминирующее место занимает именно методологический эссенциализм. Задача социальной науки усматривалась и усматривается в том, чтобы понять и объяснить такие социальные сущности, как государство, социальная группа и др., чтобы ясно и отчетливо их описать. Начиная с Аристотеля, именно так определялась цель социальной науки. Историзм, хотя он подчеркивает важность изменения, также занимает позиции методологического эссенциализма, поскольку он стремится выявить устойчивое, относительно неизменное и тождественное. Более того, согласно Попперу, социальная наука обречена на методологический эссенциализм: «Социологическое описание никогда не может быть просто описанием в номиналистском смысле»³.

Методологический эссенциализм в определенной мере оправдывается Поппером, поскольку историзм стремится осмыслить предмет не только как нечто самотождественное

³ Поппер К. Ницета историзма. М., 1993. С. 41.

и неизменное, но и как предполагающее изменение. Изменения высвечивают возможности этого предмета и могут быть поняты как актуализация скрытых возможностей его сущности. Этот ход мысли — понять сущность через ее изменения — был предложен уже Аристотелем и стал теоретико-методологической основой историцизма. Но это означает, что понятия, выражающие эти изменяющиеся сущности, должны быть в свою очередь историческими и нельзя те или иные понятия напрямую соотносить с определенными социальными сущностями, ведь и социальные реальности, и понятия, их выражающие, историчны по своему содержанию.

Если подвести итоги, то можно сказать, что Поппер признает эвристичность разделения логико-гносеологических и философских концепций на номинализм и реализм, предлагая осмыслить эту дилемму не в метафизическом, а в методологическом ключе. Вместе с тем принципиальное отличие естественных наук от социальных заключается, по его мнению, не только в точности методов, не только в количественных методах измерения и описания, но и в логико-методологическом их основании — естественные науки базируются на методологическом номинализме, не допускающем введения неких сущностей в качестве реальностей, а социальные науки никогда не смогут превозмочь границы методологического эссенциализма, умножая сущности, требующие своего описания и объяснения, и даже принимая позицию историцизма, не смогут избежать допущения неких относительно неизменных сущностей, актуализацией возможностей которых являются исторические состояния. Как мы видим, прежнее историко-философское расчленение интерпретации проблемы универсалий существенно модифицировано Поппером — из метафизического оно стало методологическим, характеризуя способ работы с понятиями, способ их соотношения с реальностью — то ли сугубо функциональный, отвечающий на вопрос «как?», ограничивающий себя описанием поведения, но не стремящийся дать объяснение тем или иным

реальным феноменам или процессам, то ли эссенциалистский, ищущий ответа на вопрос «что это такое?» и стремящийся вскрыть за описываемыми феноменами некую ненаблюдаемую реальную сущность.

Функциональный подход наиболее адекватным образом представлен в методологическом номинализме, который составляет основу естественных наук, а эссенциалистский — в социальных науках, которые обречены на некритическое введение реальных сущностей в качестве предметов объяснения. Принципиальные методологические различия в позициях номинализма и эссенциализма коренятся прежде всего в альтернативности тех вопросов, которые доминируют в той или иной области научного знания («как?» или «что?»), а также в альтернативности тех процедур (описания или объяснения), которые принимаются в них в качестве наиболее значимых. Если акцент делается на процедуре описания и на поиске ответа на вопрос «как?», то вместе с Поппером эту позицию можно назвать позицией методологического номинализма. Если же акцент делается на процедуре объяснения и на поиске ответа на вопрос «что?», то эту позицию можно назвать методологическим эссенциализмом. Но все же можно сомневаться в том, что эти две процедуры альтернативны, что различие между ними влечет за собой альтернативность различных отраслей научного знания, и более того, что естественные науки ограничиваются лишь описанием феноменов и процессов, а социальные науки — объяснением неких сущностей, вводимых в качестве чего-то реального.

Казалось, Поппер отдает приоритет методологическому номинализму и усматривает в методологическом эссенциализме источник заблуждений историцизма и бед тоталитарного способа мысли и жизни. Однако в своих методологических исследованиях он вводит понятие «третьего мира» и знания без познающего субъекта. Создавая «эпистемологию без познающего субъекта», Поппер отмечал, что «примерами объективного знания являются теории, опубликованные в

журналах и книгах и размещенные в библиотеках; дискуссии об этих теориях, трудности или проблемы, отмеченные в связи с этими теориями; и т. д.»⁴. Он называет физический мир миром 1, мир нашего сознательного опыта — миром 2 и мир логического содержания книг, библиотек, памяти компьютеров и т. п. миром 3. Третий мир является производением коллективного творчества человечества, созданием коллективов ученых, и без него невозможно существование и развитие любого производства. Для Поппера объективное знание — это знание, не зависящее от чьих-либо претензий на знание, от чьего-либо убеждения или расположения к согласию с ним, или к утверждению его, или к действию. «Третий мир» — это знание в объективном смысле, знание без познающего субъекта, объективное содержание знания, не зависящее ни от психологического субъекта, ни от актов познания, а существующее само по себе.

Допущение «третьего мира» объективно-идеального смысла знания свидетельствует об отказе от позиции методологического номинализма и принятии позиции методологического эссенциализма. Ведь «третий мир», по словам Поппера, хотя и является человеческим продуктом, но обладает суверенным статусом и включает в себя теории в себе, аргументы в себе, проблемные ситуации в себе. Сама эта терминология заимствована Поппером у Больцано, но существенно расширена, поскольку охватывает теории, аргументы и проблемные ситуации, которые никогда не были произведены и поняты людьми, а может быть, никогда не будут произведены или поняты. Не являются ли теории в себе, аргументы в себе, проблемные ситуации в себе такими сущностями, которые существуют независимо от познающего субъекта? Каков статус «третьего мира», какова его связь с физическим и психическим мирами, каково его строение —

⁴ Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1972. P. 73.

включает ли он только истинное знание или же вместе с ним и заблуждения — все эти вопросы далеко выходят за рамки проблемы универсалий.

Нам же сейчас важно подчеркнуть, что допущение «третьего мира» — мира объективного содержания знания, зафиксированного в языке, книгах и т. д., не столько воссоздает мир эйдосов Платона, «объективный дух» Гегеля, «истины в себе» Больцано, «объективное содержание мысли» Фреге или мир «значений» Гуссерля, сколько свидетельствует об определенных трудностях современной теории познания, стремящейся уйти от психологизма и одновременно от релятивизма, фиксирующей объективно-идеальное содержание знания, но не могущей преодолеть альтернативность позиций номинализма и эссенциализма. «Третий мир (часть которого — человеческий язык) является продуктом человека, так же как мед является продуктом пчел. Как язык (и как мед), он непреднамеренный, и потому незапланированный продукт человеческой деятельности... Даже натуральные числа созданы человеком, они являются продуктом человеческого языка и человеческой мысли. И все же таких чисел существует бесконечное множество — столько, сколько никогда не сможет назвать человек или использовать компьютер. И существует бесконечное множество верных равенств между этими числами и неверных равенств — больше, чем мы когда-либо сможем объявить верными или неверными... Неожиданные новые проблемы возникают как непредусмотренный побочный продукт ряда натуральных чисел, например нерешенные проблемы теории простых чисел... Эти проблемы автономны. Они в никаком смысле не созданы нами; и в этом смысле они существуют, неоткрытые, вплоть до своего открытия»⁵.

Тем самым Поппер стремится объединить номиналистическую и реалистическую установку, подчеркивая важ-

⁵ Popper K. Objective Knowledge. Oxford, 1972. P. 159–160.

ность познавательной деятельности и одновременно объективности, складывающейся в результате человеческих актов. Конечно, между «третьим миром» Поппера и платоновским миром идей или гегелевским объективным духом можно провести определенные параллели. Правда, сам Поппер, говоря о собственной теории, отмечает, что «у нее больше общего с теорией Больцано об универсуме высказываний в себе и истин в себе, хотя она отличается и от этой теории. Мой третий мир ближе всего находится к универсуму объективного содержания мышления Фреге»⁶. «Мой центральный тезис таков, что всякий интеллектуально значащий анализ акта понимания должен состоять в основном, если не полностью, в анализе того, как мы оперируем со структурными единицами и инструментами третьего мира»⁷. Такими структурными единицами «третьего мира» являются умопостигаемые объекты понимания — действительные и возможные. Сам Поппер в состав «третьего мира», столь же объективно-реального, как и физический, и психический мир, не включает понятия и их значения, а только проблемы, предположения, теории, проблемные ситуации, аргументы. «Теории, или высказывания, или утверждения — это самые важные лингвистические сущности третьего мира»⁸. Поппер стремится соединить автономность третьего мира и тот факт, что он является продуктом человеческой деятельности. «Можно принимать реальность, или, как ее можно назвать, автономность третьего мира, и в то же самое время признавать, что третий мир является продуктом человеческой деятельности. Можно даже признавать, что третий мир создан человеком и в то же время что он сверх-человечен во вполне определенном смысле»⁹.

⁶ Поппер К. Логика и рост научного знания. С. 440.

⁷ Popper K. Objective Knowledge. P. 163.

⁸ Op. cit. P. 163.

⁹ Op. cit. P. 159.

Автономность интеллигибельных сущностей третьего мира позволяет Попперу избежать трудностей психологизма и социологизма и преодолеть релятивизм, неизбежно возникающий, если остановиться лишь на одной стороне дела — на создании человеком научных теорий, гипотез и т. д. Именно потому, что Поппер подчеркивает объективное содержание научного знания, его автономность и относительно познавательных актов, и относительно научного сообщества, он в состоянии преодолеть релятивизм социологии науки, редуцирующей научное знание к парадигмам научного сообщества. Но почему состав «третьего мира» ограничен только предположениями, проблемными ситуациями, аргументами и теориями, остается неясным. Очевидно, это объясняется лишь стремлением Поппера отделить свое учение от платонизма, гегельянства и гуссерлианства, которые гипостазировали идеи, дух, значения. Однако подобное ограничение «третьего мира» лишь единицами анализа знания, которые выдвинуты самим Поппером, не оправданно. Столь же не проясненными остаются и взаимоотношения между «вторым» и «третьим» мирами. Умопостигаемые сущности автономны относительно мысленных действий, которые составляют содержание «второго мира». Но третий мир создается в процессах мысленных действий, он связан с ними. Каким же образом акты понимания — ядро «второго мира» — отлагаются в сущностях третьего мира, если между ними не существует никакого сходства? Стремясь обойти трудности психологизма и вместе с тем настаивая на объективности смысловых структур третьего мира, Поппер на XIV Международном конгрессе в Вене выступает с докладом «О теории объективного разума»¹⁰. Поппер замечает, что «одна из важнейших функций второго мира состоит в том, чтобы постигать объекты тре-

¹⁰ Popper K. On the Theory of the Objective Mind // Akten des XIV Internationalen Kongresses für Philosophie. Vol. 1. Wien, 1968. P. 25–53.

тьего мира. Мы все это делаем: для человека существенна способность обучаться языку, а это означает, по сути, обучаться постигать объективное содержание мысли (как это называет Фреге)¹¹. Можно сказать, что в последние годы Поппер все более и более склонялся к лингвистической интерпретации третьего мира, и параллели, которые он проводил между освоением языка и освоением третьего мира, отнюдь не были случайными: по словам Г. Сколимовского, «Поппер приглашает нас исследовать все эти вопросы (вопросы объективности знания и разума) через призму языка»¹². Сам Поппер, возражая Сколимовскому, подчеркивает, что между актами второго мира и объектами третьего мира существует взаимодействие: «Я признаю, что это субъективное или диспозициональное состояние понимания принадлежит второму миру. Но я утверждаю... что почти все важные вещи, которые мы можем сказать об этом (то есть о нашем принадлежащем второму миру понимании или усвоении третьего мира) состоят в указании на его отношение к объектам третьего мира»¹³. В «Логике социальных наук», расшифровывая свою позицию, Поппер подчеркивает: «Совершенно неверно считать, что объективность науки зависит от объективности ученого. И совершенно неверно считать, что позиция представителя естественных наук более объективна, чем позиция представителя общественных наук. Представитель естественных наук так же пристрастен, как и любой другой человек... То, что можно назвать научной объективностью, основывается

¹¹ Popper K. Objective Knowledge. P. 156.

¹² Сколимовский Г. Карл Поппер и объективность научного знания // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критика / Общая ред. и вступительная статья В. Н. Садовского. М., 2000. С. 258.

¹³ Popper K. Фримен и Сколимовский в пирсовских предвосхищениях Поппера // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. С. 287.

исключительно на той критической традиции, которая, невзирая на всякого рода сопротивление, так часто позволяет критиковать господствующую догму. Иными словами, научная объективность — это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учеными, их сотрудничества и их соперничества. По этой причине она зависит отчасти от ряда социальных и политических обстоятельств, делающих такую критику возможной»¹⁴. Здесь, как мы видим, Поппер связывает объективность с критицизмом и с социально-политическими факторами роста научного знания — конкуренцией, традицией, социальными институтами, государственной властью и т. д.

Объяснение объективности научного знания у Поппера не ограничивается указанием на такого рода социокультурные факторы, он сам понимает, что генезис третьего мира и его связь со вторым миром — миром человеческих действий, весьма многогранная проблема. Отношение трех миров — мира физического, мира психического и мира объективного содержания мысли — Поппер называет действительно трудной проблемой, полагая, что она будет решена «не раньше, чем мы узнаем гораздо больше о человеческом мозге и человеческом разуме, чем мы знаем сейчас»¹⁵. При всей трудности анализа взаимоотношений трех миров и особенно второго и третьего миров тот факт, что акты понимания отлагаются в объективном содержании научного знания, а единицы его анализа превращаются у него в объекты «третьего мира», «нематериальные вещи», в некие идеальные диспозиционалы, существующие независимо от познающего субъекта, но познаваемые с его помощью, означает, что Поппер в концепции «третьего мира» не только осуществляет переход от методологического подхода к метафизическому, но и существенно

¹⁴ Popper K. Логика социальных наук // Там же С. 305.

¹⁵ Там же. С. 288.

изменяет позицию методологического номинализма, превращая ее в позицию диспозиционального концептуализма. Это позволило Попперу обсудить ряд новых проблем, например проблему соотношения тела и духа¹⁶ и осуществить критику субъективистских интерпретаций квантовой механики¹⁷.

Идея третьего мира как объективного, автономного содержания научного знания, объективности различных областей науки становится центральной в этот период, начало которого сам Поппер датирует 1950-м годом и который длится вплоть до его кончины в 1994 году. Об этом свидетельствует, в частности, его книга «Философия и физика: очерки в защиту объективности физической науки»¹⁸. Проблема универсалий была переведена Поппером в проблему объективности научного знания, и тем самым ей был дан новый вектор и задано новое содержание. Проблема универсалий стала трактоваться как один из аспектов диспозиционалов — предрасположений, которые характеризуют как объективный мир смыслов, так и саму действительность. Как сказал сам Поппер, «я не думаю, что язык, лишенный универсалий, мог бы работать, а использование универсалий заставляет нас утверждать или (по крайней мере) предполагать реальность диспозиций, хотя, конечно, не реальность конечных и необъяснимых далее сущностей»¹⁹. Отвергая существование универсалий как особых сущностей и тем самым не принимая позицию эссенциализма, Поппер предполагает существование объективного смысла гипотез, теорий и высказываний, но существование его как диспозиций, которые в свою очередь предполагают «психологический мир 2», то

¹⁶ Popper K. Knowledge and the Body-Mind Problem. In Defence of Interaction. London; New York, 1994.

¹⁷ Поппер К. Квантовая теория и раскол в физике. М., 1998.

¹⁸ Popper K. Philosophy and Physics: Essays in Defence of the Objectivity of Physical Science. Oxford, 1974.

¹⁹ Поппер К. Предположения и опровержения. М., 2004. С. 201.

есть его актуализацию в человеческом сознании и действии. А это и есть позиция концептуализма, правда, иного, чем концептуалистская позиция Куайна и Гудмена, поскольку они ограничиваются теми аспектами, которые важны для современной логики в противовес Попперу, строящему как логику научного исследования, так и онтологию предрасположенностей, связанную с методологическим анализом квантовой механики и бытия-в-возможности, превращающегося в актуальное бытие.